

Содержание

ВЕКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Бахытжамал Бектурганова, Мадина Нургалиева	Ровесники независимости: этнорелигиозные идентификации казахстанской молодежи 7
Марат Байпаков, Сергей Коновалов, Юлия Кучинская	Политические партии и социально- экономическое развитие Казахстана: эффект отражения..... 20
Салима Узакова, Владимир Добренъков, Юрий Афонин, Эльмира Наберушкина	Масс-медийный дискурс о казахстанской семье..... 30

ВЕКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Казила Кубаев	Трансформации в экономике как предпосылки перехода к «Обществу Всеобщего Труда»..... 38
Фарида Альжанова, Ольга Лашкарева	Развитие кластеров услуг в экономике мегаполиса (на примере г. Астаны)..... 51
Вячеслав Додонов	Экономические механизмы реализации стратегии низкоуглеродного развития Казахстана..... 68

РЕЦЕНЗИЯ

Андрей Чеботарёв	Стратегия управления..... 89
Мурат Лаумулин	Обзор текущей литературы о Центральной Азии..... 92

KAZISS
Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Мадина Нургалиева**,
руководитель Представительства КИСИ
при Президенте РК в г. Алматы

Ответственный за выпуск Алмас Арзикулов
Редактор-корректор Наталия Шестакова
Верстка Валерий Глухов
Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитши-
лик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и
массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство
№644. ISSN 1562-6318
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакцион-
ной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано КФ «Буланды» ОО «КОС», г. Макинск, ул. Громова, 73.2.
Тираж 500 экз.

Мазмұны

ӘЛЕУМЕТТІК ДАМУДЫҢ БАҒДАРЛАРЫ

Бақытжамал Бектұрғанова, Мадина Нұрғалиева	Тәуелсіздіктің құрдастары: қазақстандық жастардың этностық-діни бірегейленуі.....7
Марат Байпақов, Сергей Коновалов, Юлия Кучинская	Саяси партиялар және Қазақстанның әлеуметтік-экономикалық дамуы: көрініс әсері20
Сәлима Ұзақова, Владимир Добренъков, Юрий Афонин, Эльмира Наберушкина	Қазақстандық отбасы туралы масс-медиялық дискурс30

ЭКОНОМИКАЛЫҚ ДАМУДЫҢ БАҒДАРЛАРЫ

Қазила Құбаев	Экономикадағы өзгерістер «Жалпыға Ортақ Еңбек Қоғамына» көшудің алғышарттары ретінде.....38
Фарида Әлжанова, Ольга Лашкарева	Мегаполис экономикасында қызмет көрсету кластерлерін дамыту (Астана қ. мысалында).....51
Вячеслав Додонов	Қазақстанның төменсүтекті даму стратегиясын жүзеге асырудың экономикалық тетіктері.....68

РЕЦЕНЗИЯ

Андрей Чеботарёв	Басқару стратегиясы.....89
Мұрат Лаумулин	Орталық Азия туралы ағымдағы әдебиетке шолу.....92

KAZISS

Қазақстан Республикасының
Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық
зерттеулер институты

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Бас редактор **Мадина Нұрғалиева**,
ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ
Өкілдіінің жетекшісі (Алматы қ.)

Шығаруға жауапты Алмас Арзықұлов
Редактор-корректор Наталия Шестакова
Беттеу Валерий Глухов

Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ., Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997 жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318

Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға сілтеме жасалынуы міндетті.

Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі мүмкін. ҚБ «ҚСҚ» «Бұланды» ҚФ басылып шығарылды. Макинск қ., Громов көш., 73,2. Тарапымы 500 дана.

Contents

DIMENSIONS OF SOCIAL DEVELOPMENT

- Bakhytzhamal Bekturganova,
Madina Nurgalieva** Coevals of Independence: Ethnic and Religious
Identities of Kazakhstan Youth.....7
- Marat Baypakov,
Sergey Konovalov,
Yulia Kuchinskaya** Political Parties and Socio-Economic Development
of Kazakhstan: Reflection Effect20
- Salima Uzakova,
Vladimir Dobrenkov,
Yuri Afonin,
Elmira Naberushkina** Mass Media Discourse
on Family in Kazakhstan30

DIMENSION OF ECONOMIC DEVELOPMENT

- Kazila Kubayev** Economic Change as Transformation to Nation
of Universal Labour.....38
- Farida Alzhanova,
Olga Lashkareva** Development of Clusters Services in Megapolis
Economy (Case of Astana).....51
- Vyacheslav Dodonov** Economic Mechanisms of Implementation
of Low-Carbon Development Strategy
for Kazakhstan.....68

BOOK REVIEWS

- Andrey Chebotarev** Management Strategy.....89
- Murat Laumulin** Literature Review on Central Asia.....92

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Madina Nurgalieva**,
Head of Almaty Office of KazISS
under President of Kazakhstan

Responsible for publication Almas Arzikulov
Editor-corrector Nataliya Shestakova
Layout Valeriy Glukhov
Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.
Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
The journal was registered by the National Agency of press and information of
the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318
All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the
editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed by "Bulandy" CF "KBA" SA. Gromov St., 73.2, Maminsk.
Copies 500.

Редакционный совет

- Зарема Шаукенова** — председатель Редакционного совета, директор Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК
- Мадина Нургалиева** — шеф-редактор, руководитель Представительства КИСИ при Президенте РК в г. Алматы, кандидат политических наук
- Анна Альшанская** — научный сотрудник отдела социально-экономических исследований КИСИ при Президенте РК
- Рахман Алшанов** — президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Гульмира Илеуова** — директор ОФ Центр социально-политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук
- Гульнар Насимова** — заведующий кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета (КазНУ) им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
- Константин Сыроежкин** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Андрей Чеботарёв** — директор Центра актуальных исследований «Альтернатива», кандидат политических наук
- Марат Шайхутдинов** — заместитель Секретаря Совета Безопасности РК, доктор исторических наук, профессор
- Мартин Брусис** — доктор социологических наук, Высшая школа исследований Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвиг-Максимилиана (Германия)
- Синтия Каплан** — профессор Калифорнийского университета (США)
- Геннадий Чуфрин** — академик РАН, доктор экономических наук, профессор

Редакциялық кеңес

- Зарема Шәукенова** — Редакциялық кеңестің төрағасы, ҚР Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының (ҚСЗИ) директоры, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА мүше-корреспонденті
- Мадина Нұрғалиева** — бас редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ-дың Өкілдігінің басшысы (Алматы қ.), саяси ғылымдарының кандидаты
- Анна Альшанская** — ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ-дың әлеуметтік-экономикалық зерттеулер бөлімінің ғылыми қызметкері
- Рахман Алшанов** — «Тұран» ағарту корпорациясының президенті, ҚР жоғары оқу орындары қауымдастығының президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Гүлмира Илеуова** — «Стратегия» Әлеуметтік-саяси зерттеулер орталығы ҚҚ-ның директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
- Гүлнар Насимова** — әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының басшысы, саяси ғылымдар докторы, профессор
- Константин Сыроежкин** — ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ-дың бас ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы, профессор
- Андрей Чеботарёв** — «Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
- Марат Шайхутдинов** — ҚР Қауіпсіздік Кеңесі хатшысының орынбасары, тарих ғылымдарының докторы, профессор
- Мартин Брусис** — әлеуметтану ғылымдарының докторы, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Еуропаны зерттеудің жоғарғы мектебі, Людвиг-Максимилианның Мюнхен Университеті (Германия)
- Синтия Каплан** — Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)
- Геннадий Чуфрин** — РҒА академигі, экономика ғылымдарының докторы, профессор

Editorial Board

- Zarema Shaukenova** — Chairperson of Editorial Board, Director of Institute of Strategic Studies under President of Kazakhstan (KazISS), Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of National Academy of Science of Kazakhstan
- Madina Nurgalieva** — Chief Editor, Head of Almaty Representative Office of KazISS under President of Kazakhstan, Candidate of Political Science
- Anna Alshanskaya** — Research Fellow of the Department of Social and Economic Analysis at the KazISS
- Rakhman Alshanov** — President of “Turan” Educational Corporation, President of Kazakhstan Association of Higher Educational, Doctor of Economics, Professor
- Gulmira Ileuova** — Director of “Strategy” Center for Socio-Political Research, Candidate of Sociology
- Gulnar Nasimova** — Head of Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University (KazNU), Doctor of Political Science, Professor
- Konstantin Syroezhkin** — Chief Research Fellow of KazISS under President of Kazakhstan, Doctor of Political Science
- Andrey Chebotarev** — Director of “Alternativa” Center for Contemporary Studies Candidate of Political Science
- Marat Shaikhutdinov** — Deputy Secretary of Security Council of Kazakhstan, Doctor of History, Professor
- Martin Brusis** — Director of Graduate School for East and Southeast European Studies, Ludwig-Maximilian University of Munich (Germany), Doctor of Social Science
- Cynthia Kaplan** — Department of Political Science, University of California Santa Barbara (USA), Professor
- Gennady Chufrin** — Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

РОВЕСНИКИ НЕЗАВИСИМОСТИ: ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Бахытжамал Бектурганова¹, Мадина Нурғалиева²

¹ Председатель правления Ассоциации социологов и политологов (АСиП) Казахстана, доктор философских наук, академик Академии социологии РК

² Руководитель Представительства Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК в г. Алматы, кандидат политических наук

Аннотация. В данной статье анализируются этнорелигиозные идентификации сельской и региональной молодежи Казахстана. Их распространение происходит на фоне усиливающегося противоречия между потребностью в возрождении этноказахской идентичности, с одной стороны, и необходимостью формирования национальной идентичности на общегражданской основе — с другой. Несмотря на наличие разделяющих региональную молодежь этнорелигиозных «перегородок», в стране на данный момент все же существует общее понимание необходимости сохранения межэтнического и межконфессионального мира и согласия и имеется социальная база для формирования гражданской нации казахстанцев.

Ключевые слова: этнорелигиозные идентификации, региональная молодежь, гражданственность, патриотизм, этничность, религия, молодежная политика.

ТӘУЕЛСІЗДІКТІҢ ҚҰРДАСТАРЫ: ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ЖАСТАРДЫҢ ЭТНОСТЫҚ-ДІНИ БІРЕГЕЙЛЕНУІ

Бақытжамал Бектурғанова, Мадина Нұрғалиева

Аңдатпа. Мақалада Қазақстанның ауылдық және аймақтық жерлердегі жастарының ұлттық-діни бірегейленуі мәселесі талданған. Бұл құбылыстардың таралауы бір жағынан этно-қазақтық сәйкестілікті жаңарту қажеттілігі, ал екінші жағынан жалпыазаматтық негіздегі ұлттық сәйкестілікті қалыптастыру қажеттілігі арасындағы қарама-қайшылықтың артуы жағдайында жүріп отыр. Аймақтағы жастарды бөліп тұрған арадағы ұлттық-діни «қабырғалардың» болуына қарамастан,

қазіргі таңда елімізде ұлтаралық және дінаралық бейбітшілік пен түсіністікті сақтап қалу қажеттілігі түсінігі бар, сонымен қатар қазақстандықтардың азаматтық қоғамын құруға арналған әлеуметтік база да қалыптасқан.

Түйінді сөздер: ұлттық-діни сәйкестену, аймақтық жастар, азаматтылық, патриотизм, этникалылық, діни, жастар саясаты.

COEVALS OF INDEPENDENCE: ETHNIC AND RELIGIOUS IDENTITIES OF KAZAKHSTAN'S YOUTH

Bakhytzhamal Bekturganova, Madina Nurgalieva

Abstract. The article discusses the ethnic and religious self-identifications of rural and smaller towns' youth in Kazakhstan that are being formed amid growing contradiction between the necessity for the revival of the ethnic Kazakh identity on the one hand and the common national civic identity on the other. The authors argue that, although the rural youth experience a number of ethnic and religious fractures, there is still a common understanding of the crucial importance of preservation of inter-ethnic and inter-religious peace and harmony and, therefore, a social base for formation of a civic nation of Kazakhstan.

Key words: *ethnic and religious identities, rural youth, citizenship, patriotism, ethnicity, religion, youth policy.*

Введение

В последнее десятилетие наблюдается рост распространения этнорелигиозных идентификаций в среде казахстанской молодежи. Учитывая, что степень этноконфессионального плюрализма в Казахстане является одной из самых высоких в мире, подобные условия могут привести к самым разным последствиям — как к взаимной аккультурации этнических групп молодежи, так и, наоборот, к изоляции их друг от друга и усилению конфликтных отношений между ними. Ситуация осложняется тем, что в глобализирующемся мире усиливаются контрпродуктивные тенденции. Речь идет о влиянии таких мегатрендов, как прогрессирующая политизация ислама и миссионерская активность христианских общин, которые приобретают характер «гуманитарной интервенции».

Важность и одновременно малоизученность регионального сегмента казахстанской молодежи, дискуссионность вопросов количественной и качественной оценки этнорелигиозных идентификаций определяют актуальность исследования, его научную и практическую значимость.

Методы исследования

Статья подготовлена на основе результатов исследовательского проекта «Как живешь, молодежь?»¹. Исследование включало в себя массовый молодежный опрос, а также полуформализованное интервью с неформальными лидерами молодежи. Сбор информации проводился с помощью стандартизированной раздаточной анкеты на казахском и русском языках по месту жительства (для молодежи), а также с помощью бланка-интервью с открытыми и закрытыми вопросами (на каз. и рус. яз.) по месту работы (для интервьюирования молодежных лидеров). Метод опроса — Face-To-Face. Для построения конструкции выборки использовалась многоступенчатая территориальная случайная выборка. В качестве фрейма для географического соотнесения выборки применялось принятое Комитетом по статистике Министерства национальной экономики РК административно-территориальное деление Казахстана на области. Статистическая погрешность составляет менее 1%. Всего опрошено 1404 человека в возрасте 15—29 лет (включительно)². Из них городские респонденты — 393 человека, сельские респонденты — 1011 человек. В разрез анализа включено 1398 анкет. Опрос неформальных молодежных лидеров проводился методом полуформализованного интервью с записью на диктофон в 14 областях республики. Объем выборочной совокупности молодежных деятелей — 15 человек.

Методологический подход и интерпретация основных понятий

Этническая и религиозная идентификации тесно взаимосвязаны, но их взаимодействие в разные периоды истории менялось. Авторы не разделяют позицию, согласно которой этническая и религиозная идентификации — это однопорядковые феномены. Также заметным упрощением является и позиция, рассматривающая этническую идентификацию как автоматически детерминированную религиозной принадлежностью и наоборот. Этническая и религиозная идентификации — динамичны и могут трансформироваться под влиянием самых разных факторов, включая смену среды проживания.

В рамках статьи в качестве основополагающего вида идентификации принята этническая, под которой понимается кровнородственная взаимосвязь, отождествление себя со своими «корнями», что и составляет основу самоопределения любого человека независимо от наличия/отсутствия религиозной, гражданской и иной принадлежности. Под религиозной и гражданской

¹ Социологическое исследование было проведено Ассоциацией социологов и политологов Казахстана (АСИП) в рамках исследовательского проекта «Как живешь, молодежь?» при финансовой/экспертной поддержке Фонда «Сорос — Казахстан».

² Согласно данным Комитета по статистике МНЭ РК за 2015 г., в малых городах и сельских поселениях Казахстана проживает 2.475,6 тыс. молодых людей 15—29 лет — это 58,9% от общего числа казахстанцев указанного возраста. Из них практически каждый 2-й (1.206,6 тыс. чел.) — житель Южного региона. По своему поселенческому составу региональная молодежь преимущественно сельская (72,4%, или 1 791,8 тыс. чел.). Официальная статистика не располагает данными о национальной структуре региональной молодежи 15—29 лет. В качестве кальки использовалось соотношение национальных групп в общем составе регионального населения. Общая численность казахов всех возрастов в структуре регионального населения составляет 7.155,8 тыс. человек, или 69,4%. Соответственно, основной контингент региональной молодежи 15—29 лет — казахоязычные казахи.

идентификацией понимается осознанное либо неосознанное причисление себя к определенной конфессии/национальной общности (под последней подразумевается принадлежность к одной политической нации/одному государству).

Результаты исследования

На основании результатов исследования получено эмпирическое обоснование трех значимых измерений идентификационной структуры молодежи: гражданского, этнического и религиозного. Главное достоинство трехмерного подхода в том, что он позволяет включить в разрез анализа данные по всем элементам выборочной совокупности, не оставив без внимания значительный сегмент неверующей молодежи.

По результатам исследования эмпирически установлена дробная структура казахской группы, внутри которой образовались несколько религиозных групп, различающихся не только по языковой, но и по конфессиональной принадлежности: самая многочисленная группа — казахоязычные казахи, исповедующие ислам и его разновидности; среди русскоязычных казахов встречаются представители ислама, православного христианства и религиозных меньшинств (по своим ментальным характеристикам они находятся ближе к этническим русским).

Ровесники независимости

Региональная молодежь 15—19 лет и 20—29 лет — это поколения (в меньшей или большей степени) ровесников независимости страны. По данным исследования, их характеризует общая черта — повышенный интерес к консолидации в первичных, естественных общностях (этнических и конфессиональных). Свой нынешний возраст они достигли в условиях самостоятельного политического существования Казахстана. Иначе говоря, процесс взросления у них совпал с периодом, когда государство предпринимает попытки совместить потребность в возрождении этноказахской идентичности с необходимостью создания новой национальной идентичности на общегражданской основе. Соответственно, их менталитет и самоидентификация формируются (или уже сформировались) в русле неоднозначных тенденций гражданского нациестроительства, возрождения казахской нации и национальной религии казахов.

Справочно:

Согласно официальной статистике за 2015 г., доля региональной молодежи 15—29 лет составляет 58,9% от общего числа молодежи указанного возраста.

Состав: преимущественно казахи (оценочно 69—70%)*, уроженцы сельской местности (72,4%), юга и запада республики (в совокупности 65,3%).

* Данные о численности населения по национальностям в разрезе возрастных групп по текущему учету Комитетом по статистике МНЭ РК не формируются. Приведенные оценочные данные отражают общую численность казахов в структуре регионального населения, безотносительно к возрастным спецификациям. Среди опрошенных казахов 86,8% — казахоязычные.

В первой половине 1990-х гг., когда самая возрастная категория региональной молодежи еще находилась в несознательном возрасте, акцент в нациестроительстве ставился на возрождение и политизацию казахской этничности. Декларацией о государственном суверенитете (от 25 октября 1990 г.) за казахами был закреплен статус государствообразующей нации. Конституционным законом «О государственной независимости» (от 16 декабря 1991 г.) признавалось право казахской нации на самоопределение. В первой Конституции (от 28 января 1993 г.) государственность Республики Казахстан определялась в форме государственности казахской нации.

Начиная с 1995 г., когда нынешние 29-летние уже учились в начальной школе, акценты в области нациестроительства сместились в сторону либеральной трактовки нации. В новой Конституции РК этнократический подход был заменен политико-территориальным принципом формирования нации — государства. С этого времени субъектом республики стала признаваться нация граждан государства («казахстанцы»). Определяющим критерием гражданской идентификации становятся не принадлежность к титульному этносу, а казахстанское государство и государственный казахский язык. Это означает, что Казахстан — это государство не только казахов, но и тех граждан, кто, не будучи казахами, являются казахстанцами.

Де-юре акценты сместились. Система мер, направленных на воплощение в жизнь этнонационального возрождения Казахстана (укрупнение административно-территориального деления республики путем слияния областей с преимущественным проживанием казахов и русских; программа по возвращению соотечественников на историческую родину; переход на государственное казахское одноязычие и др.), заложила предпосылки для возрождения этноказахской идентичности. За более чем 20-летний период с момента принятия действующей Конституции РК существенно изменилась этнодемографическая структура населения страны в пользу казахоязычных казахов. Это отчетливо видно на примере этнодемографической структуры региональной молодежи 15—29 лет.

Именно этнодемографические процессы, включающие динамику внешней миграции и естественного прироста населения, определяют «лицо» нациестроительства: будет оно общенациональным или этнонациональным. Этнодемографическая структура региональной молодежи сегодня такова, что позволяет предположительно говорить о возможности нациестроительства на этнооснове. Наличие ресурса для реализации подобного сценария развития подтверждает зафиксированный в совокупности с другими факторами тренд на слияние этнической и гражданской идентификаций в казахоязычном сегменте региональной молодежи (из 83,4%, идентифицирующих свое гражданство с Казахстаном, у 52,3% отмечается указанный тренд). Данное обстоятельство свидетельствует о наметившемся разрыве между этнотрадиционными ценностями казахоязычной молодежи и ценностной системой, лежащей в основе реализуемого курса на построение политической нации.

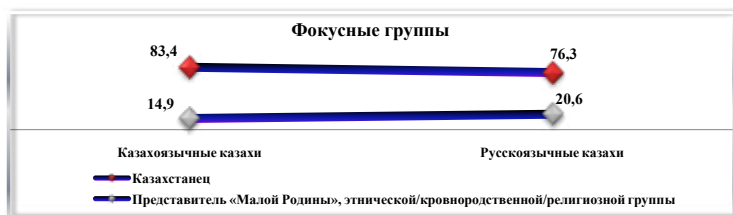

Рис. 1. Структура личностной/групповой идентификации молодежи в разрезе фокусных групп

Вместе с тем анализ результатов исследования указывает на то, что сегодня в Казахстане есть социальная база для формирования нации казахстанцев на гражданской основе. Это подтверждается зафиксированными доминантными тенденциями:

- Патриотический компонент этнической идентификации проверялся с помощью вопроса: «Что для Вас является Родиной?». Судя по полученным данным, этническая самоидентификация большинства казахов, русских, представителей иноэтнических групп имеет позитивную направленность.

- Высокая толерантность молодежной среды по отношению к казахско-русскому двуязычию, в том числе в сегменте казахоязычной молодежи.

- В высокой степени толерантное отношение этноконфессиональных групп к иноэтническим/иноконфессиональным группам и их представителям.

- Этнорелигиозному самосознанию большей части молодежи чужды сколько-нибудь выраженные националистические устремления. Вместе с тем это не исключает национал-патриотические настроения, и в первую очередь среди казахоязычной молодежи

Рис. 2. Структура личностной/групповой идентификации молодежи

Политизация этничности в молодежной среде имеет несколько источников:

Во-первых, в ходе этнонационального возрождения Казахстана возрастает роль этничности как политического фактора. В настоящее время, по данным исследования, казахоязычная молодежь переживает подъем национал-патриотических настроений (52,3% считают себя национал-патриотами. Для сравнения: разделяют установки национал-патриотизма среди русскоязычных казахов — 15,3%, разрыв в показателях между ними — 3,4 раза).

Рис. 3. Отношение к национал-патриотам

Во-вторых, неурегулированные вопросы социальной сферы и связанные с этим социальное разочарование, поиск справедливости, стремление к самореализации, радикализм (молодежи в принципе свойственно принятие простых «черно-белых» решений).

В-третьих, мощным источником, направляющим политизацию этничности во внесистемное русло, в том числе в форме религиозного экстремизма и терроризма, является идеологическая и религиозная экспансия в общественную и образовательную сферы Казахстана со стороны стран, имеющих традиции и системы исламского образования. Исламское политическое образование закладывает в казахстанскую молодежь основы мировоззрения и поведения, характерные для людей, находящихся в ситуации непримиримого противостояния (мусульмане — немусульмане). Основной контингент закрытых учебных заведений Южного региона — представители казахоязычной региональной молодежи, главным образом сельской.

Как следствие, результаты исследования показывают, что казахоязычная молодежь выделяется в сравнении со своими русскоязычными сверстниками более высокими показателями направленных этнофобий, интолерантности, конфликтогенного потенциала на этнорелигиозной почве. По сообщениям информационных источников, отдельные лица или группы региональной молодежи все чаще оказываются в центре деструктивных событий (массовые беспорядки на почве межэтнических конфликтов; террористические акции, организованные радикальными религиозными группировками; «самодетельный терроризм» без внятных идеологических заявок и спонсорских связей...).

В свое время проводились параллели между возрождением казахской нации и возрождением ислама как национальной религии. В общественную жизнь Казахстана ислам вошел не столько как духовное мировоззрение, сколько как активная этноконсолидирующая и мобилизующая идеология национального возрождения. В обществе распространились представления об исламе как о «новой суверенной казахской идентичности». Ислам стал восприниматься как неотъемлемый элемент этноказахского самоопределения («этнокультурный идентификатор»). В среде казахской молодежи отождествление этнической идентификации с религиозной характерно не только для верующих. Молодежный опрос показал, что каждый казах от 15 до 30 лет (за редким исключением), даже не будучи верующим, причисляет себя к исламу как к традиционной религии для своего этноса (к религии предков).

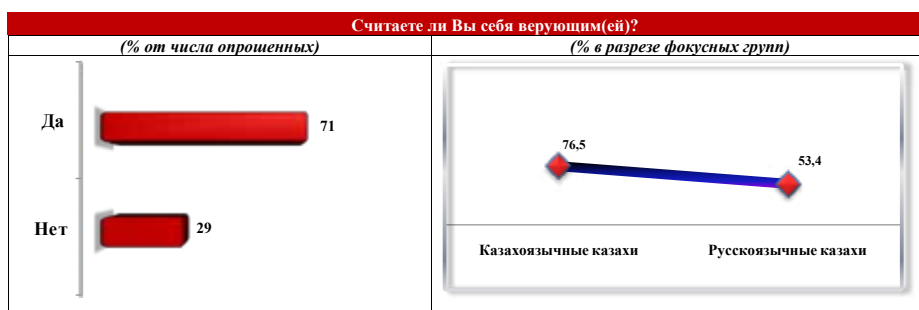

Рис. 4. Уровень религиозности молодежи

Абсолютное большинство верующей молодежи — выходцы из религиозных семей, где оба родителя либо один из родителей являются верующими. Их доли в разрезе этноконфессиональных групп: в группе казахоязычных казахов — 82,3%, русскоязычных казахов — 81,4%, русских — 85,4%, представителей других национальностей — 85,9%.

Преобладающее большинство (57,9%), идентифицирующее себя в качестве верующих, пришло к вере под воздействием воспитания в семье. Это доминантная тенденция во всех обследованных группах. Каждый восьмой опрошенный оказался приобщенным к вере под воздействием разных причин:

- Под влиянием внутренних факторов (12,7%), сопряженных с духовными поисками и чтением религиозной литературы. Главным образом, это молодые люди другой (неказахской и нерусской) национальности; мужского пола; 20—29 лет; несколько чаще уроженцы сел; севера и центра республики.

- Под воздействием внешних факторов — окружения и обстоятельств, в меньшей степени пропаганды (12,5%). Наиболее активно они представлены среди верующих русской национальности; женского пола; 20—29 лет; уроженцев севера и юга республики.

▪ Неосознанно, не имея явных побудительных причин. Доли неопределившихся варьируются от 7,1% на востоке до 56,3% на юге. Чаще всего они встречаются среди русскоязычных казахов; мужского пола; 15—19 лет.

Выходцы из религиозных семей, как правило, исповедуют ту же религию, что и их родители: казахи в абсолютном большинстве — ислам, русские — православное христианство, представители других национальностей — ислам и православие. Состав выборки — преимущественно казахоязычные казахи. Соответственно, в массе опрошенных верующих приоритетная религия — ислам, особенно на западе и юге. Православных христиан — каждый пятый из числа верующих. Регионы их концентрации — север, центр и в меньшей степени — восток. Другие религии³ не получили сколько-нибудь существенного распространения в казахско-русской среде. Их приверженцами в большей степени являются представители других национальностей — каждый восьмой в составе последних. Наиболее активно последователи других религий представлены на севере и в центре.

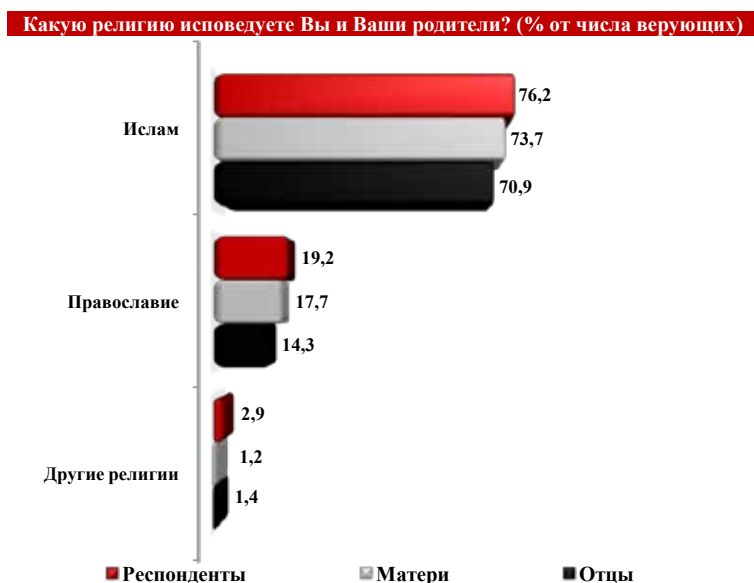

Рис. 5. Конфессиональная принадлежность

Следует учитывать, что в самом процессе этнонационального возрождения естественным образом заложен алгоритм формирования этнорелигиозных идентификаций в молодежной среде. По мнению представителей общественного актива молодежи, участвовавших в опросе, вовремя не

³ **Примечание:** другие религии — католицизм, протестантизм, буддизм, нетрадиционное религиозное направление.

предпринятые меры по управлению рисками привели к тому, что ситуация оказалась упущенной. Процесс пошел самостийно, дистанцированно от государства.

В общественном сознании традиционно сложилась установка, что в двух главных этнических общинах молодежи связь этнической и религиозной идентификаций носит следующий характер: казахи — ислам, русские — православное христианство. По итогам исследования 2016 г., в обеих общинах фиксируется рост удельного веса неопитов. Наиболее подвержены новообращению — русскоязычные казахи и представители иноэтнических групп (в меньшей степени — русские).

Степень этнорелигиозного плюрализма в Казахстане — одна из самых высоких в мире. По данным исследования, в среднем каждый 3—4-й «верующие» в составе региональной молодежи имеют членство в религиозном объединении⁴, причем девушки в 1,3 раза чаще, чем юноши, оказываются вовлеченными в их деятельность.

Являетесь ли Вы членом религиозного объединения? (% от числа верующих)

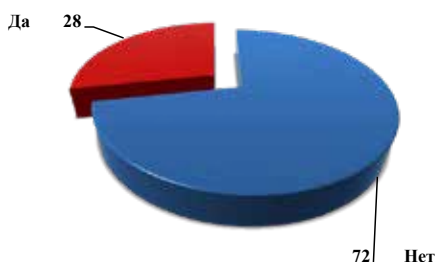

Рис. 6. Уровень вовлеченности в религиозные объединения

Согласно результатам исследования, более трети респондентов являются членами исламских объединений суннитского толка (40%), главным образом, казахоязычные казахи; женского пола; 15—19 лет и 25—29 лет; на западе республики. Каждый пятый — член объединения православно-христианской направленности (19,3%). В основном русские; женского пола; 25—29 лет; уроженцы малых городов; центрального региона. «Весомый» сегмент группы — неопределившиеся и отказавшиеся указать направленность своих религиозных объединений (17,6%). Их больше всего среди казахоязычных казахов; мужского пола; 15—19 лет; уроженцев сел; юга и севера страны.

При этом каждый шестой (в общей сложности 15,5%), по собственному признанию, является членом нетрадиционных религиозных объединений ис-

⁴ Имеются в виду как зарегистрированные, так и незарегистрированные структуры. Для выяснения масштаба участия в деятельности религиозных объединений также не уточнялся характер членства (фиксированное/нефиксированное).

ламского, протестантского, оккультного, ориенталистского толка⁵, в том числе деструктивных тоталитарных сект («Свидетели Иеговы», «Церковь Сайентологии», «Международное общество сознания Кришны» и др.).

Рис. 7. Конфессиональная направленность религиозных объединений

Учитывая высокие показатели затруднившихся с ответом и отказавшихся указать конфессиональную направленность своей организации, эти цифры могут быть занижены. Среди членов религиозных объединений каждый восьмой отмечает психологическое давление и принудительный характер своей вовлеченности (12,8%), каждый десятый уклонился от ответа (10,3%).

Результаты интервью с неформальными лидерами неожиданно выявили критически высокий уровень религиозности представителей общественно-го актива региональной молодежи (93,3%), из которых 86,7% исповедуют ислам. При этом почти половина (46,7%) — активные/практикующие верующие (посещают мечеть/церковь, регулярно участвуют в пятничной молитве, раздают садака и т.п.).

Большинство опрошенных лояльно относятся к тенденции усиления этнорелигиозных идентификаций в молодежной среде несмотря на критический настрой в оценке причин и факторов, детерминирующих рост этой тенденции: безработица, особенно в сельской местности, маргинализация

⁵ Нетрадиционные религиозные объединения — «новые культы», «альтернативные религии». В частности, объединения протестантского толка — лютеране, евангелисты, пресвитериане, пятидесятники, адвентисты, свидетели Иеговы, мормоны и др.; оккультного толка — сайентология, «Новая жизнь» и др. Объединения ориенталистского толка — кришнаиты, культ Шри Чинмоя, культ Сатья Саи Бабы и др.

сельских трудовых мигрантов в городах, низкий уровень образования, подверженность религиозной пропаганде, избыточность деструктивной информации в Интернете, соцсетях, бесконтрольность пользования Интернетом подростками и др. При этом практически все региональные лидеры указывают на наличие вызовов и угроз безопасности страны в связи с ростом числа радикально настроенных верующих из молодежной среды. К числу наиболее серьезных рисков относят изменение конституционного строя (постепенный отход от светского к клерикальному/религиозному государству); сокращение гражданских установок при одновременном усилении религиозных; распространение повседневных религиозных практик. «Очаг напряженности» сконцентрирован на западе республики: Атырауская, Актыубинская, Мангистауская, Западно-Казахстанская области (подобного мнения придерживаются все опрошенные эксперты).

Несмотря на то, что в среднем 71% считают себя верующими, за высокими цифрами религиозности не стоит осознанное обращение молодежи к религии. Молодые люди чаще идентифицируют себя с какой-либо религией и реже объявляют себя верующими. Для этнорелигиозных идентификаций региональной молодежи характерно отсутствие жесткой связи между религиозностью и верой. Поверхностный, колеблющийся характер религиозности молодежи подтверждает роль религии в качестве «этнического маркера». Системообразующим механизмом регулирования молодежных отношений религия не стала. Религиозная идентификация предполагает более рационально-методичное поведение, чем то, которое фиксируется у «верующей» молодежи. В ее религиозном поведении преобладает внешняя, обрядово-культовая сторона. При этом исполнение религиозных обрядов не является воплощением стремления реализовать священные тексты. Большинство их просто не знает: не читает религиозные первоисточники (Коран, Библию и др.), в целом религиозную литературу. Основная масса «верующих» чувствует себя относительно свободной или, вообще, манкирует всяческие религиозные каноны и предписания. Поэтому религиозная принадлежность молодых людей — не тождественна вере. Она представляет собой весьма специфическое явление, непреодолимо далекое от своего классического стандарта. По сути, религия в молодежном исполнении освобождается от сакрального содержания и все больше секуляризируется, превращаясь в бытовую ритуальную практику.

Выводы

Вопрос этнорелигиозной идентичности перед лицом новых вызовов безопасности является одним из наиболее реагирующих на политические перемены в стране и мире. Учет этого обстоятельства актуализирует необходимость формирования информационной основы для понимания причин, стимулирующих распространение этнорелигиозных идентификаций

среди молодежи, особенно в том ее сегменте, социально-демографические характеристики которого сдвинуты в направлении социальной маргинальности. Это нужно для создания средствами государственной молодежной политики таких условий, при которых этнорелигиозные идентификации не станут препятствовать гражданственности, а будут служить ее органическим дополнением. Если консолидация молодежи в гражданскую общность не станет целью проводимой государственной молодежной политики, то Казахстан рискует превратиться в зону перманентного конфликта этнорелигиозных идентичностей, который, к сожалению, не всегда проходит в форме толерантных дискуссий.

В настоящее время казахский этнос даже внутри самого себя не является некоей единой общностью и разделяется как по внеэтническим линиям (например, экономической, определяющей разрыв бедных и богатых), так и по внутриэтническим, затрагивающим признаки, являющиеся сущностными для определения каждого этноса (например, культурно-символические).

Возможные направления эволюции этнонационального сознания казахской молодежи с позиций сегодняшнего дня кажутся неопределенными. Повышение способности государства желательным для него образом воздействовать на ситуацию в стране требует оперативного подключения (в системном режиме) регулятивных механизмов, позволяющих обеспечить совместимость эволюции этнонационального сознания молодежи с модальным направлением нациестроительства для предотвращения нежелательных девиаций (отклонений).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА: ЭФФЕКТ ОТРАЖЕНИЯ

Марат Байпаков¹, Сергей Коновалов²,
Юлия Кучинская³

¹ Советник Председателя Национального Комитета Всемирного Наследия Национальной комиссии Республики Казахстан по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО

² Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения (ИФПиР) КН МОН РК, доктор социологических наук, доцент

³ Главный научный сотрудник ИФПиР КН МОН РК, кандидат социологических наук

Аннотация. Особенности современного этапа формирования социального государства в том числе характеризуются деятельностью политических партий. При этом целостная модель социальной политики еще формируется. Разные политические силы обладают набором предложений и проектов по реализации отдельных постулатов социального государства. Видение социальной политики государства партии излагают в рамках политических программ. Идеи и положения, содержащиеся в программных документах, носят конкретный временной и острый социальный характер. В статье проанализированы социальные разделы программ политических партий, участвующих в парламентских выборах 2016 г. в Казахстане. Анализ программных положений позволяет выявить специфику каждой из партий и ее социальную базу, обозначить ключевую траекторию развития, определить конечного адресата данной программы и в итоге определить направленность предлагаемых социально-экономических преобразований. Лозунги, обещания, намерения, планы политических партий служат индикаторами важных социальных проблем в обществе и позволяют определить пути их решения.

Ключевые слова: *политические партии, социальное государство, политический процесс, предвыборные программы, социально-экономические ориентиры.*

САЯСИ ПАРТИЯЛАР ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ДАМУЫ: КӨРІНІС ӘСЕРІ

Марат Байпақов, Сергей Коновалов,
Юлия Кучинская

Аңдатпа. Әлеуметтік мемлекеттің қалыптасуының қазіргі таңдағы ерекшеліктері саяси партиялардың қызметімен де сипатталады. Сонымен бірге әлеуметтік саясаттың толық үлгісі әлі де қалыптасу үстінде. Түрлі саяси күштер әлеуметтік мемлекеттің жеке постулаттарын жүзеге асыру бойынша өзіндік ұсыныстармен жобаларға ие. Партиялар мемлекеттің әлеуметтік саясатын түйсінуін өздерінің саяси бағдарламалары аясында көрсетуге тырысады. Бағдарламаларда келтірілген пікірлер мен ұсыныстар көп жағдайда қысқа мерзімдік нақты және өткір әлеуметтік сипатқа ие болып келеді. Мақалада 2016 жылы Қазақстанда өткен парламенттік сайлауға қатысқан саяси партиялардың бағдарламаларындағы әлеуметтік бөлімдерге талдау жасалынған. Бағдарламалық ережелерді талдау барысында әрбір партияның және оның әлеуметтік негізінің ерекшелігін, дамудың маңызды траекториясын айқындауға, бұл бағдарламаның бағытталған ортасын және қортындылай келе ұсынылған әлеуметтік-экономикалық өзгерістің бағдарын анықтауға мүмкіндік береді. Ұрандар, уәде, ниеттер, саяси партиялардың жоспарлары қоғамдағы маңызды әлеуметтік мәселелердің индикаторлары ретінде қызмет етеді және оларды шешу жолдарын анықтауға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: *саяси партиялар, әлеуметтік мемлекет, саяси үрдіс, сайлауалды бағдарламалар, әлеуметтік-экономикалық бағдарлар.*

POLITICAL PARTIES AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF KAZAKHSTAN: REFLECTION EFFECT

Marat Baypakov, Sergey Kononov,
Yulia Kuchinskaya

Abstract. The current stage of formation of the welfare state is, among other things, characterized by engagement of political parties. The particular system of social policy is being formed. On this background, various political forces propose various ways of building and maintaining the welfare state in Kazakhstan. Their visions are articulated in their manifestoes. The provisions in those documents are rather acute and precise. The article presents the results of the analysis of the manifestoes in terms of their social and welfare policy of the political parties who participated in the parliamentary elections in Kazakhstan in 2016. The analysis of the manifestoes' provisions enabled the authors to identify the niche of each party and the most probable trajectory, its social base and target audience in order to determine the essence of the proposed socio-economic policies. The authors argue that the slogans, promises, intentions of the political parties are reliable indicators of the acute social issues and may enable to find the ways of their solution.

Key words: *political parties, welfare state, political process, political manifestoes, social and economic views.*

Введение

Общеизвестно, что Казахстан является социальным государством, что указано в Статье 1 Конституции: «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы» (Конституция Республики Казахстан. URL: www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution [дата обращения: 01.03.2017]). Однако в современных условиях зачастую возникают научные споры и публичные дискуссии (Экспертное обсуждение на тему «Казахстан как социальное государство: новое измерение». URL: <http://agkipr.kz/archives/450> [дата обращения: 01.03.2017]), касающиеся самой модели социального государства, системы отношений государства и общества по вопросам заботы о социально уязвимых слоях населения. Между тем в развитых странах мира на сегодняшний день государство ориентировано в первую очередь на создание равных стартовых условий для всех граждан без исключения и увеличение объема социальных обязательств государства перед населением.

Прошедшие в 2016 г. в Казахстане парламентские выборы в определенной степени стали индикатором социальных запросов общества, артикулируемых политическими партиями. В связи с этим представляется важным проанализировать соотношение социально-экономических инициатив в предвыборных программах политических партий как отражение актуальных требований современного казахстанского социума.

Методология и методы исследования

В последние годы в рамках политической науки принято считать, что анализ социального государства возможен на трех базовых уровнях:

- концептуальном (развитие теоретических основ социального государства в целом ряде научных направлений);
- нормативном (принципы, закрепленные в конституциях многих государств);
- эмпирическом (практика деятельности государственных институтов по осуществлению эффективной социальной политики) [1].

На наш взгляд, базовый эмпирический уровень, основанный на практике деятельности государственных институтов, целесообразно дополнить деятельностью политических партий. Согласно классическому определению, принадлежащему французскому политологу Роже-Жерару Шварценбергу [2], «Политическая партия — это непрерывно действующая организация, существующая как на национальном, так и на местном уровне, нацеленная на получение и отправление власти и стремящаяся с этой целью к широкой массовой поддержке». Учитывая, что партии объединяют наиболее активных

представителей социальных групп, имеющих схожие идейно-политические взгляды, представляется важным провести анализ их ключевых социально-экономических установок.

Основными методами исследования стали институциональный, позволяющий изучить политические институты, прежде всего государство и политические партии в процессе их взаимодействия; сравнительный; структурно-функциональный; социологический и бихевиористский методы.

Политические партии и социально-экономическая политика Казахстана

Партии как элемент политической системы — важная составляющая часть государственной политики, социальной жизни и аккумуляции общественного мнения. Партийная система — своего рода ориентир для деятельности государственной власти. Ведь, с одной стороны, именно государство создает условия для функционирования и развития партийной системы. В то же время, с другой стороны, само государство в силу институциональных форм современной демократии приобретает в значительной мере партийный характер. Еще один игрок — общество, отдавая одной из политических партий или их коалиции своеобразное право управления государством, ставит себя и государство в зависимость от политической стратегии партии.

Это обстоятельство имеет прямое отношение к современному Казахстану, вступившему в процессы модернизации своей социально-экономической и политической системы с момента обретения своего государственного суверенитета в 1991 г. Ключевая и решающая роль в модернизации принадлежит государству, благодаря которому были сформированы экономические и политические институты, ставшие основой социального бытия казахстанского общества.

Социально-экономическая политика Республики Казахстан на 2017—2021 гг. направлена на дальнейшую реализацию нового курса развития Республики Казахстан «Стратегии Казахстан — 2050», а также с учетом реализации пяти институциональных реформ Плана нации «100 конкретных шагов».

В среднесрочном периоде, помимо ориентации на сохранение социально-экономических параметров — положительных темпов роста экономики и социальной стабильности в стране, подготовку условий для посткризисного развития, продолжение продвижения в 30 развитых государств мира, также важны социально-политические параметры. К таким параметрам, согласно Прогнозу социально-экономического развития Республики Казахстан на 2017—2021 гг. (Прогноз социально-экономического развития Республики Казахстан на 2017—2021 гг. URL: <http://economy.gov.kz/ru/ministerstvo/detail>).

php?ELEMENT_ID=72896 [дата обращения: 01.03.2017]), можно отнести следующие:

- широкое внедрение цифровых технологий в экономике путем развития электронного правительства и обеспечения полного широкополосного доступа в Интернет для повышения качества жизни населения и конкурентоспособности экономики;
- совершенствование социальной политики, направленной на обеспечение социальной стабильности в стране и стимулирование занятости, продолжение модернизации сфер образования, здравоохранения и социальной защиты в рамках новых государственных программ до 2020 г.;
- формирование эффективной системы государственного управления через модернизацию государственного аппарата, основанного на принципах меритократии, результативности и ориентированности на потребителей, автономности, компактности и эффективности.

Результаты исследования

Анализ программных документов позволяет увидеть цели и намерения партий, принявших участие в прошедших парламентских выборах, перед текущими изменениями в социально-экономической сфере. Сравнение соответствующих программ показывает различие в направлениях развития и методах, которые готова использовать та или иная партия.

У каждой политической партии имеются свои целевые группы, при этом каждая партия стремится набрать на выборах достаточное количество голосов посредством наибольшего охвата населения. В то же время партии могут выделять определенную социальную группу или несколько групп, в большей степени акцентируя внимание на их проблемах. На рисунке представлена ориентировочная социальная база политических партий.

Рис. 1. Социальная база политических партий

На современном этапе в Казахстане сформировались и закрепились собственные стандарты и контуры партийного поля. Большинство партий

Казахстана имеют социальную базу, электоральную и даже парламентскую историю. Более того, политические партии делают попытки оказывать влияние не только на выборный процесс, но и на конструирование его правил и норм. Партийная система Казахстана де-факто осуществила трансформационный переход от крайнего плюрализма к партийной системе с доминирующей партией.

В этой связи важным является выявление миссии и/или цели партии, которые отражают планируемый вектор ее развития и идеологическую основу (Парламентские выборы в Казахстане: итоги и оценки: Аналитический доклад. Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. Астана, 2016. 190 с. (С. 70—94).

Табл. 1. Сравнение приоритетных групп и основных целей партий

№	Партия	Приоритетные группы	Основная миссия, цели
1	«Нур Отан»	Все казахстанцы	Консолидация общества для эффективной поддержки курса Президента
2	«Ак жол»	Средний класс, представители бизнеса и предприниматели	Модернизация экономических, социальных сфер развития
3	ОСДП	Весь народ Казахстана, сограждане	Экономически эффективный Казахстан, социальный, свободный, независимый
4	«Бірлік»	Все социальные слои казахстанского общества	Единство для развития экономики, способной преодолеть кризисные трудности
5	«Ауыл»	Каждый казахстанец. Сельская местность	Основная цель — развитие традиционных ценностей нашего народа, укрепление независимости
6	КНПК	Трудящийся народ, молодежь, пенсионеры	Поддержание политического курса руководства страны, всемерная поддержка реализации государственных инициатив, воплощение коммунистических принципов

В этой связи стоит отметить, что в современных условиях для большинства исследователей в фокусе внимания оказывается не просто социальное государство как теоретический конструкт, а социальное государство как «динамический политический проект» [3]. Факт того, что государство берет на себя ряд социальных обязательств по обеспечению комфортных условий жизни и развития граждан в целях сохранения социальной и политической стабильности, указывает на политический характер социального государства. Аналогично ситуация обстоит и в соседнем государстве. Так, российские исследователи подчеркивают тесную взаимосвязь между успешностью формирования социального государства в России и наличием развитой, демократически ориентированной политической системы: «Обеспечить социальный характер государства в современных условиях возможно исключительно на базе комплекса высокоразвитой рыночной экономики и политической демократии» [4].

Стоит отметить, что казахстанские политические партии в своих программах делают акцент на интересах различных социальных групп, но при этом все партии нацелены стать «всенародными» (в западной терминологии «всеохватными»). В конечном итоге получается, что все они ориентируются на одни и те же социальные группы.

Важным моментом является позиционирование цели партии, которая, как правило, ориентирована на будущее и носит более абстрактный характер.

Табл. 2. Цели политических партий Казахстана, участвовавших в парламентских выборах 2016 г.

Партия	Цели
«Ак жол»	Повышение качества и уровня жизни казахстанцев, достижение экономического, социального и политического прогресса казахстанского общества и государства
«Ауыл»	Построение независимого, сильного и процветающего Казахстана с высоким уровнем жизни всех казахстанцев
«Бірлік»	Мы предлагаем всем казахстанцам объединиться, чтобы превратить Казахстан в успешное, справедливое, духовно богатое и удобное для жизни государство, основанное на социально ориентированной рыночной экономике, на демократическом устройстве политической системы, на общественных нравственных принципах, отвечающих традициям казахского и других народов нашей страны
КНПК	Движение к обществу подлинного народовластия, социальной справедливости, широкой духовности, свободы и процветающей экономики
«Нур Отан»	Обеспечение эволюционного развития и построение демократического, процветающего, конкурентоспособного и социально ориентированного государства
ОСДП	Выведение Казахстана на магистраль современного, демократического развития

Несовершенство партийных программ в определенной степени искажает представления потенциального электората о текущем политическом процессе. Традиционно исследователи к недостаткам программ политических партий относят единообразие, популизм, декларативность, отсутствие конкретики, многозначность интерпретации событий минувших лет, доминирование негативного представления настоящего момента действительности либо его элиминация из триады «прошлое — настоящее — будущее» [5].

Обсуждение результатов

Анализ целей политических партий указывает на их схожесть, фиксируются лишь различия в их формулировках. В самом широком смысле все партии нацелены на развитие страны в социальном, политическом и экономическом измерениях.

Стоит отметить, что положения социально-экономической составляющей программ партий Казахстана во многом совпадают. Зачастую они охватывают аграрный сектор, добывающую промышленность, вопросы поддержки

МСБ и защиты частной собственности. Отдельное внимание уделяется «земельному вопросу». Большинство партий единодушно выступают за передачу земель сельскохозяйственного назначения в пользование гражданам Казахстана, занимающимся ведением сельского хозяйства. Кроме того, в программных документах партий обозначен вопрос о необходимости проведения инвентаризации всех сельскохозяйственных земель, содействия увеличению государственной поддержки в виде субсидий, налоговых преференций, внедрения новых технологий, а также привлечения молодежи в сектор АПК и развития экотуризма.

Условно социально-экономические ориентиры в программных документах политических партий можно представить в следующем виде:

Табл. 3. Социально-экономические ориентиры политических партий

Партия	Экономическая сфера	Социальная сфера
«Ақ жол»	Стремление к эффективной реализации государственных программ (ПФИИР, «Дорожная карта бизнеса — 2020»), мониторинг деятельности национальных институтов поддержки бизнеса, защита частной собственности и прав собственника. Кроме того, указана среднесрочная цель — увеличить долю МСБ в ВВП Казахстана до 60%	Важность расширения практики употребления государственного языка как одного из факторов консолидации населения, необходимость пропаганды идей и ценностей патриотизма. Особый акцент делается на популяризации идейных воззрений деятелей «Алаш», так как партия позиционирует себя как последователя национально-освободительного движения «Алаш». Повышение доли расходов государства на реализацию программ занятости до 1% ВВ
«Ауыл»	Акцент на развитие инновационных предприятий, применение современных технологий и устранение проблемы «утечки мозгов». Несмотря на то, что партия позиционирует себя как защитницу интересов сельских жителей, вопросу развития сельского хозяйства в программе уделено относительно небольшое количество внимания	Реальные права на достойную оплату труда и занятость, отраженные в Трудовом кодексе и других законах. Расширение минимальной потребительской корзины. Поддержка социально-уязвимых слоев населения. Укрепление института семьи, улучшение системы образования
«Бірлік»	Акцент на необходимость государственной поддержки малого и среднего бизнеса через устранение законодательных и налоговых препятствий, проведения эффективной инвестиционной политики и внедрения наукоемкой экономики	Придерживается ориентации на традиционные народные ценности, противопоставляя их массовым ценностям. Более того, партия заявляет о необходимости создания новой государственной программы развития культуры. Выделение государственных беспроцентных кредитов молодым семьям на приобретение жилья с их погашением на 25% при рождении каждого ребенка
КНПК	Ориентация на многообразие форм собственности. При этом исключается возможность «эксплуатации человека человеком»	Восстановление социальной сферы: бесплатное образование и здравоохранение, обеспеченная старость, гарантированное право на труд, отдых, жилище

Партия	Экономическая сфера	Социальная сфера
«Нур Отан»	Поддержка малого и среднего бизнеса	Борьба с безработицей, поддержка пенсионеров, молодежи, социально-уязвимых слоев населения, ЖКХ, образование и здравоохранение. Повышение черты бедности с 40 до 50% от величины прожиточного минимума, создание Государственной корпорации «Правительство для граждан»
ОСДП	Акцент на развитие добывающей промышленности: национализация отраслей, занятых добычей стратегически важных невозобновляемых ресурсов — нефти, газа, угля, черных и цветных металлов, запрет оффшорного экспорта, модернизация нефтеперерабатывающих предприятий и др.	Социальный блок является доминантным в программных документах партии, поскольку партия в качестве своей идеологической базы определила социал-демократию, ключевыми ценностями которой являются справедливость, солидарность и свобода. Также внимание уделяется развитию государственного языка. Увеличение расходов государства на науку в 20 раз, до 2% ВВП

В целом анализ социально-экономических блоков в программных документах политических партий указывает на то, что сформирован определенный перечень социальных гарантий, на который ориентированы большинство партий: борьба с безработицей, поддержка социально-уязвимых слоев населения, улучшение образования и здравоохранения, расширение практики употребления государственного языка. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что программы казахстанских партий чрезмерно перегружены лозунгами и обещаниями, зачастую имеют обобщающий характер.

Выводы

Анализ программ политических партий Казахстана позволяет выделить следующее:

В связи с тем, что одна из основных функций программ заключается в том, чтобы привлечь на сторону партии как можно больше сторонников, потенциальных избирателей, вопросы социальной политики зачастую являются приоритетными. Программные документы партий «сигнализируют» не только об актуальных социальных проблемах, но и влияют на формирование представлений граждан об «идеальном» социальном государстве, социальной справедливости, эффективной социальной политике.

Вместе с тем социально-экономический аспект предполагает четкую ориентацию на свою конечную аудиторию или, выражаясь экономическим языком, на своего конечного потребителя. Несмотря на то, что каждая из политических партий, участвовавшая в парламентских выборах прошлого года, фиксировала определенную социальную группу или группы как свой электорат, ценности, декларируемые партиями, не были приняты сторонни-

ками партий в полной мере. Речь идет о том, что значение базовых ценностей и интересы тех слоев населения, которые отстаивает партия, остаются размытыми. Этому также способствует единообразие формулировок целей и задач партии, фиксируется наличие затруднений при идентификации партий.

Несмотря на то, что практически все партии в своих программных документах декларируют множество социально-экономических целей и их показателей, отсутствуют конкретные шаги и механизмы их достижения. Вместе с тем обилие социально-экономических моментов «размывают» идеологическую составляющую партии, что де-факто отрицательно сказывается на общем уровне политической культуры и гражданского общества в целом.

Таким образом, важно подчеркнуть, что процесс формирования социального государства во многом находится под влиянием социально-экономических и социально-политических факторов, включая общую направленность политического процесса, особенности политического режима, цели деятельности политических акторов и др. Автор полагает, что стремление политических партий к формированию благоприятных социально-экономических условий будет способствовать созданию успешной модели развития Казахстана и росту значимости социальных приоритетов при осуществлении государственной политики.

Список литературы

1. *Жирнов Н.Ф.* Социальное государство: политико-теоретический анализ // Власть. 2008. N 9. С. 10—12.
2. *Шварценберг, Роже-Жерар.* Политическая социология: Пер. с фр. / Роже-Жерар Шварценберг. М.: Б. и., 1992. Ч. 1. 180 с.
3. *Расторгуев В.Н.* Социальное государство: институциональные ниши российской политики и доктринальный уровень политического планирования // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. N 1. С. 3—16 (С. 6).
4. *Олейникова Е.Г.* Феномен социального государства как область исследований современной науки // Диалог культур — 2010: наука в обществе знания: Сб. науч. трудов междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2010. С. 236—240 (С. 239).
5. *Солопова О.А.* Образ будущего в предвыборных программах политических партий // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1 (24). С. 55—64.

МАСС-МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС О КАЗАХСТАНСКОЙ СЕМЬЕ

Салима Узакова¹, Владимир Добреньков²,
Юрий Афонин³, Эльмира Наберушкина⁴

¹ Старший преподаватель кафедры общественно-гуманитарных дисциплин Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем (КазУИиТС), Уральск

² Заведующий кафедрой теории и истории социологии Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

³ Профессор кафедры теории и истории социологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор экономических наук

⁴ Профессор кафедры психологии и прикладной социологии Саратовского государственного технического университета (СГТУ) им. Ю.А. Гагарина, доктор социологических наук

Аннотация. В статье авторами выстраивается исследовательская гипотеза дискурса о модели казахстанской семьи с применением анализа материалов масс-медиа о семье, семейных ценностях, роли государства в поддержке семьи, а также о роли родительства, межпоколенческой связи, культуре толерантности. Авторами был использован контент-анализ газеты «Казахстанская правда» с применением сплошной выборки выпусков газеты за два года, проведен качественный отбор 400 статей. Изучались все публикации, в которых имелось упоминание о семье. Авторами был сделан вывод о том, что публикации о семье содержательно подчеркивают роль государства, важность бесконфликтного межкультурного существования, семейные проблемы обсуждаются в режиме перманентного движения к решению и сглаживанию острых ситуаций.

Ключевые слова: дискурс, масс-медиа, социум, культура, контент-анализ, модель, толерантность, семья, ценности.

ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ОТБАСЫ ТУРАЛЫ МАСС-МЕДИЯЛЫҚ ДИСКУРС

Сәлима Ұзақова, Владимир Добреньков,
Юрий Афонин, Эльмира Наберушкина

Аңдатпа. Мақалада авторлар отбасы туралы масс-медиа, отбасылық құндылықтар рөлін, отбасына мемлекеттің қолдау көрсетуін, сондай-ақ ата-ана орнын, ұрпақаралық байланыс, төзімділік мәдениетін талдай отырып, қазақстандық отбасы моделі туралы дискурстың зерттеулік гипотезасы қарастырады. Авторлар «Казакхстанская правда» газетінің екі жылдық шығарылымының контент-талдауын жүргізіп, 400 мақаланың сапалық іріктеуін жүзеге асырған. Отбасына қатысты барлық жарияланымдар зерттелді. Авторлар отбасы туралы жарияланымдарда мемлекет рөлінің маңыздылығы, жанжалсыз мәдениетаралық тіршіліктің маңыздылығы, отбасылық мәселелер шешімі перманентті қозғалыс режимінде және жіті жағдайлардың теңестіруі талқыланыуда болатыны туралы қорытынды жасады.

Түйінді сөздер: *дискурс, масс-медиа, әлеумет, мәдениет, контент-талдау, моделі, төзімділік, отбасы, құндылық.*

MASS MEDIA DISCOURSE ON FAMILY IN KAZAKHSTAN

Salima Usakova, Vladimir Dobrenkov,
Yuri Afonin, Elmira Naberushkina

Abstract. In this article, the authors present the research hypothesis on the discourse on family in Kazakhstan with the mass media materials about family, family values, family support, parenting, intergenerational communication, and culture of tolerance being the basis for the analysis. The authors apply the method of content analysis of the materials published in the “Kazakhstanskaya Pravda” newspaper for two years; 400 stories mentioning the “family” have been selected and studied. The authors’ conclusion is that the bulk of the publications on families underline the role of the state and importance of inter-cultural peace; families are discussed with the consistent bias towards the measured aimed at solving the issues relevant problems and overcoming critical situations.

Key words: *discourse, mass media, society, culture, content analysis, model, tolerance, family values.*

Методы исследования

Выстраивая исследовательскую гипотезу в логике модели социального конструктивизма, мы исходим из того, что специфика дискурса о семье в средствах массовой информации не только отражает процессы, происходящие в обществе и его социальных институтах, но и влияет на конструирование модели казахстанской семьи и всей общности казахстанского социума.

С целью социологического осмысления предложенной гипотезы нами был предпринят анализ содержания материалов масс-медиа о семье, семейных ценностях, роли государства в поддержке семьи, изменениях и трудностях, с которыми сталкивается современная казахстанская семья, а также о роли и ценности родительства, межпоколенческой связи, культуры толерантности. Для достижения указанной цели был применен контент-анализ центральной

прессе (исследовались все выпуски газеты «Казахстанская правда» за период с 01.01.2014-го по 01.12.2016 г.). Была использована сплошная выборка выпусков газеты. Выбор использованных в авторском контент-аналитическом исследовании средств массовой информации обусловлен большой читательской аудиторией выбранной газеты, ее официальным статусом, доступностью как в печатном, так и в электронном виде. Изучались все публикации, в которых имелось упоминание о семье. При проведении анализа была разработана собственная исследовательская схема, основанная на принципах, сформулированных Г. Лассвелом.

Количественный анализ 400 статей, квалифицированных как релевантных целям исследования, проведен «вручную», отобрано 162 статьи, отвечающих задачам исследования, поскольку частота встречаемости статей может свидетельствовать только о степени интереса к семье, но не о том, как именно она конструируется. Исследовательская задача направлена на то, чтобы проследить характер репрезентаций. Для исследования использовалась техника дискурсивного анализа, представленного в трудах Т.А. Ван Дейка, П. Серио, Ю.С. Степанова и др. [1, 2, 3, 4].

Результаты исследования

Прежде чем представить результаты контент-анализа, отметим, что транслирование информации о семье и семейных ситуациях занимает значительный объем в структуре газетного материала, что подчеркивает приоритетность семейной тематики для современного казахстанского общества. Нами было обнаружено, что для прессы характерно определенное стратифицирование, выделение так называемых «главных» кодов дискурса о семье. Первую тройку этого списка составляют публикации о единстве семьи и государства, далее следует материал о семейных традициях, важнейшей роли традиционных семейных ценностей (дети, связь поколений, семейная поддержка и ответственность), третья позиция принадлежит публикациям о толерантности и межнациональных семьях. Редакция при освещении этих вопросов стремится найти и показать, что современная казахстанская семья уникальна, так как, с одной стороны, является светской, с другой стороны, сохранила важнейшие культурные универсалии и этнические ценности. Наиболее часто используемые жанры: репортаж, биография интернациональных, многодетных семей, семей, принявших детей на воспитание, расширенных семей, где существует связь и преемственность поколений. Журналисты в меньшей степени ориентированы на описание проблем, но в значительной степени подчеркивают благую роль государства и непосредственно политики Президента страны в укреплении семьи и государства в целом. При этом часто привлекаются интервью с представителями государственной власти, работниками социальных служб и аппаратов по реализации семейной политики, результаты социологических исследований.

Отрадно, что весомая доля публикаций ориентирована на описание конкретных жизненных историй семей, часто от лица самих героев статьи, почти всегда

такие заметки латентно подчеркивают мудрость государственной политики. Эти биографические жанры касаются в основном вопросов: благодарности через поколения, успешного развития семейного бизнеса, интернациональных брачных союзов, целая серия статей посвящена семьям с ветеранами ВОВ, историям семей, усыновивших чужих детей. Отчетливо звучит тема социальной работы в сфере семьи, публикации на эту тему касаются, прежде всего, вопросов получения жилья сиротами, молодыми, многодетными, почетными семьями Казахстана («Детдомовцы обрели квартиры»; «Социально чуткая политика»; «Социальная поддержка материнства — путь к демографическому росту»; «Как инвалиду создать семью»; «Доброе сердце мамы Сары»). Значительную долю занимают статьи, информирующие об изменениях в законодательстве и механизмах деинституционализации, перехода от воспитания детей в специализированных интернатах к семейным формам устройства, перепрофилирования детских специализированных интернатов в службы по оказанию помощи семьям и детям. Отдельным блоком идут статьи о репродуктивном здоровье мужчин и женщин, возможностях современной медицины для бездетных пар, о здоровом образе жизни.

Следует особо остановиться на описании статей, посвященных межнациональным союзам. Эта тема появляется довольно часто и в положительном аспекте. Вот примеры названий некоторых статей: «Многоязычье укрепило узы»; «Любовь без границ»; «Сближая культуры»; «Мир и дружба — базовые ценности народа»; «Богатство толерантности — базовые ценности народа». Здесь речь идет о том, что «время доказало, что самый разумный путь совмещения интересов представителей всех национальностей, проживающих в Казахстане, — формирование гражданской, а не этнической идентификации» [5], подчеркивается, что интернациональная семья — это маленький слепок казахстанского общества. «Президент призывает нас и дальше быть верными политике мирного сосуществования. И эта «установка» Главы государства созвучна мыслям и настроениям людей, она находит отклик у казахстанцев, которые гордятся тем, что живут в многонациональном обществе. Десятилетиями так сложилось, что у нас бок о бок живут представители разных этносов. Мы переплелись культурными корнями, позаимствовали друг у друга кухню, народные обычаи и традиции. Все мы чувствуем себя здесь комфортно и от этого наша жизнь стала только богаче, насыщенной и разнообразней» (*Кадыржанов Р.* Современное государство для всех. URL: <http://www.kazpravda.kz/fresh/view/sovremennoe-gosudarstvoldlya-vseh> [дата обращения: 25.01.2016]).

Статьи порой затрагивают острые вопросы, однако всегда дискурс обращен в сторону толерантности. «У любви нет национальности. Моя семья тепло приняла невестку, — говорит почетный член правления Армянского национально-культурного центра Альберт Погосян. — Я не консерватор, хотя, возможно, для продолжения рода надо выбирать жен из своей диаспоры. Но я уверен, что у любви нет национальности. Люди выбирают любимых не по цвету кожи или вере, они подвластны только своим чувствам» (*Айгуль Турысбекова.* У любви нет

национальности // Kazpravda.kz. URL: <http://www.kazpravda.kz/news/kultura/ulubvi-net-natsionalnosti> [дата обращения: 25.01.2016].

Тема многодетности звучит не в потоке дискурса о социально-экономическом благополучии, как это порой бывает, а в совершенно ином конструирующем позитивный образ семьи дискурсе. Примеры названий статей о многодетности: «Растет на востоке рождаемость»; «Тройня родилась у молодой семьи из Павлодара»; «Свой дом и счастье в нем». Среди статей данной тематики преобладают биографии конкретных людей, рассказывается, как семьи получают помощь, обретают заветные квадратные метры жилья, как сообщество и общественные структуры помогают построить дом и получить иную поддержку.

Один из наиболее актуальных аспектов, освещаемых в прессе, — роль государства. Это самый значительный по количеству объема материал газеты. Названия газетных публикаций красноречивы: «Под защитой государства»; «Родина начинается с отчего дома»; «Лучшим семьям Казахстана Президент вручил ключи от автомобилей»; «Президент поздравил казахстанцев с Днем семьи»; «Мерило прогресса страны»; «Семья — колыбель государства»; «Семья — модель государства». Цитаты из этих публикаций: «Статья 27 Конституции РК гласит: «Брак и семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. В частности, одна из Ваших идей (Президента Назарбаева — *авт.*) — город Астана — воплотилась не только в административный центр Республики Казахстан, но и в центр передовых технологий, науки и медицины. Наша семья в полном составе стала свидетелем Ваших заслуг». «Любовь к Отечеству начинается с семьи. Семья — основа государства, семья — сила государства. Каждая семья чувствует заботу государства. Нурсултан Назарбаев точно определяет все надежды и чаяния казахстанцев». «Идеологическая работа партии, отметил на встрече доктор исторических наук, профессор Саттар Мажитов, нацелена на формирование нового казахстанского патриотизма, закрепление в обществе таких ключевых ценностей, как верховенство закона, единство и согласие, крепкая, дружная семья и традиции». «По словам председателя совета — заслуженного деятеля РК, профессора Нины Каюповой, благодаря успешным социально-экономическим преобразованиям, происходящим в стране, государство сегодня имеет все возможности для укрепления института семьи. Семья — это очень важная социальная единица, которая находится под охраной закона».

Моральная истерия и паника при обсуждении кризиса семьи не наблюдаются в газетных материалах. Журналисты ведут конструктивный диалог с читателем при обсуждении острых проблем помощи больным детям, семьям с инвалидами, малоимущим семьям. Примеры публикаций: «Жилье для ветеранов»; «На принципах уважения и ответственности». В статьях подчеркивается, что малоимущая семья из объекта благотворительности стала полноправным участником социальных программ и осознает свою роль в обеспечении лучшего будущего для своих детей. Хотя нельзя не за-

метить акцентирование роли личности Президента страны в решении этих вопросов и поставленных задач социального развития.

Целый блок статей посвящен информированию о различных мероприятиях, фестивалях, семейных конкурсах: «Самая энергетическая семья»; «Семья и школа едины»; «Семья — моя гордость и опора»; «Живем и побеждаем дружно»; «Парад невест». Всегда в той или иной степени в публикациях подчеркивается, что главными целями проводимых мероприятий является продвижение системы здоровых семейных отношений, укрепление семьи, восстановление традиционных семейных ценностей.

Ключевым для нашего исследования стал дискурс о семейных ценностях, о том, что главное в семье, какой должна быть семья и отношения в ней. Так, среди работ, посвященных этой тематике, мы обнаружили следующие кодовые смысловые единицы:

- семейное счастье — дети,
- связь рода — межпоколенчество,
- благодарность (тебе, отец и дед, спасибо!),
- любовь и ответственность,
- женщина и семья,
- мужчина и семья,
- вопросы веры и брака.

Семейное счастье — дети, здесь обсуждается ценность родительства, возможности ЭКО, противопоставляются ценности европейских государств и Казахстана, в некоторых статьях выражается неодобрение аборт, говорится о том, что посягать на зародившуюся жизнь считается огромным грехом. Роль женщины в семье красноречиво иллюстрируется одним из названий публикации — «Женщины — национальное достояние», в которой говорится, что моральные устои страны зависят от женщин. «Благополучие, прежде всего, чувствует женщина на своих детях, на своем столе, в кармане, когда ходит в магазин. Поэтому, главным образом, государство заботится о женщинах, о держателях очага. А мы, мужчины, куда денемся? <...> От женщин зависят моральные устои страны. Моральное состояние общества, в целом все зависит от вас. По факту вы выбираете мужчин, а не они вас, как им кажется. Поэтому выбирайте хорошо, чтобы было нормально», — отметил Глава государства на ежегодной встрече «Көктемшуағы», посвященной Международному женскому празднику» (*Миринова В.* Мы переплелись корнями. URL: <http://www.kazpravda.kz/news/politika/mi-pereplelis-kornyami> [дата обращения: 12.07.2016]).

Роль мужчины в семье обсуждается, прежде всего, в совокупности с вопросами здорового и ответственного образа жизни и проиллюстрирована нами названием статьи «Здоровый мужчина — счастливая семья». Блок статей содержит материалы разного рода, побуждающие дискуссию о семейных ценностях. «Молодежь узнала много интересного из рассказов людей, построивших благополучные и крепкие семьи. Ведь именно семья воспитывает человека, формирует его личные качества и готовит к большой самостоятельной жизни, а в конечном итоге учит быть патриотом...».

«Честность, порядочность, доброта, умение постоять за себя и защитить слабого — эти уроки лучше всего усваиваются в детстве. Ведь чем крепче семья, тем сильнее государство». «Как известно, многие современные исследователи говорят сегодня о кризисе семьи, снижении ее роли и социализирующего воздействия на личность, но, тем не менее, казахстанская молодежь, как видно из приведенных данных, как и в прежние времена, в семье видит одну из важнейших жизненных ценностей» (*Иржанов М. Женщины — национальное достояние*. URL: <http://www.kazpravda.kz/fresh/view/zhenshchini--natsionalnoe-dostoyanie1> [дата обращения: 10.09.2015]).

Отдельный блок статей о семейных ценностях прямо или косвенно сопряжен с тематикой патриотизма, государственности, важности традиционных семейных устоев и культурных универсалий. В статьях, затрагивающих вопросы веры и брака, оценивается позитивно религиозное возрождение, однако подчеркивается ошибочность отказа от регистрации брака в органах ЗАГС, достаточно аргументировано объяснены негативные последствия такого отказа. Семья непременно обсуждается вкупе с возможностью иметь детей. Развивается дискуссия об искусственном оплодотворении: «Эко — семьи пишут свою сказку», где рассказаны истории конкретных семей, говорится о развитии доступности ЭКО в Казахстане. Среди остальных публикаций о семье преобладают криминальные хроники, рассказы о западных семьях знаменитостей, информация частного характера.

Социологический анализ потребовал акцента на содержательных, дискурсивных компонентах, открывающих не только то, какой дизайн или жанр имеет та или иная публикация, но и какова ее подоплека. Как показывают данные, наиболее действенные с точки зрения формирования социального поведения типы публикаций связаны с акцентированием задач государственного развития Казахстана. Обращает на себя внимание доминирование биографических типов публикаций.

Объект публикации

Этот показатель имеет два типа: в первом случае объектом публикации выступает человек и семья и во втором — государство и его социальные структуры (органы или законодательство).

Перечислим выявленные аспекты дискурса семьи, наиболее характерные для «Казахстанской правды»:

- постепенно формируется дискурс единства семьи и государства;
- можно констатировать постепенный отказ журналистов от дискриминационного рассуждения о неблагополучных семьях и активное использование жизнеутверждающих стратегий (с подчеркиванием государственной заботы);
- происходит своеобразное снятие табу на вариативные формы брака (однако речь идет только о разнице веры и национальности).

Итак, нами было исследовано 860 изданий за указанный период. Выявлено 400 публикаций, включающих термины «семья» во всех возможных грамматических формах, релевантными задачам нашего исследования оказа-

лись 162 статьи. Если говорить о тематическом распределении материалов, то первую позицию по частотности появления, как показывают результаты исследования, занимают публикации о роли государства в развитии и поддержании семьи. Вторая по частоте упоминания группа раскрывает вопросы межэтнических, межконфессиональных семей, третья позиция — статьи о семейном счастье, ценностях, приоритетах.

Выводы

Таким образом, публикации о семье содержательно подчеркивают роль государства, важность бесконфликтного межкультурного существования, семейные проблемы обсуждаются в режиме перманентного движения к решению и сглаживанию острых ситуаций. В целом ситуацию с отношением к интернациональным бракам можно охарактеризовать как формирование толерантности, подчеркивается первичность светской регистрации брака перед религиозными брачными обрядами. В «Казахстанской правде» значительная доля статей содержит жизнеописания конкретных лиц, семейные истории, поводы для подражания и гордости. Это весьма важная форма работы масс-медиа, которая служит значимым ресурсом информационной и статусной поддержки традиционной, расширенной, благополучной семьи. Мы можем сделать вывод о том, что самая обсуждаемая тема в газетных статьях — поддержка семей государством. Поддержка оказывается разная, с жилищной площадью (поиск более удобного жилья семьям ветеранов), контроль укомплектования детских садов, социальные программы, такие как общественные фонды и денежные выплаты для повышения рождаемости (семья получает 50 тыс. тенге за каждого четвертого ребенка), становление медицины, проведение различных культурных мероприятий и вовлечение семей в различные проекты. На втором месте по обсуждаемости разговоры о семейных ценностях, дабы ставить их в пример для подражания. В данной тематике большое внимание уделяется историям об удачных браках, которые сохраняются на протяжении многих лет, когда супруги прожили в мире и согласии, обсуждаются вопросы патриотизма, культуры предков и национального языка. Содержательный контент-анализ СМИ о семье подтверждает наличие осознанной конструирующей фамилистической политики Республики Казахстан в направлении укрепления семейного благополучия и традиционных ценностей, но в духе современных норм толерантности и межкультурной вариативности.

Список литературы

1. Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследование. М.: Аванти Плюс, 2004. С. 57—58.
2. Дейк Т.А. ван Язык, познание, коммуникация. М., 1989. С. 63.
3. Дейк Т.А. ван Расизм и язык / Т.А. ван Дейк. М.: Прогресс, 1989. С. 112.
4. Серюо П. Анализ дискурса во Французской школе // Семиология: Антология / сост. Ю.С. Степанов. М., 2001. С. 11.
5. Алтунян А.Г. От Булгарина до Жириновского: Идеино-стилистический анализ политических текстов. М., 1999. С. 78

ТРАНСФОРМАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕХОДА К «ОБЩЕСТВУ ВСЕОБЩЕГО ТРУДА»

Казила Кубаев

Профессор кафедры «Менеджмент» Евразийского национального университета (ЕНУ) им. Л.Н. Гумилёва, доктор экономических наук, академик Международной академии информатизации, член-корреспондент Российской академии естествознания

Аннотация. В статье рассматриваются достижения Казахстана в экономике в период независимости, в том числе и научные достижения, отмечаются изменения в составляющих производственных факторов в экономической теории, которые создают предпосылки перехода к «обществу всеобщего труда».

Ключевые слова: изменения, труд, интеллектуальный капитал, всеобщий труд, трансформация, общественная эффективность, баланс интересов.

ЭКОНОМИКАДАҒЫ ӨЗГЕРІСТЕР «ЖАЛПЫҒА ОРТАҚ ЕҢБЕК ҚОҒАМЫНА» КӨШУДІҢ АЛҒЫШАРТТАРЫ РЕТІНДЕ

Қазила Құбаев

Аңдатпа. Мақалада тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан экономикасының жетістіктері, оның ішінде ғылыми жетістіктері де қарастырылады. «Жалпыға ортақ еңбек қоғамына» көшудің алғышартын жасайтын, экономикалық теорияның құраушы өндірістік факторларының өзгерістері аталып көрсетіледі.

Түйінді сөздер: өзгерістер, еңбек, интеллектуалдық капитал, жалпыға ортақ еңбек, жаңарту, жалпыға мәлім тиімділік, мүдделер теңдігі.

ECONOMIC CHANGE AS TRANSFORMATION TO NATION OF UNIVERSAL LABOUR

Kazila Kubayev

Abstract. The article discusses the achievements Kazakhstan has been able to make in the economy since gaining its independence including the scientific achievements. The changes in the factors of production and their reflection in the economic theory are also discussed. The focus of the article is on how all these achievements may create the preconditions for Kazakhstan's transition into a "nation of universal labor".

Key words: *change, labor, intellectual capital, universal labor, transformation, social efficiency, balance of interests.*

Введение

Казахстан за годы независимости и экономических реформ достиг колоссальных успехов в развитии. Принятые меры за прошедшее время, несмотря на ряд кризисов, позволили значительно улучшить уровень жизни нашего населения, макроэкономическую и финансовую стабильность, создать условия для привлечения инвестиций в индустриально-инновационное развитие. Устойчивый рост экономики обеспечивается за счет ускорения диверсификации через индустриализацию и развитие инфраструктуры и повышение конкурентоспособности человеческого капитала. В ходе диверсификации экономика переходит от экстенсивного, сырьевого пути к индустриально-инновационному развитию.

Президент Казахстана Н.А. Назарбаев в июле 2010 г. обратился к народу страны, да и ко всему миру, в статье «Социальная модернизация Казахстана: двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда» (*Назарбаев Н.А. Социальная модернизация Казахстана: двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // Казахстанская правда, 10 июня 2010 г.*) с призывом: «Сегодня весь мир с особой остротой убедился, что идеология потребления оказалась губительной. Она породила массовое социальное иждивенчество в развитых странах мира и является одной из главных причин глобального кризиса». И назвал альтернативой идею «общества всеобщего труда».

Далее автор статьи делает попытку и ставит *цель* проанализировать *изменения*, которые произошли на практике с того момента, как создавалась экономическая теория.

Многие политики мира и ученые говорят об усилении роли и изменении содержания труда в экономике. Изменился труд, и изменилось содержание капитала. Автор связывает современный экономический мировой кризис с тем, что на практике не полностью удается учитывать эти изменения. Статья Президента Казахстана Н.А. Назарбаева «Ключи от кризиса» (*Назарбаев Н.А. Ключи от кризиса // Казахстанская правда, 3 февраля 2009 г.*) сделала большой резонанс в мировом сообществе. Главное заключается не только в необходимости мирового расчетно-нормативного показателя, главная его мысль, на наш взгляд, это то, *что время меняет все*. Поэтому проводится идея о переходе от «старого уклада дефективного капитализма» к новому

укладу «транзитализму»... и практическому переходу в грядущий мир «акметализма». В работе даются для обсуждения имена категорий обновленного способа производства.

Автор данной статьи тоже писал об экономическом кризисе (*Кубаев К.Е. Экономический кризис и пути его преодоления // Экономика и статистика. 2010. N 1. С. 24—29*), где отмечается, что современная рыночная экономика дает сбой. Наступает полоса кризиса. Как известно, кризис — один из элементов капитализма. Но в эти трудные моменты оголяется все, в том числе и такая крупная проблема. Не пора ли хотя бы задуматься? С одной стороны, «социализм» обанкротился. Нам известны только социализм и капитализм. Из чего выбирать? Если один из них обанкротился, то остается другой. Лучшие умы планеты сейчас задумались: есть ли другой способ, который не приносит столько проблем социально-экономического характера, когда одни слишком богатые, другие — большинство — очень бедные. По другому пути как будто бы идут Япония, США, Швеция, Великобритания и др.

Методы исследования

Использованы системный и логический анализ, метод структурно-логического моделирования, методы экономико-математического моделирования и метод экспертных оценок. Основными участниками рынка сейчас являются: общество, государство, бизнес, экономика и ее инфраструктура и каждый член общества.

Научная новизна заключается в попытке рассмотрения основных факторов производства с включением в рыночный процесс изменившихся структуры капитала и труда: природного и интеллектуального капиталов и физического и интеллектуального труда.

Результаты исследования и обсуждение

Об эффективности экономики и бизнеса судят больше с позиции предпринимателя. Как уже отмечалось, участниками бизнеса сейчас являются государство, предприниматели и наемные работники (топ-менеджмент, персонал). Обществу необходимо рассматривать в целом *интересы всех*.

Преклоняясь и отдавая дань уважения Адаму Смиту, Давиду Рикардо, Карлу Марксу, Фридриху Энгельсу, Джону Кейнсу, Владимиру Ленину и др., поскольку их разработки и деяния способствовали прогрессу и развитию общества, следует указать, что *прошло много времени и изменений в мире*.

Основные изменения на практике современной экономики:

1. В структуре капитала (К).
2. В содержании труда (Т).
3. В роли, формировании налогов и участии в бизнесе государства (Н).
4. В затратах на ведение бизнеса (З).

5. В формировании чистого дохода (ЧД).
6. В желании изменить распределение дохода от бизнеса (РД).

1. Изменение структуры капитала

1.1. Первое изменение — это формирование *интеллектуального капитала*. В последнее время в мировой экономической литературе широко используется понятие «интеллектуальный капитал». Данный термин пока еще не устоялся, наряду с ним применяются сходные термины: «нематериальные активы», «интеллектуальный потенциал», «активы знаний» и т.д. Интеллектуальный капитал — это знания, информация, опыт, организационные возможности, информационные каналы, которые можно использовать, чтобы создавать богатство. Интеллектуальный капитал — это знания, которые могут быть *конвертированы в стоимость*, другими словами, это сумма всего того, что знают и чем обладают работники и что формирует конкурентоспособность организации. Компании сегодняшнего дня сильно отличаются от компаний прошлого, прежде всего, новой структурой капитала. *Современная компания* — это, прежде всего, интеллектуальный капитал, который не имеет материальной формы, и его определенная часть *не принадлежит полностью капиталисту*. Им владеет работник, а не компания и не собственник.

Интеллектуальный капитал состоит из человеческого, организационного и клиентского капитала. Величина интеллектуального капитала в компании определяется как разница между рыночной оценкой стоимости компании и ее физическими активами. Именно эта классификация основных составляющих интеллектуального капитала использована в фундаментальном труде Т. Стюарта [1], одного из основоположников современной теории интеллектуального капитала.

Человеческий капитал — это та часть интеллектуального капитала, которая имеет непосредственное отношение к человеку. Это знания, практические навыки, творческие и мыслительные способности людей, их моральные ценности, культура труда. Человеческий капитал важен при проведении инноваций и любого обновления.

Организационный капитал — это та часть интеллектуального капитала, которая имеет отношение к организации в целом. Это процедуры, технологии, системы управления, техническое и программное обеспечение, организационная структура, патенты.

Потребительский или *клиентский капитал* — это капитал, который складывается из связей и устойчивых отношений с клиентами и потребителями. Одна из главных целей формирования потребительского капитала — создание такой структуры, которая позволяет потребителю продуктивно общаться с персоналом компании.

В экономике развитых стран мира стоимость определяется не столько физическими активами, сколько знаниями, которые трансформируются в виде новых продуктов, технологий, новых навыков, новых взаимоотношений с потребителями.

Сегодня для большинства компаний значения коэффициента Тобина колеблются от 5 до 10 (*James Tobin. Liquidity preference as behaviour towards risk* (англ.) (pdf). The Review of Economic Studies. N 67. February, 1958. The Cowles Foundation for Research in Economics at Yale University). Для фондовых фирм этот коэффициент еще больше. Если цена компании в несколько раз, а иногда и в десятки раз превосходит цену ее материальных активов, то это означает, что ее нематериальные активы характеризуются талантом и профессионализмом ее персонала, эффективностью ее управляющих систем, менеджмента и др. Покупатель, таким образом, приобретает в основном не столько физические, сколько нематериальные активы.

1.2. Кроме того, произошли изменения в участии природных ресурсов в бизнесе. Н.В. Багров в своей работе «Природный капитал — основа региональной экономики» (*Багров Н.В. Природный капитал — основа региональной экономики // Культура народов Причерноморья. 2001. N 21. С. 235—237*) и другие исследователи предлагают использовать категорию «*природный капитал*» (*Natural capital*) вместо категории «природные ресурсы». Последнее как бы говорит о пассивной роли природы в экономике. Экономистами *зеленой экономики* рекомендуется введение налога Тобина в размере 1% от всех международных торговых сделок, с тем чтобы направлять собранные средства бедным странам с целью торможения усиливающейся дифференциации между развитыми и не очень развитыми странами.

Сторонниками зеленой экономики являются: Н.В. Багров (*Багров Н.В. Указ. соч.*), В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев [2], Р. Костанца [3], В.И. Ключенович (*Ключенович В.И. «Зеленая» экономика: о перспективах и векторах движения для Республики Беларусь / В.И. Ключенович, И.А. Залыгина, К.Ю. Подворская // Экологический вестник. 2012. N 3. С. 10—17*) и др. С точки зрения компании *Re: Green lab* (re: green lab. URL: <http://regreenlab.ru/ru/green-economic> [дата обращения: 10.11.2016]), зеленая экономика — это отрасли, которые создают и увеличивают природный капитал земли или уменьшают экологические угрозы и риски (UNEP).

Итак, изменилась структура капитала. Сейчас в состав капитала уже входят: 1) *физический*, 2) *интеллектуальный* и 3) *природный*. Это серьезные изменения, которые влияют на положения традиционной экономической теории.

2. Изменение в содержании труда

Важной составляющей организации бизнеса является труд. Физический капитал, как всегда, создается трудом рабочих, интеллектуальный капитал

— интеллектуальным трудом. Значит, сегодня реально труд состоит из двух составляющих: физический труд рабочего и интеллектуальный труд менеджера. Фактически изменение труда изменило структуру капитала.

3. Роль, формирование налогов и участие в бизнесе государства

Роль государства в развитии бизнеса в разное время и в разных странах различная. История многих стран мира подтвердила позитивную роль государства в их экономическом развитии. Однако представления о степени этого влияния мировым сообществом только за вторую половину ушедшего XX столетия менялись неоднократно. Концепция «минимального» государства в 30-е годы прошлого столетия под давлением Великой депрессии сменилась усилением роли государства в виде «плана Маршалла», «Кейнсианства» и др., принятыми многими странами. Были «вскрыты» изъяны рыночного механизма, что привело в 30—50-е гг. XX столетия к тенденциям развития государственных предприятий, появлению государственных функций в распределении ресурсов, расширению роли государства в предоставлении общественных благ.

Встает вопрос: какую долю в бизнесе составляют налоги? С увеличением роли государства в экономике, возможно, доля налогов будет возрастать. Однако, согласно закону Лаффера, при определенном значении доли налога субъекты налогообложения перестают платить и уходят в «тень». В современном бизнесе доля налога должна быть ниже за счет увеличения *эффективности* государственного управления и снижения *затрат* на ведение бизнеса. Уровень налогообложения необходимо взять под общественный контроль.

4. Снижение затрат на ведение бизнеса

Если в 1960-е гг. способ производства был ориентирован на объем производства, а в 1970-е гг. — на его цену, то, начиная с 1980-х гг., усилились требования к повышению качества продукции на основе стандартизации бизнес-процессов. Начиная с 1990-х гг., по выражению Б. Гейтса [4], реинжиниринг бизнеса осуществил рационализацию бизнес-процессов на основе их стандартизации. Следующее десятилетие — годы роста *скорости* бизнеса, что выразилось в кратном опережении темпов роста капитализации рынков по сравнению с темпами роста ВВП.

Внедрение и применение электронного бизнеса позволили добиться существенного прироста доходности капитала. Для этого компании — участники электронного бизнеса, в зависимости от своей возможности, разрабатывали стратегию. Они могли декапитализировать свою компанию, если имели возможность стать брэнд-компаниями. Как отмечают Г. Минс и Д. Шнайдер [5], компании — участники электронного бизнеса по модели В2В делятся на две группы:

– компании, которые, имея относительно небольшой капитал, владеют брэндом, а также идеями и технологиями производства нового продукта;

– компании, которые группируются вокруг брэнд-компаний или интегратора. Они осуществляют функции по производству нового продукта. Компании, не имеющие свой брэнд, группируются вокруг брэнд-компаний таким образом, что им остается занять свою экономическую деятельность в нише аутсорсинга, образуя внешнюю сетевую структуру.

Итак, в современной экономике наблюдается, как и ожидалось, тенденция *снижения затрат на ведение бизнеса*.

5. Формирование чистого дохода

Известно, что бизнес мотивирован получением прибыли. По законам о частной собственности прибыль принадлежит владельцу(цам) капитала. В современной экономике этот постулат уже неоднозначен, ибо, как сказано выше, изменилась структура капитала. Появился интеллектуальный капитал, поскольку уже частью этого вида капитала может владеть представитель наемных работников. Природный капитал тоже может принадлежать не этому капиталисту, и его стоимость в современной экономической теории не учитывается. Сейчас предприниматель мотивирован величиной этой прибыли. Работники *уже сегодня поняли*, что если они не участвуют в распределении данного дохода, то зачем повышать производительность и снижать затраты для увеличения прибыли капиталиста.

6. Желание изменить распределение дохода от бизнеса

Это главный вопрос современной экономики. Еще раз напоминаю, что цель наших рассуждений — создать предпосылки к теории, учитывающей интересы всех участников бизнеса: государства, капиталиста и наемных работников (менеджмент, персонал). Напрашивается вопрос: почему возникают кризисы и они все острее и длительнее. Значит, нарушены чьи-то интересы. Чьи? Государства, капиталиста или наемных работников? Государства? Вряд ли! Капиталиста? Нет! Остается наемный работник. Их большинство.

Источником богатства общества, как известно, является бизнес. Доходы от него идут на заработную плату наемных работников, на затраты для ведения самого бизнеса, налоги — государству, остальное — собственнику (капиталисту) в виде *прибыли*. В раннем диком государстве капиталисты были богатыми за счет рабовладельческого дешевого труда. Сейчас ситуация иная. Однако проблема сверхбогатства остается. Кризис, надо полагать, прежде всего, связан с *распределением*.

7. Анализ доходности различных структур бизнеса и методика расчета его общественной эффективности

Эффективность есть важная категория экономической теории. Под ней понимается отношение между результатами и затратами на бизнес. Но когда говорится об экономической эффективности, то подразумевается все общественное производство. Здесь мы больше сталкиваемся с так называемым Парето-эффективностью, когда невозможно увеличить степень удовлетворения потребностей хотя бы одного человека, не ухудшая при этом положение другого члена общества. Но это больше теория, здесь мы стремимся приблизиться к практическому управлению. Для этого мы анализируем механизм доходности бизнеса на сегодняшний день и в конкретных условиях.

Прибыль можно рассчитать по следующей формуле:

$$ЧД = Дх - (ЗП + Н + З) \quad (1),$$

где:

ЧД — чистый доход (прибыль),

Дх — доход,

ЗП — заработная плата,

Н — налог,

З — затраты.

Рентабельность компании, как известно, определяется отношением балансовой прибыли к полной себестоимости:

$$r = \frac{Pb}{Pc} \cdot 100 \% \quad (2),$$

где

r — рентабельность,

Pb — балансовая прибыль,

Pc — полная себестоимость.

На доходность ($Дх$) бизнеса влияет спрос (D), объем реализации (Q), налоги и другие платежи (H), цена (P), стоимость рабочей силы (L), затраты на бизнес ($З$) и другие факторы.

Первый анализ сделаем, когда они зафиксируются на определенной величине. Если доходы принять за 100 единиц, то можно рассчитать структуру доходов и расходов и рентабельности компании. Для удобства расчеты сведем в таблицу 1.

Табл. 1. Рентабельность бизнеса при определенной структуре расходов и доходов (100 ед.)

Себестоимость (налоги, зарплата и затраты на бизнес)	Прибыль (чистый доход)	Рентабельность, %
99	1	1
90	10	11

Себестоимость (налоги, зарплата и затраты на бизнес)	Прибыль (чистый доход)	Рентабельность, %
80	20	25
70	30	43
60	40	67
50	50	100
40	60	150
30	70	233
20	80	400
10	90	900

Анализ данных таблицы 1 показывает, что при этих фиксированных структурах доходов и расходов реальной зоной ведения бизнеса является уровень рентабельности — 11%, 25% и 43%. Эти теоретические рассуждения необходимы, чтобы понять экономический механизм управления компанией.

Как следует из таблицы 2, уровень доходности компании зависит от соотношения прибыли (ЧД) к расходам (Рас). Чем больше мы делаем расходов на единицу продукции, тем больше увеличивается прибыль. Если себестоимость единицы продукции равна полным затратам (*внутренним и внешним), то компания работает в режиме «самокупаемости» (см. первую строку табл. 2). Далее, если компания становится доходной, то себестоимость становится меньше, чем все расходы компании на производство и сбыт единицы продукции. Каждая компания стремится работать в режиме «высокодоходной». Но для этого необходимо, прежде всего, высокопрофессиональный персонал, эффективный топ-менеджмент, благоприятный налоговый режим и др.

Табл. 2. Доходность (мах-100 ед.) и распространенность компаний

Компания	Расходы (себестоимость), ед.	Прибыль (чистый доход), ед.	Рента- бель- ность, %	Работа компаний при различном уровне доходности	Распространен- ность
А	99	1	1	самокупаемость	недоходная
Б	90	10	11	доходная	распространенная
В	80	20	25	доходная	распространенная
Г	70	30	43	высокодоходная	малораспростра- ренная
Д	60	40	67	высокодоходная	малораспростра- ренная
Ж	50	50	100	высокодоходная	малораспростра- ренная
З	40	60	150	великая	нераспростра- ренная

Компания	Расходы (себестоимость), ед.	Прибыль (чистый доход), ед.	Рентабельность, %	Работа компаний при разичном уровне доходности	Распространенность
И	30	70	233	великая	нераспространенная
К	20	80	400	великая	нераспространенная
Л	10	90	900	великая	нераспространенная

Что касается экономического механизма управления «Великих компаний», то о них провел специальное исследование американский учений Джим Коллинз, который подробно описал это в своей известной книге «От хорошего к великому» [6]. Исследователь утверждает, что многое, чтобы компания работала в высокодоходном режиме, зависит от действий первого руководителя. От него также зависит, станет ли «хорошая» компания «великой» или нет.

Но это только один срез анализа. Другой срез — доля участия и интересы всех «игроков» бизнеса. Это уже будет общественный или балансовый подход к определению эффективности (*Эббс*).

Все статьи расходов находятся под контролем мотивированных собственников этих факторов. Объем налогов оценивает государство, заинтересованное в этом. Уровень заработной платы наемных работников контролирует профсоюз. Другие затраты на бизнес осуществляет и контролирует предприниматель, снижая их и увеличивая прибыль. Вполне понятно, что это нужно подтвердить фактическими цифрами. Однако поиски показали, что подобная мировая статистика не ведется, поэтому наши рассуждения теоретические или косвенные.

Для наглядности наших рассуждений приводим сказанное в виде таблицы 3.

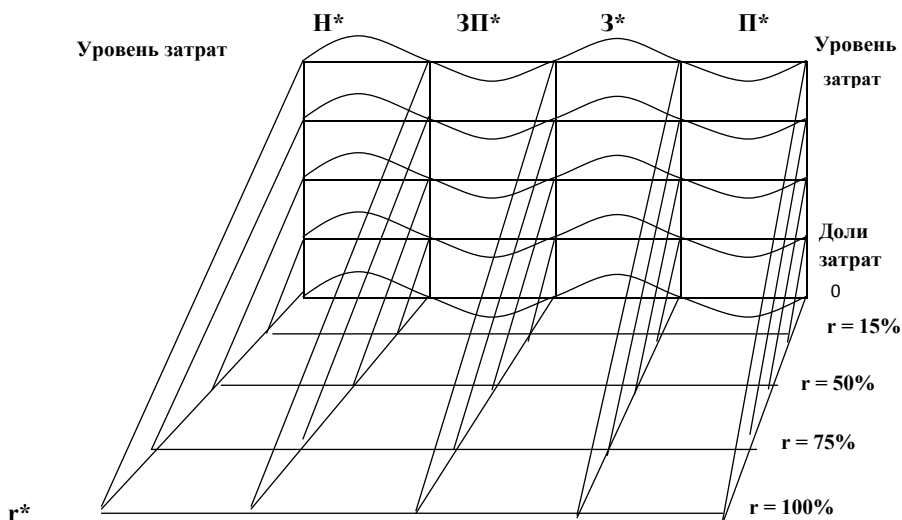
Табл. 3. Структура бизнеса

Доходы бизнеса	Доля налогов и др. платежей	Доля зарплаты	Доля др. затрат на бизнес	Доля прибыли
%	%	%	%	%
100				

Разная рентабельность бизнеса может быть еще и при различных долях участия «игроков» бизнеса. Как показывает анализ (табл. 1), если доходы принять за 100 единиц, то все расходы на бизнес могут колебаться от 10 до 99 единиц, прибыль — от 1 до 90 единиц, рентабельность — от 1 до 900%.

Например, если возьмем первую рентабельность 15%, вторую — 50%, третью — 75% и четвертую — 100%, то при этих рентабельностях доля уча-

ствия «игроков» в бизнесе будет меняться. Первое, налоги могут меняться от минимума до уровня эффективности бизнеса. Заработная плата работников, один из «больных» вопросов на сегодня, — от минимальной до качественной жизни персонала. Как отмечалось, затраты на бизнес капиталист стремится уменьшать, а прибыль увеличивать.

Модель для иллюстрации общественной эффективности
(Эбощ) бизнеса

В то же время при различных соотношениях долей участников рентабельность бизнеса может быть различной. Далее, рисунок иллюстрирует, что *Эбощ* — уже величина нелинейная и трехмерная.

Поверхность отклика каждого уровня затрат показывает величину рентабельности бизнеса структуры доли затрат.

Кроме того, из рисунка видно, что доли затрат участников бизнеса могут меняться.

Далее, как следует из рисунка, это уже балансовое значение налога (H^*), заработной платы ($ЗП^*$), затрат ($З^*$) и прибыли ($П^*$). Себестоимость, которая складывается из H^* , $ЗП^*$ и $З^*$, будет его балансовой себестоимостью (C^*).

Наконец, значение общественной эффективности — *Эбощ* определим по формуле (3):

$$\text{Эбощ} = \frac{H^* + ЗП^* + З^*}{C^*} = \frac{П^*}{C^*} \quad (3),$$

где:

Эбощ — общественная эффективность бизнеса,

H^* — балансовое значение налоговых отчислений,

$ЗП^*$ — балансовое значение заработной платы,

$З^*$ — балансовое значение затрат на бизнес,

C^* — балансовая себестоимость.

Соответственно, далее определим количественное значение эффективности бизнеса по ее рентабельности (4):

$$r^* = \frac{H^* + 3\Pi^* + 3^*}{C^*} \cdot 100 \% = \frac{\Pi^*}{C^*} \cdot 100 \% \quad (4),$$

где:

r^* — общественная рентабельность бизнеса.

Итак, общественная эффективность (*Эобщ*) определяется как трехмерная величина с учетом доли участия всех «игроков» бизнеса: предпринимателя, государства и наемного работника. В этом направлении делается обществом все, но необходимо это признать в теории и утвердить законодательно.

8. Обсуждение результатов исследований на примере государственного сектора

Реально это осуществляет государство. Конкретно эту ведущую функцию вменяют парламенту и президенту. Механизм реализации *общественной эффективности* экономики закладывается в государственную политику.

Государственная политика вырабатывается высшей политической властью с учетом мнения структур государственного управления и обращена на целенаправленную деятельность государственной власти по решению *общественных проблем*. Государственная политика сохраняет основные функции государства по защите деятельности и прав собственности граждан, обеспечения их социальной активности и создания условий для производства и сбыта товаров и услуг для населения. Цикл формирования и реализации государственной политики чаще всего идет в четыре этапа: а) инициирование политики; б) формирование политики; в) осуществление политики; г) оценка государственной политики.

На первом этапе определяются общественные проблемы, на втором — разработка и принятие законов и подзаконных актов, на третьем этапе осуществляется мониторинг и реализация государственной политики и на четвертом — оценка и регулирование политики.

Выводы

Таким образом, в статье были рассмотрены достижения Казахстана в экономике в период независимости, в том числе и научные достижения; исследованы изменения в составляющих производственных факторов, которые создают предпосылки перехода к «обществу всеобщего труда».

1. Показаны основные *изменения* в практике современной экономики, которые не были учтены в экономической теории: в структуре капитала, в содержании труда, в роли и формировании налогов и участия в бизнесе государства, в затратах на ведение бизнеса, в желании изменить распределение дохода от бизнеса.

2. Исследованы изменения в составляющих производственных факторов, которые создают предпосылки перехода к «обществу всеобщего труда».

3. На основании категории Парето-эффективности вводится в оборот понятие «*общественная эффективность*», что исходит из *интересов всего общества* сегодняшнего дня. Степень зрелости населения уже не позволяет держать наемных работников на этом уровне доходности. Кроме того, наемный интеллектуальный работник становится *собственником* своего интеллектуального капитала. Здесь как бы напрашивается *баланс интересов*: государства, капиталиста и наемного работника.

Список литературы

1. *Stuart T.A.* Intellectual Capital: The New Wealth of Organisations. London, 1997.
2. *Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С.* Экологический вызов и устойчивое развитие. М.: Прогресс, Традиция, 2000. 414 с.
3. *Костанца Р.* Границы экологической экономики: междисциплинарные исследования (Frontiers in Ecological Economics: Transdisciplinary Essays, 1997).
4. *Гейнс Билл.* Бизнес со скоростью мысли. Изд. 2-е. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 480 с.
5. *Грейди Минс, Шнайдер Дэвид.* Метакапитализм и революция в электронном бизнесе: какими будут компании и рынки в XXI веке / Пер. с англ. [И.А. Никонова]. М.: Альпина Паблишер, 2001. 280 с.
6. *Коллинз Джим.* От хорошего к великому: почему одни компании совершают прорыв, а другие нет // Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. — 320 с.

РАЗВИТИЕ КЛАСТЕРОВ УСЛУГ В ЭКОНОМИКЕ МЕГАПОЛИСА (НА ПРИМЕРЕ Г. АСТАНЫ)

Фарида Альжанова¹, Ольга Лашкарева²

¹ Заведующий отделом региональной экономики и инновационного развития Института экономики КН МОН РК, доктор экономических наук, доцент

² Профессор кафедры «Экономическая теория и АР» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва, кандидат экономических наук, доцент

Аннотация. В статье рассмотрены возможности развития г. Астаны на основе кластерного подхода. С учетом тенденций развития мегаполисов как очагов пост-индустриального развития предлагается ориентироваться на развитие кластеров «знаниеемких» услуг: кластера конгрессно-выставочной индустрии, кластера информационных услуг, инновационного кластера, кластера финансовых услуг. С учетом опыта зарубежных стран показаны возможности создания кластера конгрессно-выставочной индустрии Казахстана, развития делового туризма, логистических услуг, креативных услуг и индустрий на базе инфраструктуры Астана «Экспо-2017». Отмечается, что современные мегаполисы являются местом концентрации научно-образовательных ресурсов, что создает предпосылки для развития инновационного кластера, ядром которого выступают университеты. В качестве основы кластера информационных услуг рассмотрен проект «Астана смарт-сити» (смарт-сити кластер). Возможности формирования кластера финансовых услуг и институтов рассмотрены с учетом развития г. Астаны как регионального финансового центра. Отмечается, что выявленные типы кластеров ориентированы на решение задач разного уровня: локальные, национальные, международные.

Ключевые слова: кластер, кластерная политика, механизмы кластерной политики, ГЧП (государственно-частное партнерство), инфраструктура Астана «Экспо-2017».

МЕГАПОЛИС ЭКОНОМИКАСЫНДА
ҚЫЗМЕТ КӨРСЕТУ КЛАСТЕРЛЕРІН ДАМУЫ
(АСТАНА Қ. МЫСАЛЫНДА)

Фарида Әлжанова, Ольга Лашкарева

Аңдатпа. Мақалада кластерлік тәсіл негізінде Астана қаласының даму мүмкіндіктері қарастырылған. Постиндустриялық дамудың негізі ретіндегі мегополистердің даму үдерісін еске отырып «ғылыми сыйымдылықты» қызметтер кластерін дамытуға бағдар ұстау ұсынылады: конгресс-көрмелік өнеркәсіп кластері, ақпараттық қызметтер кластері, инновациялық кластер, қаржылық қызметтердің кластері. Шет елдердің тәжірибені саралай келе Астана «Экспо» инфрақұрылымы базасы негізінде Қазақстанның конгресс-көрмелік индустрия кластерін жасау, логистикалық қызметті, іскерлік туризмді, креативті қызметтер мен индустрияны дамытудың мүмкіндіктері көрсетілген. Қазіргі заманғы мегполистер ғылыми-білім беру ресурстардың жоғырланған орны болып табылатыны айтылып, соның негізінде университеттер өзегі болып табылатын инновациялық кластерлердің дамуының алғышартын қалыптастырады. Ақпараттық қызметтер кластерінің негізі ретінде Астана смарт-сити жобасы қарастырылған (смарт-сити кластер). Қаржылық қызмет кластері мен институттарын қалыптастыру мүмкіндігі Астана қаласының аймақтық қаржы орталығы ретіндегі дамуын есепке ала отырып қарастырылған. Айқындалған кластер типтері әртүрлі дәрежедегі міндеттерді: жергілікті, ұлттық, халықаралық т.б. шешуге бағытталғандығы айтылған.

Түйінді сөздер: кластер, кластерлік саясат, МЖӘ кластерлік саясат тетіктері (мемлекеттік-жеке меншік серіктестіктері), Астана Экспо инфрақұрылымы.

DEVELOPMENT OF CLUSTERS SERVICES IN MEGAPOLIS ECONOMY (CASE OF ASTANA)

Farida Alzhanova, Olga Lashkareva

Abstract. The article discusses the prospects of Astana for further successful development on the basis of the cluster approach. Given that megalopolises tend to be the centers of post-industrial development, the authors focus on “knowledge-intensive” clusters, namely congress and exhibition industry, information, innovation, and financial services. Having included the experience of foreign countries into the analysis, the authors outline the prospects of the congress and exhibition industry of Kazakhstan as well as those of business tourism, logistics and creative industries. The services that would be based on the infrastructure of Astana “Expo” are also considered.

The authors see the megalopolises as scientific and educational centers with all conditions necessary for better development of the innovation cluster with universities being at the epicenter. As the basis of the information cluster, the authors study “Astana Smart-city Project”. The features of formation of the financial cluster in Astana as a regional financial center are also outlined. The authors regard the identified types of clusters as being aimed at tackling the problems and finding the solution on local, national, and international levels.

Key words: cluster, cluster policy, cluster policy mechanisms, PPP (public private partnership), “Astana Expo” infrastructure.

Введение

В настоящее время существует понимание важности кластеризации в решении задач модернизации и технологического развития национальной экономики, его инновационной составляющей, особой роли государства в развитии и поддержке кластерных процессов. Этот интерес обусловлен положительным опытом кластеризации экономик многих развитых стран мира. Несомненное преимущество кластерного подхода заключается в возможности решения проблем нехватки инвестиций, энергии, сырья, человеческих и других необходимых ресурсов.

В соответствии с концепцией формирования перспективных национальных кластеров Республики Казахстан до 2020 г. кластеры являются одним из основных объектов государственной политики для стимулирования инноваций: за счет поддержки не только группы предприятий, но и эффективных взаимоотношений между участниками инновационной системы.

Понимание важности кластеров в решении проблемы модернизации и изучение международного опыта в этой области доказывают, что наиболее эффективной формой любой процветающей экономической системы является теория кластерного механизма. Кластерный подход к изучению экономических процессов формирования конкурентоспособности применяется в теориях, предложенных М. Портером, Е. Лимером, Е. Дахменом. Некоторые аспекты, связанные с механизмом кластера, составляющие основу изучения современных проблем стратегий развития, обсуждаются в трудах таких ученых, как И. Ансофф, Г. Минцберг, П. Друкер. Изучению отдельных аспектов разработки стратегий развития территорий, отдельных кластеров в отечественной экономике посвящен ряд научных исследований, из которых нам хотелось бы выделить труды следующих авторов: М. Искакова, М. Булекбаева (работы по строительному кластеру); А.А. Кайгородцева, С.Б. Ахметжановой (по агропромышленному кластеру); Ф.М. Днишева, И. Васильченко (общие перспективы для внедрения кластерного подхода в Казахстане); Б.А. Алдашова, Г. Найзабекова (работа над спецификой кластерного подхода в Республике Казахстан) и др. Анализ этих работ позволяет говорить о том, что кластерный подход в развитии региональной экономики является лучшим, поскольку он позволяет добиться синергетического эффекта и повышения конкурентоспособности сразу нескольких отраслей. Цель данного исследования состоит в том, чтобы изучить механизмы реализации инвестиционной политики Астаны на основе кластерного подхода с внедрением моделей ГЧП.

Методика исследования

Научно-методической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых по теории кластерного механизма.

Для решения задач исследования использовались методы: монографический, абстрактно-логический, расчетно-конструктивный и экспертный. Выбор подобного комплексного подхода к исследованию проблем кластеризации экономики объясняется тем, что он повышает научную и практическую ценность выполненного исследования.

Результаты исследования

К наиболее важным результатам проведенного исследования относятся следующие:

1. Раскрыты основные направления государственно-частного партнерства в целях инновационного развития Казахстана, а также модели ГЧП, отличающиеся особенностями финансирования кластерных инициатив.

2. На основе изученного состояния кластерной политики Акмолинской области обоснованы механизмы ее осуществления, среди которых: развитие инфраструктуры кластера; формирование региональной нормативно-правовой базы; информационно-консультационная поддержка; содействие самоорганизации членов кластера для реализации совместных (кластерных) проектов и поддержки реализации совместных (кластерных) проектов.

3. Показаны возможности по формированию кластеров в г. Астане (кластер конгрессно-выставочной индустрии, смарт-сити кластер, инновационные кластеры на базе Назарбаев Университета, кластер финансовых услуг [РФЦ]).

4. Рассмотрены ключевые выгодные особенности такого рынка, как индустрия встреч (MICE), в рамках которого необходимо создавать выставочную инфраструктуру Астана «Экспо-2017».

5. Предложены различные механизмы привлечения инвестиций, разделения ответственности и собственности в финансировании проектов, исходя из анализа зарубежного опыта.

Обсуждение результатов

Проект Астана «Экспо-2017» следует рассматривать как важный шаг в развитии основных направлений постиндустриального развития экономики г. Астаны и столичного региона.

Как известно, в зависимости от целей формирования кластеров возможны следующие стратегические альтернативы:

- стратегия регионального кластера, целью которой является повышение конкурентоспособности региона;
- стратегия национального кластера, целью которой является повышение конкурентоспособности страны и создание особых конкурентных преимуществ страны;

- стратегия интернациональных кластеров путем привлечения иностранных инвесторов и внешних поставщиков;
- смешанная стратегия, объединяющая стратегии национального, регионального и интернационального кластеров.

В Концепции формирования перспективных национальных кластеров Республики Казахстан до 2020 г. определены девять потенциальных кластеров, где будет задействован потенциал г. Астаны в лице АОО «Назарбаев Университет», СЭЗ «Астана — новый город», а именно кластеры технологий добычи и переработки нефти и газа; кластеры металлургии; кластеры машиностроения; кластеры химической промышленности; туристические кластеры; кластеры легкой промышленности; кластеры агропромышленного комплекса; транспортно-логистический кластер; кластеры альтернативной энергетики.

Кластеры, создаваемые сегодня в Казахстане, больше ориентированы на индустриальную модель кластеров, характеризующуюся слабыми горизонтальными связями, зависимостью от центра и государственной поддержки. Следует ожидать, что кластеры, формируемые на базе инфраструктуры Экспо, хотя и сильно будут зависеть от участия государства в качестве донора, но специализация этих кластеров будет отличаться.

Для формирования инновационного кластера на базе инфраструктуры Астана «Экспо-2017» важным является создание благоприятного имиджа проекта Экспо, прозрачность целей и процесса реализации проекта «Астана Экспо», условий входа потенциальных участников, использование современных коммуникаций для привлечения участников до стадии завершения строительства павильонов Экспо. Критическое значение для формирования на базе Астана Экспо зрелого кластера и его инновационных эффектов имеет сотрудничество представителей трех ведущих институциональных секторов — науки (университетов), бизнеса и власти. Уже на стадии проектирования и строительства объектов Экспо следует выделить области, где такое сотрудничество может быть продуктивным. Учитывая тематику Экспо, следует в качестве приоритетной области сотрудничества определить новую энергетику. Поскольку ключевым представителем сектора науки в инновационном кластере на базе инфраструктуры Экспо выступает Назарбаев Университет, то следует скорректировать исследовательские приоритеты данного университета.

В соответствии с Концепцией формирования перспективных национальных кластеров Республики Казахстан до 2020 г. в Казахстане в общем виде определены меры государственной поддержки кластерных инициатив (Концепция формирования перспективных национальных кластеров Республики Казахстан до 2020 года. Утверждена постановлением Правительства Республики Казахстан от 11 октября 2013 года N 1092) (рис. 1).

Рис. 1. Механизмы поддержки кластерных инициатив в Казахстане

В целом следует отметить, что в основе механизма привлечения инвестиций в развитие кластеров положены принципы государственно-частного партнерства.

Основные направления государственно-частного партнерства в целях инновационного развития состоят в следующем:

а) *взаимодополняющее участие государства и рынка в инновационных процессах.* Не должно быть альтернативы — или всеобъемлющая регламентация инновационной деятельности со стороны государства, или ее формирование под влиянием стихии рыночных сил. Государство содействует развитию рынка, но не заменяет его. Бюджетное финансирование должно выполнять роль стартового толчка, быть сигналом, который посылает государство частному бизнесу, поощряя тем самым его к более активным действиям, к попытке «сделать первый шаг»;

б) *разделение инновационных рисков между государством и бизнесом.* Требуется такой подход, при котором государство и частный сектор как равноправные партнеры совместно осуществляют поиск решений проблем инновационно-технологического развития и разделяют ответственность при реализации инновационных проектов. Должны развиваться программы государственно-частных партнерств, ориентированных на содействие частному сектору в реализации передовых и высокорисковых технологий.

Такие партнерства могут быть в виде кооперационных соглашений, объединяющих в различных комбинациях промышленные предприятия, прави-

тельственные ведомства, НИИ и вузы для совместного достижения конкретных научно-технологических результатов. При софинансировании проектов со стороны государства желательно управление проектами сосредоточить в руках бизнеса или специализированных посреднических организаций;

в) *использование децентрализованных каналов государственной поддержки инновационной активности.* Поддержка государства предпочтительно должна осуществляться не путем прямого финансового субсидирования бюджетных средств, а через одновременное использование различных каналов. В частности, этому требованию соответствует совершенствование сети «институтов развития», а также передача части функций государственной поддержки частным посредникам, что снижает риск коррупции;

г) *натурализация государственной поддержки инновационной деятельности.* Прозрачность каналов поддержки усиливается, если финансовые субсидии промышленным предприятиям заменяются услугами государства. Государство могло бы брать на себя финансирование программ обучения персонала, международной сертификации малых предприятий, информационное обеспечение и т.д. Для бизнеса эти программы должны быть бесплатными. Еще одним видом натуральных грантов может быть предоставление земельных участков на территории государственных НИИ и вузов технопаркам, инновационным центрам;

д) *поддержка сетей предприятий.* Программы поддержки инноваций в малом и среднем бизнесе следует ориентировать не на отдельные предприятия, а на их группы, например в виде отраслевых или территориальных ассоциаций. Взаимодействие государства с группами предприятий позволит, с одной стороны, снизить расходы на подобные программы, с другой — способствовать выходу на рынок малых предприятий не как автономных производителей, а как хозяйствующих субъектов, объединяемых в сети взаимными связями, совместным использованием техники, ресурсов и т.д. Такие сети могут впоследствии перерасти в инновационные кластеры.

В исследованиях кластеров выделяют следующие модели ГЧП, отличающиеся особенностями финансирования кластерных инициатив (рис. 2):

– *эксплуатационная модель*, согласно которой государство остается собственником объекта и несет ответственность за осуществление объектом общественных функций, а инвестор берет на себя обязанности по эксплуатации объекта за вознаграждение;

– *концессионная модель*, в которой государство выполняет лишь контролирующие функции, а инвестор оказывает услуги потребителям, получает определенную плату и несет ответственность за осуществление объектом общественной функции;

– *кооперационная модель* осуществляется в форме совместного предприятия, которое создается государственным партнером вместе с частной компанией и осуществляет общественные функции (Каплина А.В. Особенности финансирования кластерных инициатив в разных моделях государственно-частного партнерства // TERRA ECONOMICUS. 2012. Т. 10. N 4. Ч. 3).

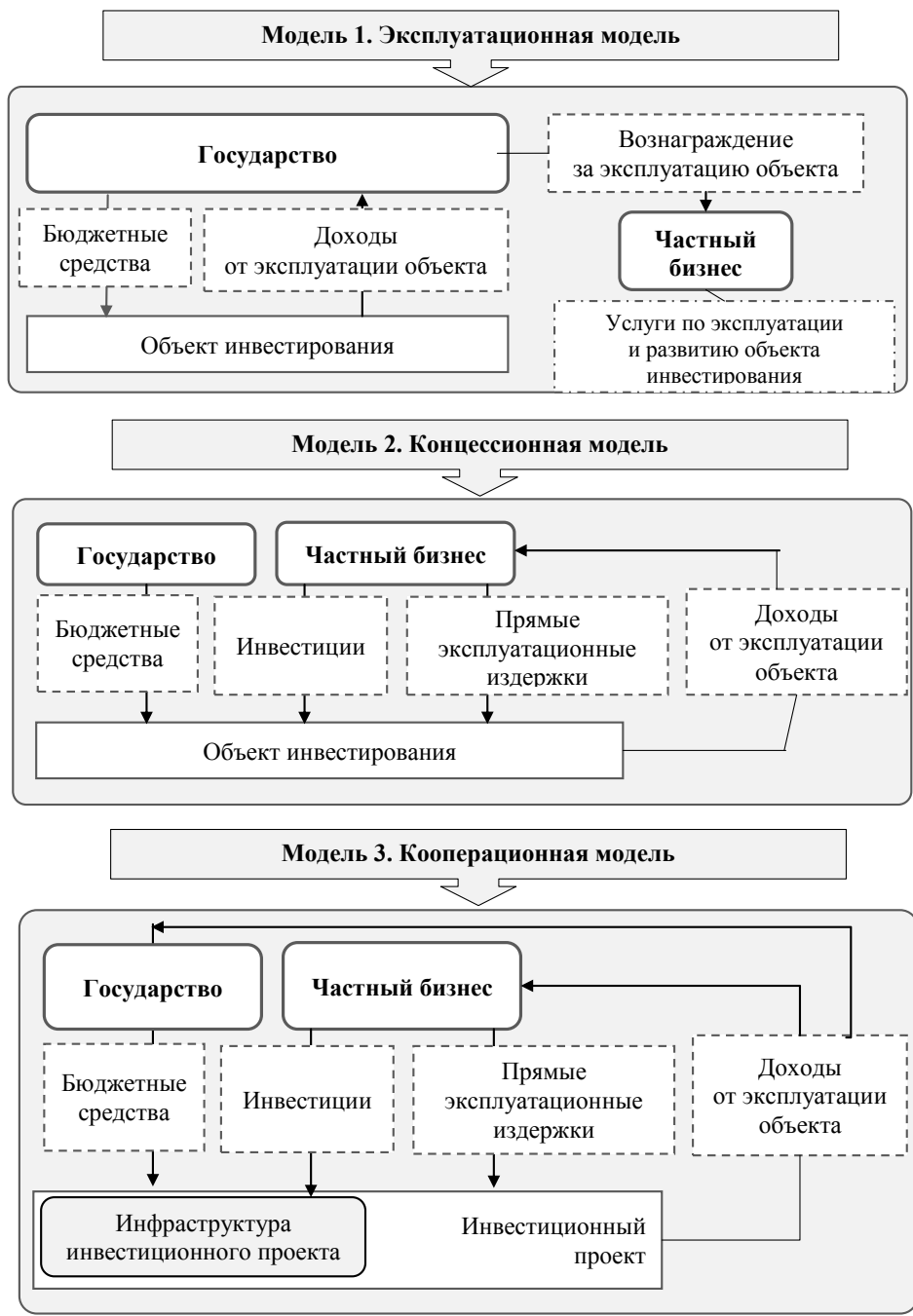

Рис. 2. Модели ГЧП в финансировании кластеров

Эти три модели отличаются и с точки зрения особенностей финансирования кластерных инициатив. В первом случае государство инвестирует собственные средства в создание объекта и чаще в рамках кластерной политики используется для создания бизнес-инкубаторов, обучающих центров. Концессионная модель наиболее распространена в кластерах, поскольку дает возможность осуществлять крупные проекты, инвестируются средства как государством, так и частным инвестором, а инвестор получает право на доходы от функционирования объекта и прямое финансирование затрат из полученных доходов. В кооперационной модели за счет бюджетного финансирования осуществляются вложения капитального характера в инфраструктуру проекта, а все прочие издержки осуществляются за счет средств частного инвестора. Последний подход наиболее приемлем для инновационных кластерных проектов.

Учитывая статус г. Астаны как столичного мегаполиса, не следует ожидать, что здесь получат развитие индустриальные кластеры. На наш взгляд, в перспективе в г. Астане будут представлены следующие типы кластеров, в том числе кластер конгрессно-выставочной индустрии, смарт-сити кластер, инновационные кластеры на базе Назарбаев Университета, кластер финансовых услуг (РФЦ) (рис. 3).

Так, в рамках кластера конгрессно-выставочной индустрии и делового туризма могут развиваться транспортно-логистический и туристические кластеры, а с учетом тематики Экспо-2017 следует ожидать развития кластера альтернативной энергетики. Реализация проекта «Астана смарт-сити» потребует высокой концентрации отраслей и услуг будущего. А с постановкой новой задачи создания регионального финансового центра следует ожидать усиления концентрации финансовых услуг и институтов.

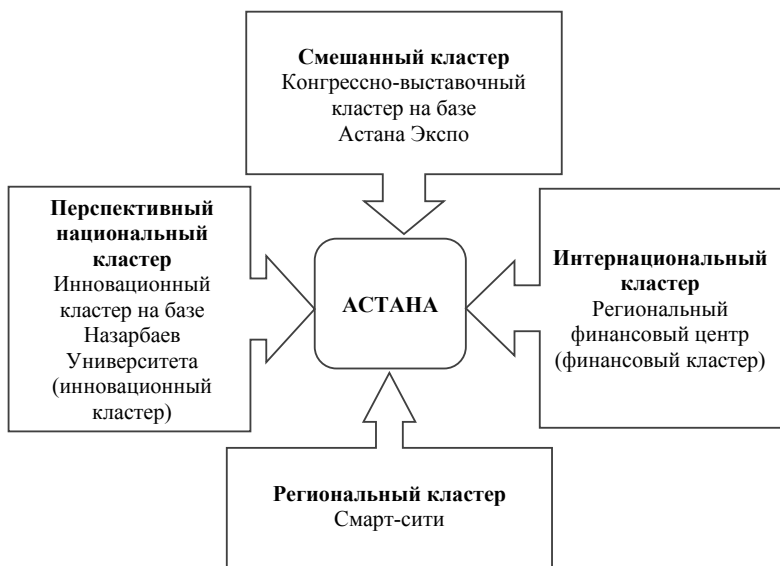

Рис. 3. Направление формирования кластеров в г. Астане

Кластер делового туризма и конгрессно-выставочной индустрии. Конгрессно-выставочная индустрия и деловой туризм активно развиваются в мире. Деловой туризм объединяет индустрию бизнес-путешествий (*business travel*) и индустрию встреч (MICE¹).

Несмотря на глобальные катаклизмы, индустрия MICE находится на подъеме, обеспечивая ежегодно 610 млн деловых поездок и почти \$430 млрд оборота (Рынок делового туризма Казахстана // Рынок страхования. 17.07.2015. URL: http://www.allinsurance.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=4790:gynok-delovogo-turizma-kazahstana&catid=67&Itemid=1920 [дата обращения: 15.01.2017]). По прогнозам специалистов, к 2020 г. доходность индустрии MICE возрастет в пять раз — до \$2 трлн в год. В долевым соотношении общая структура деловых поездок имеет следующий вид: на индивидуальные командировки приходится 71%, на участие в конгрессах и конференциях — 16%, на посещение выставок — 11%, на поощрительные поездки — около 2% от общего объема (Пришло время MICE. URL: <http://www.conference.ru/articles/7> [дата обращения: 01.03.2017]).

Выставки и конгрессы во всем мире играют значительную роль в развитии регионов, обеспечивая его туристскую привлекательность. Деловой туризм входит в 20 крупнейших отраслей, определяющих успешное экономическое развитие государств, и развивается более чем в 150 странах.

В последние годы в России активно обсуждаются проблемы развития выставочно-ярмарочной и конгрессной инфраструктуры на условиях государственно-частного партнерства. При этом отмечается, что эта сфера деятельности нуждается в создании соответствующей институциональной базы, в том числе в принятии Концепции развития выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности в РФ и Закона о выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности.

В Казахстане регулирование выставочной деятельности совершается в соответствии с Законом РК «О регулировании торговой деятельности» (О регулировании торговой деятельности. Закон Республики Казахстан от 12 апреля 2004 года N 544 // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2004. N 6. Ст. 44; Казахстанская правда. 2004, 20 апреля. N 81).

Конгрессная индустрия является высокодоходной сферой деятельности. Индустрия деловых встреч приносит крупным городам в четыре раза больше средств, чем массовый туризм. В Германии оборот конгрессной индустрии достигает €50 млрд в год. Конгресс-центр Лейпцига приносит в бюджет города более €30 млн, Дворец конгрессов в Париже имеет суммарный оборот \$200 млн (Хорева Л., Федорова Е. Конгрессные бюро как инновационный метод продвижения российских дестинаций на рынке услуг конгрессно-выставочного туризма // Известия СПбУЭФ. 2013. N 1. С. 39—45).

¹ MICE — *Meetings* (встречи, совещания, переговоры, презентации); *Incentives* (поощрительные поездки, мотивационные программы); *Conferences/Conventions* (конференции, форумы, конгрессы); *Exhibitions/Events* (выставки, события).

Эффективность от проведения выставочных и конгрессных мероприятий складывается из многих компонентов, среди которых денежные поступления от аренды площадей, оборудования, грузоперевозок; издательская и полиграфическая деятельность, размещение и проживание участников мероприятий, организация питания, проезд на транспорте, услуги связи, организация экскурсий, сопутствующих культурных мероприятий и др., что влечет за собой увеличение налогов в местные бюджеты.

В конгрессно-выставочной индустрии отдельное место занимает международный рынок встреч. Он сегментируется по ряду критериев, но можно выделить два основных рынка: корпоративный рынок и некорпоративный (международных правительственных и неправительственных организаций или ассоциаций). Международная ассоциация конгрессов и конференций публикует ежегодные рейтинги стран и городов по уровню интенсивности встреч (табл. 1).

Табл. 1. Рейтинг стран по уровню интенсивности международных встреч

Ранг	Страна	Количество мероприятий в год
1	США	831
2	Германия	659
3	Испания	578
4	Великобритания	543
5	Франция	533
6	Италия	452
7	Япония	337
8	Китай	332
9	Нидерланды	307
10	Бразилия	291
19	Турция	190
30	Малайзия	133
43	Россия	76
51	Вьетнам	46
88	Грузия	8
89	Казахстан	8
110	Украина	5

Источник: International Congress and Convention Association / The International Association Meetings Market 2014 / ICCA Statistics Report, 2014. URL: www.iccaworld.com (дата обращения: 01.03.2017).

Отечественный рынок MICE остается мало изученным и недостаточно развитым. По некоторым оценкам, его объем достигает от \$250 млн до \$10 млрд. Примерно 40% от всех мероприятий приходится на Алматы, 30% — на Астану. Оставшиеся 30% встреч проводятся в других казахстанских городах (Рынок делового туризма Казахстана // Рынок страхования. 17.07.2015. URL: http://www.allinsurance.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=4790:rynok-delovogo-turizma-kazakhstana&catid=67&Itemid=1920 [дата обращения: 01.03.2017]).

К числу ключевых выгодных особенностей данного рынка относятся:

- высокая стоимость участия в деловых мероприятиях, ориентация на клиента со средним и высоким доходом, на потребителя качественных и дорогих услуг);
- доходность благодаря всесезонности, круглогодичности (отсутствие подверженности влиянию ярко выраженных сезонных пиков, природно-климатическим факторов и погодных условий);
- плановость и прогнозируемость мероприятий (заблаговременное утверждение бюджетов, заранее утвержденные сроки подготовки и проведения мероприятий, строгое соблюдение графика их проведения);
- стимулирование инвестиционной активности, привлечение инвестиций для развития инфраструктуры, особенно при организации крупных международных мероприятий (*Юрий Саранкин*. Влияние индустрии деловых встреч (MICE) на продвижение туристской дестинации на международный и российский рынки. URL: <https://studydoc.ru/doc/4753237/vliyanie-industrii-delovyh-vstrech--mice--na-prodvizhenie-tu> [дата обращения: 01.03.2017]).

Создание выставочной инфраструктуры Астана Экспо является важным шагом в направлении развития рынка встреч. Для успешного развития конгрессно-выставочного кластера основными условиями успешности рынка являются: политическая и экономическая стабильность; грамотный и объективный PR; качество обслуживания и безопасность; разумное сочетание цены и качества; наличие развитой деловой инфраструктуры; транспортная доступность (современные аэропорты, железнодорожные вокзалы, общественный транспорт, качество дорог); проведение отраслевых выставок, международных мероприятий, конференций и др., наличие интересных достопримечательностей; благоприятная окружающая среда, привлекательный имидж и высокая репутация.

В проектах создания выставочной инфраструктуры, в том числе проектов Экспо, важным является вопрос возврата инвестиций. Например, по оценкам российских экспертов, строительство региональных выставочных центров может окупаться не раньше, чем через десять лет. Выставочный комплекс, совмещенный с гостиницей, конференц-залами и спортивно-оздоровительным центром окупается за четыре-семь лет (Инвестиции в строительство региональных выставочных центров. Торгово-промышленная палата Российской Федерации. 08.02.2013. URL: http://tpprf.ru/ru/investment_innovation/news/106443 [дата обращения: 03.03.2017]). Учитывая это, для объектов, имеющих двух-трехлетний срок окупаемости, можно привлечь частный капитал, торговые ассоциации, а для инвестиций в собственно выставочные площади заложить период окупаемости в десять лет и привлечь другие источники финансирования, включая государственные средства или гарантии, в том числе из регионального бюджета.

Для финансирования проектов используются разные механизмы привлечения инвестиций и разделения ответственности и собственности. В зарубежных странах (Италия, Испания) зачастую бизнес строит конгрессно-выставочный

центр, а муниципалитет обеспечивает создание инфраструктуры (строительство дорог, создание транспортных маршрутов). В Германии выставочные центры, как правило, являются акционерными обществами, а основными владельцами акций выступают власти земель и городов проведения выставок (табл. 2).

Табл. 2. Конгрессно-выставочные центры за рубежом

Конгрессно-выставочные центры	Владелец	Экономическое воздействие	Особенности
<i>Fiera Milan</i>	Материнская компания <i>Fiera Milano SpA</i>	<i>Fiera Milano Group</i> показала в общей сложности товарооборот в €263,4 млн, занимая общую выставочную площадь в 345 тыс. м ²	В 2002 г. <i>Fiera Milano SpA</i> включена в список электронного фондового рынка Итальянской фондовой биржи (<i>STAR</i>). Единственная выставочная компания в Италии и одна из немногих в мире, прошедших листинг
<i>Vancouver Convention Centre</i>	Государственная корпорация Британской Колумбии <i>B.C. Pavilion Corporation (PavCo)</i>	Ежегодный доход от реализации данных мероприятий превышает С\$4 млрд	6 акровая (2,4 га) «живая» крыша — самая большая озелененная крыша в Канаде и крупнейшая неиндустриальная крыша во всей Северной Америке
<i>Feria de Madrid</i>	Консорциум, основанный Мадридским региональным правительством, Торгово-промышленной палатой и местным банком <i>Caja Madrid Savings Bank</i>	Приносит экономике региона стабильную прибыль свыше €2 млрд и предоставляет свыше 40 000 рабочих мест	Более 800 выставок при участии свыше 30 тыс. компаний. Ежегодно дватри млн посетителей
<i>Feria Valencia</i>		Показатель прибыли <i>Feria Valencia</i> превышает €391,0 млн. <i>Feria Valencia</i> ежегодно проводит около ста выставок	Самый большой выставочный комплекс Испании, который также входит в десятку крупнейших центров в мире
<i>Messe Berlin</i>	Находится под управлением компании <i>Messe Berlin GmbH</i>	Общая прибыль компании составляет около €241,0 млн	Экспоцентр входит в десятку лучших международных торговывставочных площадок

Источник: Выставочные центры мира. URL: <https://www.sokolniki.com/ru/aboutus/expocenters> (дата обращения: 03.03.2017).

Для привлечения частного капитала к участию в выставочных инфраструктурных проектах используют механизм долевого «павильонного» строитель-

ства. Возможно и авансовое финансирование, то есть привлечение средств на условиях авансовой оплаты выставочных площадей для участия в будущих мероприятиях. Другим способом решения этих проблем является дифференцированный, поэтапный подход к строительству каждого отдельного объекта, входящего в выставочно-ярмарочный центр. В качестве потенциальных инвесторов следует рассматривать также риэлтерские компании.

Наряду с выбором механизмов финансирования выставочных проектов, следует учитывать ряд организационных рисков:

- квалификация выставочных операторов, способных квалифицированно управлять создаваемыми выставочными комплексами;
- согласованности и взаимодействия между выставочными операторами и отраслевыми ассоциациями, между организаторами выставок и потребителями выставочных услуг, а именно производителями и предпринимателями;
- нарушения исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в рамках выставочных мероприятий.

Кластер конгрессно-выставочной индустрии должен быть тесно интегрирован с отраслями, представляющими креативные индустрии и услуги.

Кластер финансовых услуг — международный финансовый центр — это место сосредоточения банков, специализированных кредитно-финансовых учреждений, которые осуществляют международные валютные, кредитные, финансовые операции, операции с ценными бумагами и золотом.

В числе главных критериев, на основе которых формируются финансовые кластеры, соответствие законодательной базы стандартам международного права, защита прав акционеров, прозрачность рынка, его емкость и ликвидность, качество городской среды (здравоохранение, безопасность, качество институтов).

Международный финансовый центр проходит в своем развитии ряд стадий: первая стадия — развитие местного рынка; вторая стадия — превращение в региональный финансовый центр; третья стадия — развитие регионального финансового центра к стадии международного финансового рынка.

Специалисты британской консалтинговой компании *Z/Yen Group* называют одним из ключевых компонентов любого финансового кластера его специализацию (например, в Лондоне она шире — это полный спектр финансовых услуг, а в Швейцарии — это уже персональные банковские услуги) (*Кондратьев А.* Москва как мегакластер и международный финансовый центр // *Промышленник России*. Октябрь 2012. URL: <http://promros.ru/magazine/2012/oct/aleksej-kondratev-moskva-kak-megaklaster-i-mezhdunarodnyj-finansovyj-centr.phtml> [дата обращения: 06.03.2017]; *Т.Г. Ильина, А.П. Голубенко.* Кластеризация на финансовых рынках: теоретические, методологические и организационные основы // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. N 381. С. 189—194).

Также эксперты называют в числе важных элементов, характеризующих глобальные финансовые кластеры, наличие критической массы участников

рынка. Как известно, в мировую финансовую столицу Лондон превратился благодаря радикальным реформам, получившим название «большой взрыв», которые осуществила тогдашний премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. В 1986 г. была проведена серьезная либерализация финансовых рынков — отменены фиксированные комиссии на торговлю акциями, заложены основы электронных торгов ценными бумагами на бирже, брокерские компании получили право становиться акционерными обществами. Благодаря этим реформам в Лондон потянулись ведущие финансовые институты мира, крупнейшие европейские и американские банки (*Deutsche Bank, Goldman Sachs, Merrill Lynch* и др.) открыли в столице Великобритании свои офисы. Кстати, в связи с наплывом иностранных финансовых организаций в Лондоне стали появляться новые деловые районы — альтернатива Сити. Так, в конце 1980-х гг. начал формироваться финансовый кластер на востоке города — в Кэнэри-Уорф. Идея строительства там делового квартала возникла у Майкла фон Клемма, председателя *Credit Suisse First Boston*. Он решил разместить офис своего банка на месте заброшенных доков. Сейчас в Кэнэри-Уорф работает более 100 тыс. человек и расположены штаб-квартиры *HSBC, Lehman Brothers, Credit Suisse, Barclays, Morgan Stanley, Citigroup* и др.

И если для некоторых городов, например г. Москвы, ограничением для развития функций международного финансового центра является отсутствие у власти плана относительно создания в городе деловых, финансовых кварталов, то в г. Астане складывается благоприятная ситуация, а именно наличие свободных территорий для развития инфраструктуры Астана Экспо, развитие общей инфраструктуры и т.д. С развитием кластера конгрессно-выставочной индустрии складывается благоприятная деловая среда и для финансовых услуг.

Инновационный кластер г. Астаны. Здесь следует принять во внимание роль Назарбаев Университета. С 2012 г. при Назарбаев Университете развивается интеллектуально-инновационный кластер, в состав которого уже входят три элемента инновационной инфраструктуры: «Бизнес-инкубатор», «Офис коммерциализации» и «Технопарк». С 2018 г. начнет функционировать научный парк Назарбаев Университета *Astana Business Campus*, который будет состоять из пяти кластеров: геологического, кластера высоких технологий, инжиниринга, биомедицинского и социально-сервисного и обеспечит восемь тысяч рабочих мест (Научный парк *Astana Business Campus* откроется в 2018 г. URL: <http://today.kz/news/science/2015-07-01/619057-astana-business-campus-otkroet-svoi-dveri-v-2018-godu> [дата обращения: 06.03.2017]).

В рамках геологического кластера будет создана инфраструктура мирового уровня — сертифицированные и аккредитованные лаборатории, зернохранилище, опытно-промышленные цеха. В них планируются комплексные геологические, геохимические, минералогические, опытно-промышленные и экспериментальные исследования минерального и углеводородного сырья, твердых полезных ископаемых и подземных вод Казахстана и стран ближнего зарубежья (*Astana Business Campus* — Научный парк Назарбаев Университета. URL: <http://>

www.kazgeology.kz/ru/press-center/news/1241-abc [дата обращения: 06.03.2017]). Следует учесть План по созданию в г. Астане кластера медицинских услуг на базе новых центров, в который войдут шесть объектов здравоохранения: Национальный научный центр материнства и детства на 500 коек, Республиканский детский реабилитационный центр на 300 коек, Республиканский диагностический центр на 500 посещений в смену, Научно-исследовательский институт скорой медицинской помощи на 240 коек со станцией скорой помощи, Республиканский научный центр нейрохирургии на 160 коек, Научный центр кардиохирургии на 180 коек (План по созданию в городе Астане кластера медицинских услуг на базе новых центров. Утвержден постановлением Правительства Республики Казахстан от 31 июля 2006 года N 719).

В рамках создания интеллектуально-инновационного кластера Назарбаев Университета компания «Майкрософт» запускает программу *Microsoft DreamSpark*. Это обеспечит доступ к интерактивным курсам и библиотеке *Microsoft*, что даст возможность эффективно готовить студентов к рынку труда. *Microsoft DreamSpark* позволит студентам бесплатно пользоваться приложениями для дизайна и программирования. Это послужит развитию научной деятельности в таких областях, как математика, инженерия и информационные технологии (В Назарбаев Университете будет создан интеллектуально-инновационный кластер. URL: <http://www.zakon.kz/kazakhstan/4562917-nazarbaev-universitet-i-korporacija.html> [дата обращения: 06.03.2017]).

В целях привлечения на территорию научного парка *Astana Business Campus* высокотехнологичных компаний мирового уровня, были проведены переговоры с более чем 90 компаниями. С шестюю из них подписаны меморандумы — это *General Electric, Microsoft, Intel, HP, Samsung u Huawei* (Ряд компаний разместят R&D центры на территории *Astana Business Campus*, 4 июня 2015 г. URL: <http://bnews.kz/ru/news/post/270577> [дата обращения: 06.03.2017]).

Поскольку в инновационном кластере на базе Назарбаев Университета будут решаться разные задачи (исследования и разработки), то финансовый механизм такого кластера будет более сложным.

Среди наиболее значимых статей затрат на деятельность кластера следует отметить: затраты на создание кластера; затраты на развитие инфраструктуры и ее поддержание; затраты на отдельные проекты и программы кластера.

Как правило, финансирование создания кластера ведется или на основе бюджетных ресурсов, или каким-то крупным спонсором — это могут быть, например, головные предприятия кластера. Финансирование инфраструктуры и отдельных проектов в кластерах осуществляется как на основе смешанного финансирования: взносы предприятий — участников кластеров (или соответствующих проектов) вместе с бюджетным финансированием (Германия). Есть и другой опыт — отсутствие или минимальное участие бюджетных ресурсов (Великобритания) (*Недосвитий Н.В.* Механизмы финансирования регионального отраслевого кластера // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. N 9 (16). С. 155—157).

Выводы

Таким образом, учитывая современные тенденции развития столичных городов и мегаполисов как очагов постиндустриального развития, инфраструктуру Астана Экспо не следует ориентировать на развитие промышленных кластеров. На наш взгляд, перспективными будут следующие типы кластеров: кластер конгрессно-выставочной индустрии, смарт-сити кластер, инновационные кластеры на базе Назарбаев Университета, кластер финансовых услуг (РФЦ).

Кластер конгрессно-выставочной индустрии может представлять собой смешанный кластер, где могут быть реализованы кросс-отраслевые, смежные проекты. На базе инфраструктуры конгрессно-выставочной индустрии есть предпосылки для развития делового туризма, транспортно-логистических услуг, креативных услуг и индустрий (медиа, реклама, дизайн, информационные услуги, досуговые услуги, торговые площади и др.), а с учетом тематики Экспо-2017 следует ожидать развития кластера альтернативной энергетики, экологических инноваций, зеленых технологий. Кластеры конгрессно-выставочной индустрии в сочетании со смежными услугами являются доходными и коммерчески привлекательными проектами. Отдельное место будет занимать кластер на базе Назарбаев Университета.

Проект *Astana Smart City* следует рассматривать как основу для развития кластера информационных услуг. Перспективность этого кластера в том, что он тесно связан с интересами регионального развития. Задействуя инфраструктуру Астана Экспо, можно осуществлять социально-значимые проекты развития социальной инфраструктуры города.

А с постановкой новой задачи создания регионального финансового центра создаются хорошие условия для формирования кластера финансовых услуг и институтов. В этих целях необходимо обеспечить соответствие законодательной базы стандартам международного права, защиты прав акционеров, прозрачность рынка, емкость и ликвидность, качество городской среды (здравоохранение, безопасность, качество институтов).

В инвестиционном механизме развития кластеров следует принять во внимание:

- наличие разных по срокам окупаемости проектов в зависимости от их отраслевой ориентации (выставки, досуг, торговля, услуги), что позволяет привлекать частный капитал уже на начальных этапах;
- механизм финансирования кластера может включать взносы предприятий — участников кластеров вместе с бюджетным финансированием; привлечение средств на условиях авансовой оплаты выставочных площадей для участия в будущих мероприятиях (авансовое финансирование); минимальное участие бюджетных ресурсов.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ НИЗКОУГЛЕРОДНОГО РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА

Вячеслав Додонов

Главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, доктор экономических наук

Аннотация. В статье рассматриваются экономические механизмы стимулирования перехода казахстанской экономики к развитию низкоуглеродного типа, предполагающего сокращение использования углеводородного топлива и направления на уменьшение выбросов парниковых газов и реализацию Парижского климатического соглашения. Реализация стратегии низкоуглеродного развития должна опираться на механизмы стимулирования хозяйственного комплекса, и в первую очередь энергетики, к замещению высокоуглеродных энергоносителей низкоуглеродными и иным мерам сокращения выбросов парниковых газов. В работе очерчивается круг таких механизмов, рассматривается зарубежный опыт их использования, оцениваются возможности их применения в Казахстане.

Ключевые слова: низкоуглеродное развитие, декарбонизация, выбросы парниковых газов, экономические механизмы.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ТӨМЕНСУТЕКТІ ДАМУ СТРАТЕГИЯСЫН ЖҮЗЕГЕ АСЫРУДЫҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ТЕТІКТЕРІ

Вячеслав Додонов

Андапта. Мақалада қазақстандық экономиканың төменсутекті үлгіні дамытуға өтуін ынталандырудың экономикалық тетіктерін қарастыруға арналған, ол көмірсутекті отынды пайдалану мен парниктік газдарды шығаруды азайту және Париж климаттық келісімін жүзеге асыруды білдіреді. Төменсутекті даму стратегиясын жүзеге асыру шаруашылықтық кешенді ынталандыру тетіктеріне сүйенуге тиіс, бірінші кезекте энергетика саласында жоғарысутекті энергия тасымалдаушыларды төменсутектіге ауыстыру және де парниктік газдарды шығаруды төмендететін басқа да шараларды қолдану. Мақалада бірқатар тетіктер қарастырылып, олардың шетелдік тәжірибесі мен Қазақстанда қолданылу мүмкіндіктері сараланған.

Түйінді сөздер: төменсутектік даму, декарбонизация, парниктік газдар бөлу, экономикалық тетіктер.

ECONOMIC MECHANISMS OF IMPLEMENTATION OF LOW-CARBON DEVELOPMENT STRATEGY FOR KAZAKHSTAN

Vyacheslav Dodonov

Abstract. The author considers the economic mechanisms to stimulate the transition of Kazakhstan economy to low-carbon development mode, i.e. to reduce the use of hydrocarbon fuels in order to diminish greenhouse gases emissions in compliance with the *Paris Agreement*. The author argues that the implementation of the low-carbon development strategy should be based on the mechanisms encouraging the economic subjects, mainly the energy sector, to replace high-carbon energy with low-carbon one and to introduce other measures to reduce greenhouse gases emissions. The author outlines the range of such mechanisms, examines foreign experiences and assesses the prospects of their application in Kazakhstan.

Key words: *low-carbon development, decarbonization, greenhouse gas emission, economic mechanism.*

Введение

Низкоуглеродное развитие стало в XXI в. одним из доминирующих подходов к обеспечению экономического роста развитых стран, обусловленному как потребностями повышения эффективности и энергосбережения, так и требованиями экологического плана. Негативные тенденции в изменении климата в планетарном масштабе также внесли свой вклад в становление дискурса декарбонизации мировой экономики, а принятие Парижского климатического соглашения, направленного на сокращение эмиссии парниковых газов как важнейшего способа борьбы с изменением климата, еще более усилило акцент на необходимости низкоуглеродного развития.

Казахстан как участник Парижского климатического соглашения также принял на себя определенные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов и, как следствие, также нуждается в выработке и реализации стратегии низкоуглеродного развития, направленной на сокращение доли в энергобалансе видов топлива, продуцирующего большие объемы парниковых газов, энергосбережение, развитие возобновляемой энергетики, формирование «зеленой» экономики. Реализация стратегии низкоуглеродного развития возможна при условии подкрепления ее целей и задач адекватными экономическими механизмами реализации, применение которых в условиях Казахстана нуждается в отдельном исследовании.

Методы исследования

Автором использованы традиционные методы сравнительного и функционального анализа, системного подхода, индукции.

Результаты исследования и выводы

Успешность реализации стратегии низкоуглеродного развития экономики Казахстана во многом будет определяться тем, насколько эффективными станут механизмы ее реализации, призванные, по сути, осуществить коренное изменение основ функционирования национальной экономики. В связи с чрезвычайной важностью проблемы обоснования таких механизмов, оно должно, по нашему мнению, носить более широкий и комплексный характер, не ограничиваясь рекомендациями по настройке стандартных инструментов государственного регулирования.

Сложность и комплексность механизмов реализации стратегии низкоуглеродного развития обуславливается также и многоплановостью направлений такого развития, охватывающей как традиционные отрасли и энергетику (повышение энергоэффективности), так и новые отрасли (возобновляемые и альтернативные источники энергии), а также новейшие способы организации и функционирования экономических систем в условиях декарбонизации. Учитывая характер проблем, возникающих при разработке механизмов, стимулирующих декарбонизацию казахстанской экономики, и необходимость обеспечения комплексности их дальнейшего функционирования, правомерно ставить вопрос не столько об обосновании отдельных механизмов, сколько о формировании целостной их системы.

При этом системный характер данной совокупности механизмов должен обеспечиваться не только их составом и взаимодействием, но и наличием определенной иерархии, требующейся для выбора и поддержки приоритетов декарбонизации. Приоритеты перехода экономики Казахстана к низкоуглеродному развитию были обоснованы выше, и в рамках настоящего раздела нет необходимости вновь останавливаться на этом вопросе. В то же время можно отметить, что выбор приоритетов и их соотношение между собой в процессе декарбонизации национальных экономик остаются предметом дискуссий и нуждаются в четком обосновании применительно к условиям конкретных экономических систем.

В процессе обоснования принципиальных основ системы механизмов реализации стратегии перехода Казахстана к низкоуглеродному развитию целесообразно вкратце остановиться на основных чертах этого типа экономики. Учитывая, что терминология в этой сфере является новой и не вполне устоявшейся, уместно отметить наличие некоторых расхождений в части определения низкоуглеродной экономики. В числе ее основных отличительных особенностей называются, прежде всего, низкий уровень выбросов парниковых газов, а

также ресурсо- и энергоэффективность, использование передовых технологий в области энергетики, ЖКХ, транспорта (Low Carbon Economy. Policy and Project Review. Background Paper I. EFFECT — Dialogue Platform on Energy and Resource Efficiency in the Baltic Sea Region: Stockholm, September 2013. URL: http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2015/06/EFFECT_Low_Carbon_Economy.-background-paper-1.pdf [дата обращения: 20.12.2016]; Regions for Sustainable Change (2013): Indicators toolkit. URL: <http://www.rscproject.org/indicators/index.php?page=low-carbon-economy> [дата обращения: 20.12.2016]; Levy, C. (2010): A 2020 Low Carbon Economy — A Knowledge Economy Programme Report. The Work Foundation, April 2010. URL: http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2012/12/EFFECT_Low_Carbon_Economy.pdf [дата обращения: 20.12.2016]; ЕС (2012): Roadmap for moving to a low carbon economy in 2050 (webpage). URL: http://ec.europa.eu/clima/policies/roadmap/index_en.htm [дата обращения: 20.12.2016]), иногда имеет место отождествление низкоуглеродной экономики и устойчивого развития (OECD [2009]: OECD and Green Growth. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/42/28/44273385.pdf> [дата обращения: 20.12.2016]).

Если остальные признаки низкоуглеродной экономики отличаются некоторой аморфностью, то снижение уровня выброса парниковых газов (прежде всего, углекислого газа) является четким критерием процесса ее формирования и в этом качестве может служить как ориентиром декарбонизации, так и индикатором ее прогресса. Во многом именно этой конкретностью объясняется и присутствие показателей, связанных с выбросами парниковых газов в документах разного уровня — от Парижского климатического соглашения до национальных и региональных программ декарбонизации, направленных на формирование низкоуглеродных экономик.

В свою очередь, ориентация на сокращение выбросов парниковых газов и сам процесс этого сокращения как основной критерий декарбонизации экономики в определенной степени сужают спектр наиболее актуальных средств перехода к низкоуглеродной экономике, так как основным эмитентом парниковых газов является энергетика на угле, формирующая в глобальном масштабе основной объем выбросов CO₂, на который приходится примерно две трети всех выбросов парниковых газов в мире (Global Greenhouse Gas Emissions Data. United States Environmental Protection Agency website. URL: <https://www.epa.gov/ghgemissions/global-greenhouse-gas-emissions-data> [дата обращения: 23.12.2016]).

В результате преобладающим направлением декарбонизации становится в первую очередь отказ от использования энергетических мощностей, работающих на угле. Именно угольная энергетика в первую очередь становится объектом действий в рамках мер по декарбонизации во многих странах.

Так, Министерство занятости и экономики Финляндии в декабре 2016 г. выступило с заявлением, в котором говорилось о стремлении прекратить использование угля в течение 2020-х гг. (в настоящее время 10% электроэнергии страны вырабатывается на угольных станциях), ранее об аналогичных планах заявляли Канада и Франция, активно снижает потребление угля Китай. Зачастую

именно этим направлением обеспечивается основная часть итоговых показателей декарбонизации, в частности сокращение объема выбросов углекислого газа. Быстрый прогресс Китая в декарбонизации, который эксперты компании PwC поставили на первое место по этому параметру в своем индексе *Low Carbon Economy Index* 2016 г., был достигнут в первую очередь именно за счет сокращения потребления угля на 1,5% (The Low Carbon Economy Index 2016. The Paris Agreement: A turning point? PwC website. URL: <http://www.pwc.co.uk/services/sustainability-climate-change/insights/low-carbon-economy-index.html> [дата обращения: 23.12.2016]).

Однако отказ от потребления угля в энергетике не тождественен буквальной декарбонизации, то есть отказу от использования топлива на углеродной основе, в частности посредством его замещения альтернативными источниками энергии, не выбрасывающими парниковые газы. Речь идет о замещении угля другими традиционными видами топлива — также на углеродной основе, но меньше загрязняющими атмосферу и выбрасывающими меньшее количество парниковых газов. В комментариях к индексу *Low Carbon Economy Index* его разработчики отмечают, что в 2015 г. мировое «потребление угля упало на 1,8%, заместившись низкоуглеродным газом (рост на 1,7%) и нефтью (рост на 1,9%). Производство ветровой и солнечной энергии выросло на 17,4 и 32,6%, но все еще остается мизерной частью энергетики» (The Low Carbon Economy Index 2016. The Paris Agreement: A turning point? PwC website...).

Поэтому, исходя из реалий современного этапа развития энергетических и иных технологий, обуславливающих потребление тех или иных видов энергии, процесс совершенствования энергопотребления и соответствующих экономических отношений корректнее называть не декарбонизацией, а снижением углеродоемкости экономики. При этом основной критерий этого процесса, которым на международном уровне стало снижение объема выбросов парниковых газов, задает и специфику как политики поддержки соответствующих мер, так и содержание и набор механизмов реализации этой политики.

Превалирующий взгляд на переход к низкоуглеродной экономике как на процесс замещения традиционной энергетики ВИЭ и альтернативной в этом контексте представляется несколько однобоким и не вполне обоснованным. Небольшое смещение акцентов и замена термина «декарбонизация» на «низкоуглеродное развитие» означает, что альтернативой углю как основному для Казахстана топливу для энергетики должны быть не только и не столько ВИЭ или атомная энергетика, сколько те же традиционные виды топлива, но продуцирующие меньшее количество CO₂, что также позволит существенно снизить выбросы парниковых газов и обеспечить выполнение обязательств в рамках Парижского климатического соглашения. Традиционные энергоносители, особенно газ, могут быть более эффективными в плане выполнения задачи сокращения выбросов парниковых газов, так как отличаются гораздо меньшим объемом выбросов CO₂ при сжигании (табл. 1).

Табл. 1. Эмиссия двуокиси углерода при сжигании основных видов топлива, фунты на миллион британских термических единиц

Вид топлива	Количество выбросов CO ₂
Уголь (антрацит)	228,6
Уголь битуминозный	205,7
Лигнит	215,4
Дизельное топливо и топочный мазут	161,3
Бензин	157,2
Пропан	139
Природный газ	117

Источник: How much carbon dioxide is produced when different fuels are burned? U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/tools/faqs/faq.cfm?id=73&t=11> (дата обращения: 23.12.2016).

Надо отметить, что этот процесс уже идет в Казахстане. Так, по данным Национального энергетического доклада, «в период с 2000 г. производство электроэнергии газотурбинными электростанциями росло в среднем на 11% в год в сравнении с ростом производства других тепловых электростанций, который составлял 5%» (Национальный энергетический доклад 2015. Kazenergy, 2016. С. 329). В результате доля газа в производстве электроэнергии по итогам 2014 г. достигла 20% (доля угля — 69%, мазута — менее 2%, гидроэнергетики — 9%, ВИЭ — примерно 0,1%) (Там же), а газотурбинные станции увеличили выработку электроэнергии с 1999-го по 2014 г. в 11 раз — с 0,8 до 8,2 млрд кВт/ч. (Там же. С. 330).

Следует отметить, что и действующие в настоящее время программные документы Казахстана предусматривают не только развитие ВИЭ, но и дальнейшее замещение угля газом. Так, Концепция перехода Республики Казахстан к «зеленой экономике» предусматривает перевод ТЭЦ в газифицированных регионах страны с угля на газ «для повышения качества атмосферного воздуха» (Концепция по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике». Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 30 мая 2013 года N 577. Астана, 2013. С. 34), а все три сценария развития энергетического сектора предполагают существенное увеличение доли газовой генерации в энергобалансе.

При всем многообразии подходов к выбору направлений снижения углеродоемкости экономики (и энергетического сектора как основного генератора парниковых газов, в частности), предполагающих различную приоритетность энергоносителей, доминирующим вектором дискурса декарбонизации все же остается курс на ВИЭ и альтернативные источники, а также использование соответствующих технологий и методов. Так, для обеспечения стабилизации концентрации парниковых газов в атмосфере (требуемой для прекращения роста температуры воздуха), «по данным МЭА, потребуются широкомасштабное внедрение «безуглеродных» технологий в энергетике, включая технологии улавливания и хранения углерода, возобновляемой и атомной энергетики, повышения энергоэффективности и т.д.» [1, с. 4]. То есть упор в доминирующих концепциях

делается все же не на эволюционном замещении одних традиционных энергоносителей другими, а на замену «углеродной» генерации «безуглеродной» — ВИЭ и альтернативными источниками, а также атомной энергетикой.

Неоднозначность выбора направлений перехода к низкоуглеродной (или, выражаясь точнее, менее углеродной) экономике обуславливает необходимость тщательного обоснования выбора приоритетов этого перехода, сопоставления затрат и результатов внедрения тех или иных технологий и в конечном итоге выделения средств для их поддержки в форме как прямого государственного финансирования, так и косвенного стимулирования, которое также имеет денежное выражение для государственных финансов. В связи с этим, на наш взгляд, иерархия механизмов реализации стратегии низкоуглеродного развития должна предусматривать в качестве базового, первичного элемента механизм четкого экономического обоснования выделения приоритетов, направлений и методов, которые будут обеспечивать реализацию данной стратегии.

Механизм оценки экономической обоснованности и сравнительного анализа эффективности конкурирующих направлений и методов декарбонизации в купе с конкурентностью их отбора должны быть обязательным атрибутом всей системы механизмов перехода к низкоуглеродному развитию. На наш взгляд, этот механизм должен занимать место исходного компонента, базисного блока всей системы механизмов декарбонизации и может быть схематично представлен в виде следующей матрицы, сопрягающей основные направления декарбонизации и методы ее стимулирования и государственной поддержки (рис. 1).

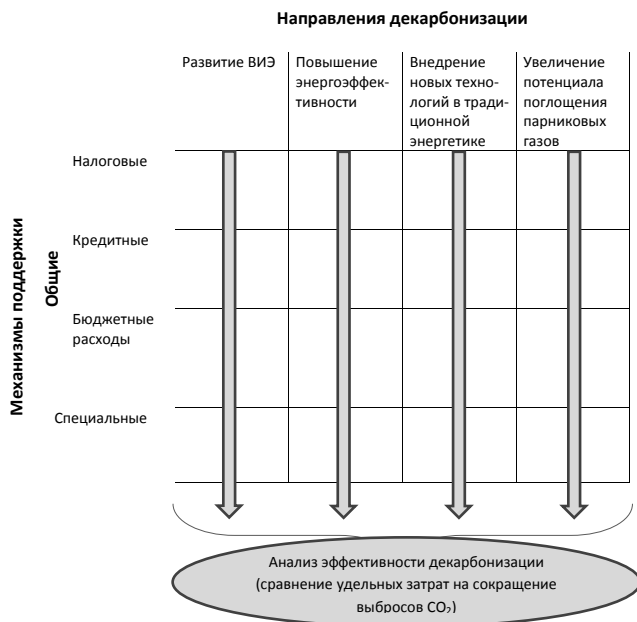

Рис. 1. Матрица оценки экономической обоснованности и сравнительного анализа эффективности направлений и методов декарбонизации

Схема, представленная на рисунке 1, носит иллюстративный и обобщенный характер и призвана продемонстрировать концептуальный подход к выбору наиболее привлекательных направлений перехода к низкоуглеродной экономике, а также более действенных методов их поддержки с точки зрения экономической эффективности, понимаемой как максимальное снижение выбросов парниковых газов посредством наименьших удельных затрат государства на соответствующие меры.

Направления декарбонизации, такие как развитие возобновляемых источников энергии, внедрение новых технологий в традиционной энергетике, снижающих выбросы CO_2 , повышение энергоэффективности, увеличение потенциала поглощения парниковых газов посредством лесонасаждения и т.д., могут быть поддержаны различными методами государственного регулирования. К числу таких методов относятся как универсальные, используемые в практике государственного стимулирования любых видов деятельности, требующих опережающего развития — налоговые льготы, инструменты кредитно-денежного регулирования, прямое государственное финансирование за счет бюджета, так и специальные методы и механизмы. К числу последних относятся такие методы, как обеспечение технических условий интеграции ВИЭ в национальную энергосистему, специальные финансовые механизмы поддержки ВИЭ-генерации (например, фиксированный тариф по покупке электроэнергии, производимой объектами по использованию возобновляемых источников энергии), сервисная модель внедрения энергосбережения и пр.

Как направления, так и методы декарбонизации, приведенные в схеме матрицы оценки экономической эффективности, имеют свое финансовое выражение, а также определенный количественный эффект, который может быть исчислен в прогнозируемом снижении объема выбросов парниковых газов. Таким образом, становится возможной оценка сравнительной эффективности различных направлений и объективизация процесса принятия решений по поддержке конкретных направлений декарбонизации и выстраивания ее поэтапной стратегии на основе четкого критерия максимизации объема сокращений выбросов на единицу потраченного финансирования. Этот показатель можно назвать «удельной декарбонизацией», который может рассчитываться как стоимость для государства тонны сокращения выбросов парниковых газов в эквиваленте CO_2 . Таким образом, все направления развития энергетики (и других видов деятельности, связанных с климатическими изменениями) должны проходить через механизм сравнительного анализа их удельной декарбонизации, что обеспечит объективность установления приоритетов государственной поддержки соответствующих проектов.

Что же касается непосредственно механизмов экономической и финансовой поддержки перехода Казахстана к низкоуглеродному развитию, то они, как отмечалось выше, могут включать как традиционные и универсальные, так и специальные, в том числе относительно новые не только для казах-

станской, но и для мировой практики. В настоящее время экономические механизмы поддержки процесса декарбонизации находятся либо на стадии проработки, либо отсутствуют в той форме, в которой они функционируют в развитых странах, активно продвигающих соответствующие технологии. Имеющиеся механизмы экономического характера распространяются преимущественно на развитие альтернативной энергетики и ограничиваются административной сферой либо регулированием цен и тарифов. Так, в Государственной программе по форсированному индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан на 2010—2014 гг. предусматривались такие методы поддержки отрасли, как «резервирование и приоритет при предоставлении земельных участков для строительства объектов возобновляемых источников энергии; обязательства энергопередающих организаций по покупке электроэнергии, произведенной с использованием возобновляемых источников энергии; освобождение возобновляемых источников энергии от платы за транспорт электроэнергии по сетям; поддержка при подключении объектов по использованию возобновляемых источников энергии к сетям энергопередающей организации» (Государственная программа по форсированному индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан на 2010—2014 годы. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 19 марта 2010 года N 958. Астана, 2010 год. С. 61).

Таким образом, комплексная система механизмов, обеспечивающих переход Казахстана к низкоуглеродному развитию, находится на начальной стадии формирования и может быть дополнена широким спектром инструментов. Оставляя за рамками данного раздела административные рычаги, заметим только, что их использование также широко практикуется в мире. Так, в 44 странах мира действуют «Стандарты портфолио альтернативной энергетики», которые требуют от розничных поставщиков электроэнергии использования в обязательном порядке определенной доли электроэнергии, полученной от возобновляемых источников (*Г.В. Ермоленко. Экономические механизмы стимулирования развития ВИЭ в РФ как инструмент ресурсосбережения: подходы, результаты, перспективы. IX Международная конференция «Евразийская экономическая интеграция», Москва, 2014. URL: http://www.eabr.org/general/upload/Yermolenko_Georgy_Ekonomicheskiye_mekhanizmy_stimulirovaniya_razvitiya....pdf [дата обращения: 24.12.2016]*).

Рассмотрим потенциально перспективные механизмы экономического характера поддержки декарбонизации в соответствии с их основными типами.

Механизмы налогового стимулирования. Налоговые стимулы традиционно являются наиболее широко используемым методом содействия развитию приоритетных сфер. Как правило, в число налоговых механизмов стимулирования входят такие, как налоговые каникулы для приоритетных видов бизнеса, изъятия из налогооблагаемой прибыли той ее части, которая направляется компаниями на развитие приоритетных технологий, ускоренная амортизация, сокращение ставок различных видов налогов (преимуще-

ственно прямых) для приоритетных отраслей, а также налоговые льготы для потребителей продукции, выпуск которой стимулирует государство.

Мировой опыт использования налогового стимулирования развития низкоуглеродных технологий в энергетике, транспорте, ЖКХ и иных сферах, влияющих на изменение климата, также достаточно обширен и включает все перечисленные выше механизмы. Так, в США (стране, одной из первых начавших программы развития ВИЭ и иных экологически чистых технологий) действует широкий спектр механизмов налогового стимулирования, заложенных в целый ряд законодательных актов как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. В частности, федеральным законодательством предусматривались такие меры, как инвестиционные налоговые скидки для стимулирования развивающихся рынков ветроустановок посредством предоставления физическим лицам и компаниям, приобретающим акции ветроэнергетических станций, скидок с подоходного налога; сокращенный срок амортизации с целью ускоренного возмещения себестоимости для инвестиций в ветроэнергетическое оборудование; скидка (с корректировкой на инфляцию) на десятилетний период по налогу на производство электроэнергии, выработанной на новых, отвечающих применяемым требованиям мощностях, и реализованной сторонним предприятиям; стимулирующие выплаты за производство возобновляемой электроэнергии в первые десять лет работы объекта для «некоммерческих» производителей [2]. В Европейском союзе в числе налоговых льгот также фигурирует частичное освобождение от налогов для инвесторов в возобновляемую энергетику и, кроме того, сокращаются размеры экологических налогов (*Голицына А.* Солнечные батареи для пасмурной страны // *Ведомости*, 6 октября 2009 г., 188 (2458). URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2009/10/06/solnechnye-batarei-dlya-pasmurnoj-strany> [дата обращения: 25.12.2016]).

Таким образом, круг налоговых механизмов, которые в соответствии с мировой практикой целесообразно было бы применить для содействия декарбонизации казахстанской экономики, можно очертить следующим образом:

- сокращение налогооблагаемой прибыли на величину инвестиций в компании и технологии, способствующие декарбонизации (при этом в качестве инвестиций должны рассматриваться прямые инвестиции в отличие от опыта США, где налоговые вычеты распространялись на портфельные инвестиции в акции, так как в Казахстане фактически отсутствует развитый фондовый рынок и такая мера не даст результатов);
- ускоренная амортизация оборудования, повышающего энергоэффективность и сокращающего выбросы парниковых газов; при этом также целесообразно рассмотреть вопрос об ускоренной амортизации и старого оборудования на объектах энергетики, которое будет замещаться новым, меньше загрязняющим атмосферу (например, в целях содействия ускоренному списанию паровых турбин в пользу газовых турбин);

- налоговые вычеты и каникулы для объектов электроэнергетики, направленные на ускоренное внедрение технологий очистки выбросов, особенно на угольных электростанциях (освобождение от налогов средств, направляемых на установку фильтров для улавливания оксида серы, азота и твердых частиц, внедрение технологий сжигания в кипящем слое, циклов со сверхкритическим и сверхкритическим давлением пара и т.п.);
- освобождение от налогообложения прибыли, полученной в форме дивидендов от компаний, основным видом деятельности которых является деятельность, способствующая уменьшению выбросов парниковых газов;
- налоговые льготы для потребителей низкоуглеродной энергии — покупателей гибридных и электромобилей, потребителей энергии от объектов ВИЭ, использования объектов «зеленой энергетики» в ЖКХ.

Следующим перспективным направлением стимулирования декарбонизации казахстанской экономики может стать повышение притока денежных средств в соответствующие технологии и компании вследствие мер кредитно-денежного регулирования, повышающих привлекательность инвестиций и кредитов в объекты низкоуглеродной энергетики. Кредитно-денежное регулирование не входит в число основных инструментов содействия декарбонизации, так как монетарная политика центральных банков в современных экономических концепциях не предусматривает адресность поддержки отдельных сфер, однако ранее такая поддержка осуществлялась в ряде стран в периоды активной индустриализации и может быть востребована вновь. Кроме того, в развитых государствах, идущих в настоящее время в авангарде развития экологически чистых технологий, имеются высокоразвитые финансовые рынки, на которых возможно осуществление регулирования инвестиционных потоков иными методами, тогда как в Казахстане такие условия отсутствуют, что актуализирует вопрос о стимулирующем государственном воздействии на инвестиционный процесс со стороны монетарного регулятора.

Стимулирование увеличения финансирования проектов, направленных на декарбонизацию, может осуществляться по двум основным направлениям — по линии банковской системы (кредитные ресурсы) и по линии институциональных инвесторов (портфельные инвестиции). В настоящее время регулирование обоих этих направлений не предполагает выделения неких отраслевых или видовых приоритетов, а управление процессами формирования финансовых потоков носит общесистемный характер, критериями которого выступают универсальные показатели уровня риска и финансовой устойчивости заемщиков (или эмитентов). Этот универсальный подход соответствует потребностям обеспечения финансовой устойчивости банковской системы и не может быть пересмотрен в пользу развития отдельных отраслей или направлений экономической деятельности, что затрудняет использование традиционных методов денежно-кредитной политики (к которым в Казахстане относятся операции открытого рынка,

операции постоянного доступа и минимальные резервные требования) для стимулирования декарбонизации.

В то же время универсальность критериев осуществления денежно-кредитной политики Казахстана сочетается с некоторыми исключениями. В частности, ценные бумаги квазигосударственного сектора в лице АО «ФНБ Самрук-Казына» и национального управляющего холдинга «Байтерек» приравнены регулятором к государственным ценным бумагам в целях классификации финансовых активов по уровню риска и в некоторых других отношениях, что делает эти активы более инвестиционно привлекательными и обеспечивает больший приток средств в ценные бумаги (пока что только долговые) указанных эмитентов. Есть и другие примеры исключения отдельных компаний из общих правил пруденциального регулирования. Соответственно, можно предложить механизмы, связывающие существующие стандарты регулирования деятельности финансового сектора с необходимостью привлечения средств в проекты, способствующие декарбонизации.

Такая увязка возможна на основе создания некоего эмиссионного центра облигаций в лице специальной государственной компании, осуществляющего привлечение средств на нужды декарбонизации — для финансирования повышения роли газа в электроэнергетике, оснащения угольных ТЭЦ современными системами улавливания выбросов, повышения энергоэффективности ЖКХ, развития ВИЭ, повышения мощностей по улавливанию парниковых газов лесопосадками и т.п. Масштаб этих задач достаточно велик для того, чтобы выделить под их решение отдельную государственную компанию, которая так же, как «Самрук-Казына» и «Байтерек», сможет получить более высокий статус в классификации финансовых активов со стороны финансового надзора, а также высокий кредитный рейтинг, равный суверенному, от рейтинговых агентств. Это позволит привлекать финансовые ресурсы как в форме кредитов, так и портфельных инвестиций по низким ставкам и на длительные сроки, требующиеся для реализации масштабных и долгосрочных проектов по техническому перевооружению энергетики, промышленности, транспорта, ЖКХ, высаживанию лесов и реализации иных направлений декарбонизации казахстанской экономики.

Кроме того, наличие такой специализированной структуры позволит выйти на внешние рынки капитала, в том числе во взаимодействии с Международным финансовым центром «Астана», организовать приток из-за рубежа так называемых «зеленых инвестиций», получить доступ к международным финансовым ресурсам, формируемым в целях реализации Парижского климатического соглашения, а также содействовать в организации специальных финансовых механизмов декарбонизации, таких как торговля квотами на выбросы, отслеживание на национальном уровне корпоративного углеродного следа в целях улучшения имиджа и привлекательности казахстанских компаний на мировых рынках.

В случае формирования такой структуры станет возможным применение механизмов денежно-кредитного стимулирования притока инвестиций в проекты по декарбонизации. В числе таких механизмов могут быть задействованы следующие:

- обеспечение максимального статуса классификации активов (на уровне государственных ценных бумаг) для облигаций, выпущенных в целях финансирования декарбонизации, в пруденциальных нормативах для регулирования банковской деятельности;
- включение облигаций, выпущенных для финансирования декарбонизации, в перечень ценных бумаг, принимаемых в залоговое обеспечение на аукционах Национального банка Республики Казахстан по покупке ценных бумаг с обратной продажей;
- увеличение норм вложений для институциональных инвесторов по облигациям, выпущенным для финансирования декарбонизации;
- увеличение нормативов вложений в данные облигации средств Единого накопительного пенсионного фонда;
- упрощенный порядок прохождения листинговых процедур на Казахстанской фондовой бирже для эмитентов ценных бумаг, основным видом деятельности которых является деятельность, способствующая уменьшению выбросов парниковых газов;
- содействие эмиссии «зеленых облигаций» компаниями из базовых отраслей промышленности, средства от которых будут направляться на проекты, связанные с декарбонизацией;
- содействие в продвижении казахстанских компаний в международные «зеленые» фондовые индексы (такие, как *The Dow Jones Sustainability Indices*) с целью повышения их инвестиционной привлекательности на мировых рынках.

Третьим направлением государственной поддержки декарбонизации универсального характера могут стать бюджетные расходы — еще один традиционный метод стимулирования развития приоритетных видов деятельности. Это направление уже имеется в текущем инструментарии государственного регулирования Казахстана — в бюджетах последних лет присутствует несколько статей, финансирующих различные меры, прямо или косвенно способствующие декарбонизации. В то же время остаются резервы совершенствования данного направления. В частности, одной из таких мер могло бы стать объединение и систематизация всех расходов республиканского бюджета на декарбонизацию в рамках одной программы, так как в настоящее время эти расходы расплывлены по разным подфункциям, учреждениям и программам, что затрудняет реализацию системного подхода к финансируемым мероприятиям, а также анализ и оценку их эффективности и планирование будущих мероприятий.

В частности, в республиканском бюджете на 2016 г. различные меры, так или иначе способствующие декарбонизации, были включены в программы

финансирования научных исследований (по линии нескольких министерств), топливно-энергетического комплекса (Министерство энергетики), лесного хозяйства (Министерство сельского хозяйства), охраны окружающей среды (Министерство энергетики), охраны, защиты, воспроизводства лесов и животного мира (Управление делами Президента РК), содействия устойчивому развитию (Министерство сельского хозяйства), сокращения выбросов парниковых газов (Министерство энергетики), реализации мероприятий в рамках содействия устойчивому развитию Казахстана (Министерство национальной экономики). В целом статьи и объемы расходов республиканского бюджета на них в 2016 г. достаточно многочисленны и велики (табл. 2), хотя, безусловно, непосредственно к мерам, связанным с декарбонизацией, относятся далеко не все данные бюджетные затраты.

Табл. 2. **Расходы республиканского бюджета на статьи, прямо или косвенно способствующие декарбонизации экономики Казахстана за 11 месяцев 2016 г., млн тенге**

Наименование статьи затрат	Фактически затраты за январь — ноябрь 2016 г.
Развитие атомных и энергетических проектов	3 575
Развитие тепло-электроэнергетики	31 472
Целевые трансферты на развитие областным бюджетам, бюджетам гг. Астаны и Алматы на развитие газотранспортной системы	7 065
Обеспечение повышения энергоэффективности отраслей экономики	391
Управление, обеспечение сохранения и развития лесных ресурсов и животного мира	14 439
Реализация Концепции по переходу к «зеленой экономике» и Программы партнерства «Зеленый Мост»	139
Стабилизация и улучшение качества окружающей среды	109
Реализация бюджетных инвестиционных проектов в рамках содействия устойчивому развитию и росту Республики Казахстан	129
Сокращение выбросов парниковых газов	112
Реализация программных проектов в рамках содействия устойчивому развитию и росту Республики Казахстан	43
Реализация мероприятий технической помощи в рамках содействия устойчивому развитию и росту Республики Казахстан	2 107
Итого	59 581
Доля в затратах республиканского бюджета за период, %	0,84

Источник: Статистический бюллетень Министерства финансов РК за ноябрь месяц 2016 года N 11. Табл. 8. URL: http://www.minfin.gov.kz/irj/go/km/docs/documents/Минфин_new/Бюджетный%20процесс/Отчетность/Статистический%20бюллетень/ru/Статистические%20бюллетени%20за%202016%20год/Статистический%20бюллетень%20МФ%20РК%20за%20ноябрь%20месяц%202016%20года%20№%2011 (дата обращения: 28.12. 2016).

Многие из указанных статей бюджетных расходов не направлены напрямую на декарбонизацию, однако даже такие расходы общего характера,

как развитие тепло- и электроэнергетики, предполагают обновление и совершенствование технологий, что также влияет на сокращение удельных выбросов парниковых газов. Можно также отметить, что в бюджете 2016 г. была выделена отдельная статья на сокращение выбросов парниковых газов, что также свидетельствует о признании необходимости целенаправленных усилий государства по борьбе с изменением климата и выполнения международных обязательств Казахстана в рамках Парижского соглашения. Также можно обратить внимание на то, что совокупный размер расходов по статьям, приведенным в таблице 2, достаточно велик как в абсолютном, так и в относительном выражении и превышает размер некоторых важных бюджетных подфункций, таких как финансовая деятельность (33 852 млн тенге) или фундаментальные научные исследования (25 313 млн тенге), что свидетельствует о серьезном финансовом потенциале бюджетных расходов как инструмента государственной поддержки декарбонизации.

Тем более важным представляется упорядочивание данного направления, стыковка и координация финансируемых из бюджета мер, которые в рамках различных министерств и бюджетных программ могут дублировать друг друга и быть недостаточно эффективными. Таким образом, первым механизмом в части бюджетного финансирования декарбонизации можно назвать построение четкой системы разработки, финансирования и реализации всего комплекса мер с выделением отдельной бюджетной подфункции и желательно одного ответственного за реализацию государственного учреждения.

Если же рассматривать непосредственно финансовые механизмы бюджетной поддержки декарбонизации, то они в соответствии с действующей казахстанской практикой могут включать такие инструменты, как прямые расходы по финансированию конкретных проектов; субсидии компаниям, активно реализующим мероприятия, способствующие декарбонизации; субсидирование процентной ставки по кредитам банков второго уровня, выделяемым на цели, соответствующие задачам декарбонизации; приобретение финансовых активов и увеличение уставных фондов компаний, преимущественным видом деятельности которых является деятельность, направленная на декарбонизацию национальной экономики.

Из числа указанных механизмов бюджетной поддержки декарбонизации, на наш взгляд, наиболее перспективным и эффективным представляется субсидирование процентной ставки по кредитам, выдаваемым банками на проекты, способствующие сокращению выбросов парниковых газов. Большая эффективность такого расходования бюджетных средств определяется, во-первых, высоким мультипликативным эффектом этого вида поддержки, при котором средства государства представляют лишь небольшую часть общего финансирования, обеспечивающегося банком. Во-вторых, конкурентность и негосударственный отбор финансируемых проектов, который проводится кредиторами, позволяют снизить уровень субъективизма и

конфликта интересов в процессе финансирования, что отличает данный механизм от обычного предоставления государственных средств, пусть и на конкурсной основе.

Рассмотренные выше экономические механизмы содействия формированию в Казахстане низкоуглеродной модели экономики являются универсальными, традиционными для любой другой сферы или направления развития, нуждающегося в стимулировании и поддержке. Однако, наряду с ними, в мировой практике существуют также и специфические механизмы, применяющиеся для поощрения развития низкоуглеродных технологий, сокращения выбросов парниковых газов, наращивания электрогенерации на возобновляемых источниках энергии и пр. Рассмотрим в общих чертах наиболее распространенные механизмы такого рода, которые могут найти свое применение в Казахстане.

Прежде всего, надо отметить, что к специфическим механизмам сокращения выбросов парниковых газов относятся такие меры ограничительного характера, как квотирование их объемов и базирующаяся на этом квотировании система торговли выбросами парниковых газов, а также углеродный налог. Однако система торговли квотами на выбросы парниковых газов и некоторые аспекты углеродного налогообложения были рассмотрены выше, в связи с чем эти механизмы в данном разделе опущены.

Другим распространенным специфическим механизмом декарбонизации (пожалуй, наиболее распространенным в мировой практике) является установление специальных тарифов для электроэнергии, вырабатываемой объектами ВИЭ. Установление специальных тарифов входит в основной инструментарий экономической поддержки ВИЭ — ценовой — а его наиболее распространенной, по мнению ряда авторов (*Тельнова Е.* Регуляторные механизмы продвижения «зеленой» энергии. Итальянский опыт // ЭнергоРынок. 2009. N 11), формой является так называемый *Feed-in tariff*. Это тариф, не зависящий от сложившихся ценовых уровней оптового рынка, или надбавка к цене оптового рынка. Обычно подобные тарифы устанавливаются регулирующими организациями сроком на 10—20 лет, гарантируя, таким образом, долгосрочную инвестиционную привлекательность проектов ВИЭ. Такая практика широко распространена в США, Японии, в странах Евросоюза, где при помощи фиксированных долгосрочных тарифов, превышающих среднерыночные цены, обеспечивается рентабельность функционирования объектов, использующих ВИЭ.

Фиксированные долгосрочные тарифы стали основным механизмом стимулирования развития ВИЭ и в России, где принята система фиксированных тарифов/надбавок на электроэнергию, а из количественных инструментов взята на вооружение система «зеленых» сертификатов (как удобный инструмент учета и контроля) (*Копылов А.Е.* Законодательная поддержка развития возобновляемой энергетики в России // Энергия: экономика, техника, экология. 2009. N 1). Дальнейшее развитие российской система

финансового стимулирования использования ВИЭ получила в 2013 г., когда было принято Постановление Правительства №449, предусматривающее финансовую поддержку развития ВИЭ. В этом документе были детально определены финансовые механизмы поддержки ВИЭ (к которым отнесены ветровые, солнечные электростанции и малые ГЭС мощностью от 5 до 25 МВт, подключенные к электрической сети), основанные на компенсации затрат по договорам на продажу мощности на оптовом рынке электроэнергии и мощности. В рамках этого подхода объем и структура ежегодно вводимых мощностей по видам ВИЭ, а также формула цены определяются правительством, исходя из гарантированного возврата инвестиций в течение 15 лет, вводятся нормативные уровни капитальных и эксплуатационных затрат, что позволяет контролировать уровень суммарных затрат на поддержку генерации на основе ВИЭ и ограничивать рост тарифов. Также можно отметить, что отбор проектов по договорам на продажу мощности проводится на конкурсной основе, а критериями этого отбора являются заявляемые удельные капитальные и эксплуатационные затраты и показатели проекта по локализации производства, что стимулирует развитие российского производства оборудования (*Г.В. Ермоленко. Экономические механизмы стимулирования развития ВИЭ в РФ как инструмент ресурсосбережения: подходы, результаты, перспективы. IX Международная конференция «Евразийская экономическая интеграция»...*).

В Казахстане также используется механизм установления фиксированных тарифов на электроэнергию, производимую за счет ВИЭ в рамках выполнения положений Закона Республики Казахстан «О поддержке использования возобновляемых источников энергии». 27 мая 2014 г. на заседании Правительства Республики Казахстан были утверждены ставки этих тарифов, которые составили: на электрическую энергию, произведенную ветровыми электростанциями, — 22,68 тенге за 1 кВт/ч (на тот момент — около 12,5 центов США); солнечными электростанциями — 34,61 тенге (около 19 центов США); малыми ГЭС (мощностью до 35 МВт) — 16,71 тенге (около 9 центов США); биогазовыми установками — 32,23 тенге (около 18 центов США) (Фиксированные тарифы. Расчетно-финансовый центр по поддержке возобновляемых источников энергии. URL: <http://www.rfc.kegoc.kz/fiksirovannye-tarify> [дата обращения: 29.12.2016]). По этим тарифам компания *KEGOC* (системный оператор единой электроэнергетической системы Республики Казахстан) в лице ТОО «Расчетно-финансовый центр по поддержке возобновляемых источников энергии» покупает электроэнергию, произведенную станциями, использующими ВИЭ. Таким образом, наиболее традиционный и распространенный в мировой практике финансовый механизм поддержки ВИЭ функционирует и в Казахстане.

Рассматривая специфические механизмы содействия декарбонизации, можно также отметить особые финансовые инструменты, появившиеся в последние годы для привлечения средств на проекты в рамках формирующейся

«зеленой экономики» — так называемые «зеленые облигации» (*green bonds*). Это новый финансовый инструмент, поэтому еще нет устойчивого определения и критериев отнесения тех или иных выпусков к зеленым облигациям, но в целом предполагается, что данные долговые бумаги выпускаются эмитентами для финансирования экологически чистых проектов различного характера. Эмиссия зеленых облигаций в мире стремительно нарастает. Так, если в 2012 г. годовой выпуск этих ценных бумаг измерялся 2,6 млрд долл., то в 2015 г. он достиг 41,8 млрд долл., из которых 18 млрд пришлось на ЕС, а 10,5 млрд — на США (Green Bond. Investopedia. URL: <http://www.investopedia.com/terms/g/green-bond.asp> [дата обращения: 29.12.2016]). Некоторые оценки (Р. Куринько. Зеленые облигации. URL: <http://kurinko.com/ru/zelenye-obligacii> [дата обращения: 28.12.2016]) предполагают, что уже к 2020 г. на долю этих инструментов будет приходиться 10—15% мирового облигационного рынка, хотя, на наш взгляд, это чрезмерно оптимистическая оценка. В настоящее время зеленые облигации выпускаются как международными организациями, так и корпоративными эмитентами широкого спектра деятельности — от энергетических компаний до банков.

Пионерами эмиссии зеленых облигаций были международные финансовые институты и банки развития, в частности Европейский банк реконструкции и развития начал выпуск этих облигаций в 2010 г., предварительно разработав стандарты и критерии проектов, которые могут финансироваться за счет такой эмиссии. К 2015 г. ЕБРР осуществил уже 17 эмиссий зеленых облигаций на мировых рынках на общую сумму 0,5 млрд евро, причем валютой деноминации были не только евро и доллары США, но и австралийские и новозеландские доллары, бразильские реалы, индонезийские рупии, а большинство выпусков были выкуплены японскими институциональными и частными инвесторами. К Портфелю «зеленых» проектов ЕБРР, финансируемых за счет средств, привлеченных по «зеленым» облигациям, относятся следующие категории проектов:

- проекты по энергоэффективности;
- проекты по чистой энергии;
- проекты в области управления водными ресурсами;
- проекты в сфере управления отходами;
- проекты в сфере «устойчивого» жилья (энергоэффективность зданий);
- проекты в сфере экологических услуг и модернизации общественного транспорта.

Выбирая проекты по энергоэффективности и переходу к более экологичным видам топлива для портфеля «зеленых» проектов, ЕБРР рассматривает долгосрочный эффект от каждого проекта с точки зрения его соотношения с целями низкоуглеродного развития и исключает проекты, которые могут отрицательно повлиять на способность клиентов внедрять низкоуглеродные технологии (Интеграция принципов устойчивого развития в деятельность

финансовых институтов развития. Информационно-аналитический материал. Банк развития ВЭБ, 2014 г. URL: <http://www.veb.ru/common/upload/files/veb/analytics/sd/2014kso.pdf>. С. 8 [дата обращения: 28.12.2016]). То есть в случае ЕБРР эмиссия зеленых облигаций направлена непосредственно на цели декарбонизации. Более того, в настоящее время начинается дифференциация зеленых облигаций, и уже произошло выделение такого их подвида, как климатические облигации, эмиссия которых направлена на «привлечение средств для инвестирования в сокращение выбросов или адаптацию к изменению климата» (Р. Куринько. Зеленые облигации...). Таким образом, уже фактически появились специальные финансовые инструменты под реализацию Парижского соглашения по климату.

Спрос на зеленые облигации обусловливается тем, что у многих крупных зарубежных инвестиционных институтов (пенсионных фондов, некоторых специализированных инвестиционных фондов) инвестиционные декларации, в соответствии с которыми они вкладывают средства, имеют этическую составляющую — то есть предпочтение отдается ценным бумагам компаний с высокой репутацией, с экологически чистым производством и пр. и, напротив, запрещаются инвестиции в «неэтичный» бизнес, такой как производство оружия, алкоголя и т.п. Такого рода институциональные инвесторы, в силу своей ориентации, предъявляют повышенный спрос на облигации, выпущенные для финансирования «зеленых» проектов, чем и объясняется растущее предложение зеленых облигаций на мировом рынке.

Казахстан также может встроиться в данную тенденцию, активно усиливающуюся в мире, и начать выпуск зеленых облигаций несколькими группами эмитентов. По нашему мнению, эмиссия зеленых облигаций в Казахстане возможна государственными эмитентами (в т.ч. местного уровня), Банком развития Казахстана (что вписывается в общемировую тенденцию, в рамках которой именно банки развития являются одними из ведущих эмитентов) и крупными корпоративными заемщиками, в том числе АО *KEGOC*, Самрук-энерго и другими энергетическими или просто промышленными корпорациями. В последнем случае эмиссия зеленых облигаций может быть увязана с механизмом торговли квотами на выбросы парниковых газов — средства от эмиссии облигаций могут направляться на приобретение квот и сокращение выбросов парниковых газов за счет технологического перевооружения.

Наконец, подводя итог рассмотрению механизмов декарбонизации, можно отметить, что такие механизмы могут не ограничиваться уровнем государственного регулирования, а распространяться как на более высокий уровень международного сотрудничества, так и на уровень субъектов хозяйствования, которые также могут оказывать содействие внедрению технологий, способствующих декарбонизации за счет новых бизнес-моделей. Примером последнего подхода является так называемая «сервисная» модель реализации продукции, при которой покупатель не платит поставщику за

оборудование, получая его бесплатно, а оплачивает замену расходных материалов, в том числе за счет экономии от обновления технологического процесса. Такая модель возможна и при взаимоотношениях бизнеса и государства, в том числе в сфере зеленых технологий, энергосбережения, и она уже используется в том числе и в российской практике. Так, в декабре 2016 г. холдинг «Швабе» установил в Улан-Удэ свыше 10 000 уличных светильников и более 170 современных щитов автоматической системы управления освещением. При этом городская администрация не платила за установку этого оборудования, а будет нести расходы только по его обслуживанию. Причем эта оплата будет происходить за счет средств, полученных от экономии энергетических ресурсов (Ростех осветил Улан-Удэ. В столице Бурятии установлено свыше 10 000 уличных светильников производства «Швабе». URL: <http://rostec.ru/news/4519703> [дата обращения: 28.12.2016]). Таким образом, на местном уровне было осуществлено значительное повышение энергоэффективности без первоначальных вложений бюджетных средств. Опыт такой модели взаимодействия местных бюджетов и бизнеса в сфере энергосбережения заслуживает внедрения и в казахстанской практике. В данном случае роль государства должна заключаться в стимулировании внедрения крупным бизнесом сервисной модели поставок оборудования, способствующего декарбонизации, а также в государственных заказах, использующих такую модель.

В завершение рассмотрения финансовых механизмов декарбонизации можно также упомянуть и такую возможность, как получение финансирования на соответствующие цели от международных фондов. В настоящее время существует несколько крупных международных фондов, предоставляющих финансирование на проекты, способствующие развитию низкоуглеродных технологий, в том числе и непосредственно на сокращение выбросов парниковых газов. В числе наиболее известных фондов глобального характера выделяются, прежде всего, фонды ООН — Глобальный экологический фонд (*Global Environment Facility, GEF*), функционирующий с 1991 г., и Зеленый климатический фонд, иногда называемый Фондом зеленого климата (*Green Climate Fund, GCF*), который обычно ассоциируется с финансовым механизмом реализации Парижского климатического соглашения.

Кроме того, существуют многочисленные фонды и финансовые программы различных международных организаций и даже национальных банков развития, средствами которых можно воспользоваться в целях развития зеленых технологий, декарбонизации, борьбы с изменением климата. В числе таких институтов можно отметить систему Климатического инвестиционного фонда (*Climate Investment Funds, CIF*) — международную структуру с большим количеством участников и капиталом в 8,3 млрд долл., действующую с 2008 г. и в настоящее время реализующую проекты в 72 странах (What We Do. Climate Investment Funds website. URL: <https://www-cif.climateinvestmentfunds.org/about> [дата обращения: 30.12.2016]). В

рамках этой системы крупнейшим является Фонд чистых технологий (*Clean Technology Fund, CTF*), который, обладая капиталом в 5,8 млрд долл., финансирует преимущественно развитие низкоуглеродных технологий в развивающихся экономиках (Казахстан также сотрудничает с этим институтом и получал от него финансирование).

На национальном уровне в ряде стран, особенно развитых, имеются программы предоставления финансирования в различных формах (гранты, кредиты, финансирование технической помощи и пр.) в международном масштабе, которыми также можно воспользоваться в процессе декарбонизации казахстанской экономики. В числе таких институтов можно отметить Глобальный фонд климатического партнерства (*The Global Climate Partnership Fund, GCPF*), созданный Федеральным министерством по окружающей среде, сохранению природы и ядерной безопасности Германии; Фонд «зеленого» роста Юго-Восточной Европы; Углеродный фонд Немецкого банка развития *KfW (KfW Carbon Fund)* и др.

В то же время, рассматривая такие инструменты финансирования, некоторые из которых уже используются Казахстаном, нужно оговориться, что они, имея внешнее происхождение, все же не могут входить в инструментарий национального стимулирования декарбонизации и являются дополнительным и своего рода «побочным» механизмом, который может быть использован параллельно основной системе поддержки декарбонизации, рассмотренной в настоящем разделе.

Список литературы

1. Ю.Н. Федоров, Г.В. Сафонов, А.Т. Багиров. Низкоуглеродная экономика России: тенденции, проблемы, возможности. М., 2009. 32 с.
2. Возобновляемые источники энергии: Теоретические основы, технологии, технические характеристики, экономика / Отв. редакторы: З.А. Стычинский, Н.И. Вольрай. Otto-von-Guericke-Universität, Магдебург, 2010.

РЕЦЕНЗИЯ

СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Андрей Чеботарёв

Директор Центра актуальных исследований «Альтернатива»

В декабре 2016 г. вниманию широкой общественности была представлена книга «Модель Назарбаева. Известная история в новом прочтении» (авторы: М.Б. Касымбеков, Б.Б. Темирболат, Т.Т. Шаймергенов). В отличие от многих книг, изданных ранее отечественными и иностранными авторами по современной казахстанской тематике, рассматриваемое произведение посвящено не оценкам личности Президента РК Нурсултана Назарбаева, его деятельности на своем посту, проводимой им политики и т.п., а анализу ключевых подходов и методов его управления государством. В этом ракурсе «модель Назарбаева» представлена в качестве полного управленческого цикла, благодаря которому Казахстан преодолел все нелегкие испытания в процессе строительства суверенной государственности и вышел на уровень стабильного развития.

Еще, будучи руководителем Казахстана в советский период, Нурсултан Назарбаев усвоил и определил стратегическое планирование как ключевое условие для успешной реализации тех или иных действий. Благодаря этому, одним из первых его дел на посту Главы суверенной республики стало написание и представление вниманию

широкой общественности «Стратегии становления и развития Казахстана как суверенного государства». В данном документе отразились четкие ориентиры дальнейшего движения страны, которая только начала свой путь.

В последующем рассматриваемый подход Главы государства нашел свое выражение в озвученных им стратегиях «Казахстан-2030» и «Казахстан-2050». По утверждению авторов книги, этому, в частности, способствовало ознакомление Президента с методикой и результатами сценарного моделирования развития некоторых зарубежных государств на долгосрочную перспективу. При всем разнообразии отношений в обществе к данным документам, они, так или иначе, дают казахстанцам повод задуматься о важности стратегического мышления и применении его в разных вопросах своей жизнедеятельности. Кроме того, пример Казахстана вдохновил некоторые другие постсоветские страны обозначить возможные векторы своего развития на несколько десятилетий вперед. Так, например, в России и Узбекистане идет разработка Стратегии социально-экономического развития страны до 2030 г. и долгосрочной стратегии развития «Видение-2030» соответственно.

Интересно также рассмотрение процесса развития суверенного Казахстана в контексте десяти управленческих решений Главы государства, причем речь идет не о разовых мерах реагирования на определенные ситуации, а о системных подходах программно-целевого управления государством, которые применяются до сих пор. Прежде всего, авторы книги отмечают здесь выстраивание сильной президентской вертикали как ключевого фактора обеспечения стабильности и ускоренной модернизации страны. Особенно это было актуально в первые годы независимости республики, когда «сильная президентская власть позволяла Главе государства сконцентрироваться на решении неотложных проблем и проведении нужных реформ в сжатые сроки». Уже позднее проведенные в 1998 и 2007 г. конституционные реформы дали основу для постепенного возрастания роли парламента в политической системе страны. Тем не менее стратегическая политическая инициатива по-прежнему находится в руках Президента.

Укрепление президентской вертикали также не привело к чрезмерной бюрократизации и консервации государственного аппарата. Наоборот, Глава государства, на взгляд авторов, предпринял необходимые меры для того, чтобы сюда пришли люди с новым образованием, образом мышления и готовностью к новым формам и стилю работы. В свою очередь, такой подход привел к серии сменяющих друг друга системных мер в рамках модернизации государственной службы. И это был вполне естественный процесс, призванный адаптировать систему управления государством к периодическим внутри- и внешнеполитическим изменениям и обусловленным ими новым задачам развития страны. В результате сегодня в Казахстане

действует «профессиональный аппарат обслуживания потребностей населения своей страны».

Одним из судьбоносных решений руководства республики стал перенос столицы из Алматы в Акмолу и последующее создание современной Астаны. Это, в частности, позволило, во-первых, заметно изменить формат управленческих взаимоотношений по линии «центр — регионы» в сторону равноудаленности первого из них ко всем регионам республики. Во-вторых, сделать столицу образцом современного развития и внедрения новых апробированных подходов к местному управлению для других городов Казахстана. В связи с этим ожидается, что в перспективе «другие отечественные мегаполисы будут здоровому конкурировать между собой за право считаться самым удобным для жизни».

Реализация политики обеспечения межэтнического согласия была и остается ключевым фактором нациестроительства в Казахстане. Как справедливо отмечают авторы книги, строительство и модернизация государства, олицетворяя собой общенациональный проект, позволили сплотить казахстанцев в единое целое. Создание и деятельность Ассамблеи народа Казахстана (АНК), возглавляемой Президентом РК, позволили институционализировать данный процесс и фактически придать ему необратимый характер.

В экономике и социальной сфере соответствующие решения ознаменовались курсом на диверсификацию отраслей экономики с постепенным уходом от доминирования сырьевого сектора, создание и расширение условий для привлечения иностранных инвестиций, переход от практики преодоления кризисных процессов к их упреждению, формирование и накопление челове-

ского и в том числе интеллектуального капитала. В последнем случае Президент, по мнению авторов, делает ставку на «образованных по современным стандартам людей, которые через некоторое время заполнят все ниши государственного управления, бизнеса и общественных организаций». В свою очередь, это является важным фактором для создания в Казахстане экономики знаний и интеллектуальной нации.

Наконец, на международном уровне «модель Назарбаева» проявила себя в выстраивании и проведении многовекторной внешней политики, позволяющей обрести доверие и поддерживать равный баланс в отношениях с другими государствами, а также в активном позиционировании Казахстана за рубежом. Очевидно, что, благодаря всему этому, республика за 25 лет прошла путь от начинающего участника международных отношений до авторитетного и уважаемого партнера ряда государств и международных организаций, устремленного

в перечень 30 наиболее ведущих стран мира. Последний из этих моментов, кстати, в очередной раз показывает масштабность рассуждений и стратегических установок Главы государства, ориентирующих Казахстан на преодоление всевозможных ограничений и продолжение движения к качественно новым горизонтам своего развития.

В целом «модель Назарбаева» с учетом оценок пройденного Казахстаном пути и достигнутых на сегодняшний день результатов этого движения объективно представляется авторами книги как «залог управляемости любыми процессами в республике, а значит и успешности государства как такового в перспективе». В связи с этим хочется надеяться, что максимально оправдавшие себя к текущему моменту управленческие подходы станут руководством к действию для следующих поколений казахстанцев и послужат на благо дальнейшего развития общества и государства.

ОБЗОР ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Мурат Лаумулин

Советник-посланник в Посольстве Республики Казахстан
в Республике Беларусь, доктор политических наук

Среди последних изданий, посвященных Центральной Азии, появился ряд публикаций, которые сложно охарактеризовать — являются ли они работами политологического (публицистического) характера или их можно отнести к жанру исторических исследований. Имеется в виду ряд изданий,

выпущенных в серии программы по изучению Шёлкового пути под эгидой Института Центральной Азии и Кавказа (Университет Джонса Хопкинса, Вашингтон) и под руководством широко известного специалиста по нашему региону профессора Фредерика Старра. Речь идет об исследованиях, посвящен-

ных трагическим событиям 2005 г. в Андижане (Узбекистан) и 2010 г. в Оше (Кыргызстан).

Работа Дж. Хартмана «Андижанское восстание в мае 2005 г.: что мы знаем». Автор, служивший военным атташе США в Ташкенте в 2007—2009 гг., поставил целью осветить неизвестные или малоизвестные детали и трактовки событий тех дней и ответить на центральный вопрос: было ли происшедшее восстанием (или мирным протестом) на самом деле или нет¹.

Напомним вкратце канву событий того времени. В ночь с 12 на 13 мая 2005 г. группа вооруженных членов полурелигиозной-полупредпринимательской организации «Акромийя» с оружием в руках, захваченного со складов МВД и из армейских запасов, атаковали городскую тюрьму, где содержались их единомышленники по «Акромийи», а также ряд других объектов, включая здание областной администрации, с целью освобождения членов своей организации. Как пишет автор, они ожидали начала повсеместного восстания по всей республике. Но эта попытка была жестоко подавлена властями. Погибло, помимо повстанцев, большое количество гражданских лиц.

Официальный Ташкент утверждал, что мятежники, которые были объявлены террористами, стремились (при поддержке неких сил извне) к свержению государственного строя в стране, что оправдывает жесткость при подавлении сопротивления. Кроме того, наблюдались серьезные противоречия в количестве погибших, озвученном правительством РУ, и информацией,

тиражируемой западными масс-медиа. Дж. Хартман поставил целью раскрыть истинные масштабы трагедии.

В данной работе исследователь подчеркивает тот факт, что город Андижан и область в целом еще с советских времен славилась не только своей религиозностью, но и толерантностью: здесь мирно сосуществовали представители самых различных направлений в исламе. Однако в начале 1990-х гг. окрестности Намангана попали под контроль экстремистов-ваххабитов. Свою деструктивную роль в подготовке андижанской трагедии сыграла и организация «Хизб ут-Тахрир», считает автор. Он так же, как и другие западные и некоторые российские наблюдатели, обращается к версии событий, согласно которой среди причин ареста акромистов, а следовательно и нападения, доминировали не религиозные мотивы, а протест против действий местного хакима, который в своих интересах арестовал конкурентов.

Затем исследователь детально описывает ход событий, пытаясь хронологически точно воспроизвести действия и перемещения повстанцев. Апофеозом мятежа стало утро 13 мая, когда толпы людей собрались на площади Бабур, скандируя «Аллах Акбар». Автор отмечает, что мятежники захватили заложников из числа сотрудников МВД и государственных чиновников. Некоторых из них они застрелили или забили насмерть. Далее автор описывает многочасовое стояние на площади, провал переговоров и анализирует видеосъемки, в которых отражены детали расправы над митингующими.

После андижанских событий, пишет автор, российские и западные СМИ, правозащитные организации и вслед за ними западные правительственные структуры утверждали, что жертв было от 500 до 1500 человек. Узбекские вла-

¹ Hartman J.W. *The May 2005 Andijan Uprising: What We Know*. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2016. 65 p.

сти опубликовали в ноябре поименный список погибших — 211 человек, в том числе 43 военнослужащих, около 40 мятежников. Ранее в июне-июле назывались меньшие данные (173, 189 чел.). Делая свои выводы из анализа событий в Андижане, Хартман заключает, что случившееся не было резней со стороны армии и МВД против безоружных и незащищенных людей, как это утверждает «Хьюман райтс уотч» и другие западные правозащитные организации. Невооруженных гражданских поставили на грань риска как официальные силовые ведомства, так и сами «Братья-акромисты».

Очевидно, заключает автор, что это был вооруженный мятеж. Официальная власть слишком медленно отреагировала, долгое время не могла установить полный контроль над событиями и прибегла при подавлении к помощи не профессионалов, а плохо подготовленных солдат. В этом кроются причины массовой гибели гражданских лиц, считает полковник Дж. Хартман, проведший фактически в течение десяти лет собственное детальное расследование.

Эту же тему продолжает работа Дж. Дейли *«Поспешное осуждение: западные СМИ о событиях 2005 г. в Андижане»*². Британский исследователь является постоянным комментатором на СНН, популярных радиоканалах и в некоторых известных газетных изданиях, а также приглашенным экспертом в ряде аналитических структур.

Дж. Дейли исходит из того, что слишком быстрая реакция западных средств массовой информации, ведомая правозащитными организациями,

которая оперативно и глубоко повлияла на формирование в общественном мнении Запада оценок этих событий, имела самые серьезные последствия, причем негативного характера. Автор считает, что они фактически нанесли непоправимый ущерб американо-узбекскому стратегическому сотрудничеству и привели к долгой изоляции Ташкента от Запада, его сближению с Москвой и Пекином и усилению исламистской угрозы в регионе.

Во вступительном разделе Дейли излагает свою версию случившегося, мало отличающуюся от общепринятой официальной хронологии событий. Затем исследователь переходит к анализу сообщений западных масс-медиа за 12—13 мая 2005 г. В этой главе автор выделяет следующие сюжеты: первый доклад с оценками СМИ при правительстве США с официальными оценками событий, вопрос о создании комиссии по расследованию, инициализация неправительственной реакции по Андижану, официальная реакция Вашингтона и вовлечение конгрессменов в процесс расследования. Собственно говоря, считает автор, это и была та схема, по которой раскручивалась спираль пропаганды против действия официального Ташкента.

Во второй главе подробно освещается столкновение официальной узбекской интерпретации событий с оценками, навязываемыми поборниками прав человека и возобладавшими, в конце концов, на Западе. В третьей главе исследователь рассматривает эволюцию оценок андижанских событий с 2006-го по 2015 г. На положительный для Ташкента характер эволюции повлиял ряд расследований и докладов. Особенно автор выделяет расследование, проведенное Ширин Акинер в мае 2005 г. сразу же после этих траги-

² Daly J.C. K. *Rush to Judgment: Western Media and the 2005 Andijan Violence*. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2016. 82 p.

ческих событий (опубликован в серии изданий Института Центральной Азии и Кавказа в 2006 г.). В свою очередь, Ш. Акинер, которая приняла сторону официальной версии, превратилась для правозащитников в мишень для обвинений. Ей ставили в упрек, что она своим докладом льет воду на мельницу каримовской пропаганды; в частности об этом заявлял К. Мюррей (бывший посол Соединенного Королевства в РУ).

В качестве ответной меры на острую критику со стороны западных НПО узбекские власти пошли на массовое закрытие их представительств на территории республики. Но результат их деятельности по насаждению односторонних оценок андижанских событий был налицо: в прессе и политологических изданиях Запада на андижанских событиях укрепились ярлыки «резня» и «узбекский Тяньаньмэнь».

Как считает Дж. Дейли, основной смысл дискуссий, по оценкам андижанский событий, сводился в течение десяти прошедших лет к выяснению точного или приблизительного числа жертв. Диапазон оценок чрезвычайно широк: 187 человек (официальные данные), 745 человек (Азад Дехканлар), 1500 человек (информация бывшего офицера СНБ И. Якубова), 20 тысяч человек (Хизб ут-Тахрир).

Основной вывод, к которому пришел исследователь, сводится к следующему: андижанские события были, бесспорно, ужасной трагедией вне зависимости от реального количества погибших. В отношении поведения властей и применения ими силы можно найти как осуждающие, так и оправдывающие аргументы. Но суть борьбы, развернувшейся на протяжении более чем десятилетия вокруг интерпретации этих событий, отражала «тектоническое столкновение» двух позиций: с одной

стороны, полное осуждение Ташкента Западом, который оказался в ловушке, созданной правозащитными организациями, собственными стереотипами и своей негибкой политикой, а с другой — тотальное отрицание какой-либо вины руководством Узбекистана, апеллирующего к необходимости борьбы против вооруженных исламистов любой ценой.

В финале исследования Дейли приводит цитату из работы узбекского оппозиционера и правозащитника А. Полата (движение «Бирлик»), смысл которой состоит в том, чтобы и Вашингтон, и Ташкент, руководствуясь задачами борьбы против терроризма, обнародовали свои данные, которые могли бы пролить свет на истинную подоплеку и масштаб событий.

От себя добавим, что ни американская, ни узбекская сторона никогда не затрагивали суть вопроса в публичных дискуссиях: кто, как и когда подготовил и забросил в Андижан группу вооруженных боевиков-профессионалов, спровоцировавшую вооруженный и гражданский мятеж в городе. Существовала обрывочная информация (со ссылкой на радиостанцию «Немецкая волна»), что якобы в целях организации данной операции в конце марта 2005 г. имела место встреча представителей пакистанской разведки, западных спецслужб и руководства ИДУ в Пешаваре. Конечной целью этой операции было бы полномасштабное восстание в Ферганской долине, которое могло бы охватить весь Узбекистан. Но в дальнейшем данная версия больше не фигурировала на политическом поле.

В связи с кончиной президента РУ И. Каримова, можно высказать предположение, что тем самым открывается новая глава в постсоветской истории Узбекистана. Это касается и отношений Ташкента с Западом. Скорее всего, ан-

дижанская трагедия как раздражающий фактор уйдет с повестки дня этих отношений. Таким образом, правду об этих событиях до конца мы так и не узнаем.

Центральная фигура в расследовании по свежим следам андижанских событий известный исследователь Центральной Азии Ширин Акинер, которую западный истеблишмент фактически обвинил в оправдании действия официального Ташкента, на этот раз решила обратиться к событиям 2010 г. в Кыргызстане в своей новой работе *«Кыргызстан 2010: конфликт и контекст»*³.

Это сложное многоплановое исследование, несмотря на относительно небольшой объем, рассматривает события 2010 г. в контексте назревших к этому времени в Кыргызстане многочисленных проблем. В первой части работы Акинер анализирует все составляющие компоненты будущего кризиса — социально-экономические, упадок системы управления, провал экономических реформ, криминальные и коррупционные, рост исламского радикализма в республике, эрозию гражданской идентичности, регионализацию страны по линии Север — Юг. В отдельную группу проблем автор выделяет конфликтные точки: Ош (1990 г.), Баткен (1999—2000 гг.), Аксы (2002 г.), Джалал-Абад (2005 г.). Здесь же исследователь определяет геополитические тенденции, способствовавшие обострению внутривосточной ситуации, которые были связаны с такими державами, как Россия, США, Китай и Узбекистан. К этой группе проблем также примыкает развернувшаяся борьба вокруг закрытия военной базы Манас.

³ Akiner Sh. *Kyrgyzstan 2010: Conflict and Context*. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2016. 142 p.

Во второй части, посвященной непосредственно конфликту, автор хронологически (с апреля по июнь) рассматривает его траекторию — от публичного недовольства через протесты к смертельным столкновениям. В отдельный раздел исследователь помещает такие вопросы, как реакция внешних игроков, оказание гуманитарной помощи Кыргызстану, эвакуация иностранцев, действия региональных организаций, стратегических партнеров и соседей по региону и т.д. Третья часть книги носит теоретико-аналитический характер и посвящена анализу всех версий произошедшего, включая конспирологические теории. Имеется в виду версия о том, что причиной «наждачной революции» стало скрытое соперничество между великими державами. То есть Соединенные Штаты сделали попытку свергнуть К. Бакиева и тем самым удержать под своим контролем Манас, а также вывести Кыргызстан из орбиты влияния России и Китая. К числу таких теорий она относит и версию о некоей «третьей силе», под которой подразумеваются исламские радикалы как виновники беспорядков и кровопролития.

В четвертой части Ш. Акинер рассматривает постконфликтные тенденции в развитии республики, уделяя особое внимание растущей исламизации. Рассматривая всю постсоветскую историю Кыргызстана, автор исходит из того посыла, что причины конфликта нельзя понять, не принимая во внимание всего комплекса проблем: социальную напряженность и разочарование населения, растущую анархизацию общества и государственной системы. Кроме того, стабилизации ситуации отнюдь не способствовала конкуренция между Россией и США за Бишкек. Как считает Акинер, только поняв весь комплекс причин, приведших к бурным и траги-

ческим событиям 2010 г., можно понять степень и уровень угроз и вызовов, стоящих перед республикой сегодня. Тем самым исследователь предполагает, что эпоха бурных революционных потрясений Кыргызстаном еще не завершена.

Ш. Акинер считает, что в основе утраты гражданской идентичности (в той форме, в какой она существовала в позднесоветскую эпоху) лежали два процесса: растущая исламизация, причем в радикальных формах; а также рост этнонационалистических тенденций в обществе. Подробно излагая предысторию свержения К. Бакиева, автор особенно обращает внимание на тот факт, что конфликт стартовал на юге (в Джалал-Абаде), то есть в родном регионе бывшего президента. Так как он опирался на этнических киргизов (Бакиев принадлежит к киргизской ветви племени кипчак), конфликт вскоре после бегства бывшего главы государства на юг приобрел национальный характер.

Трактовка событий 2010 г., которую предлагает Ш. Акинер, базируется на трехфазовом анализе. Первая фаза (место действия — Бишкек, время — апрель) включала в себя исключительно политическую борьбу (между частями киргизской элиты). Вторая фаза (место действия — Джалал-Абад, время — май) еще носила преимущественно политический характер, но Временное правительство использовало против оккупавшегося в своей вотчине К. Бакиева уже этнический (узбекский) фактор. И, наконец, третья фаза (место действия — Ош, время — июнь) приобрела полностью неконтролируемый характер и вылилась в побоище на этнической основе.

Автор придерживается точки зрения, что этническое насилие началось с выступлений вооруженных представителей узбекской общины, которые атаковали (при поддержке Временного

правительства Р. Отунбаевой) резиденцию местного акима, а затем обстреляли родной дом К. Бакиева и его родственников, включая родного 90-летнего дядю президента. Акцией руководил некий Кадыржан Батыров, один из лидеров узбекской общины. Таким образом, констатирует Акинер, политический конфликт между сторонниками и противниками Бакиева с самого начала приобрел на юге характер этнической конфронтации между киргизами и узбеками.

Столкновения продолжились в мае, а в июне они вступили в третью фазу, самую кровопролитную. Автор связывает их начало с вмешательством криминальных элементов, в частности — наркобарона К. Мирсыдыкова («Черного Айбека»), близкого семье Бакиевых. Всего в конфликт были вовлечены порядка 400 тысяч человек; 300 тысяч человек, преимущественно этнических узбеков, вынуждены были бежать из области. Как и в случае с андижанскими событиями, данные по погибшим заметно разнятся. В середине июля, по официальным данным, называлась цифра в 470 погибших, но неофициальные оценки (в т.ч. со стороны Р. Отунбаевой) достигали 2000 человек. Количество раненых и пострадавших оценивалось в 1900 человек. 2800 жилых домов были уничтожены полностью и еще около 400 серьезно повреждены. С финансовой точки зрения потери оценивались свыше 70 млн долл., а расходы по восстановлению — в 450—500 млн. долл.

В заключение исследователь задается вопросом, был ли 2010 г. поворотным пунктом в современном развитии Кыргызстана? В качестве последствий событий 2010 г. Акинер называет слом Р. Отунбаевой и А. Атамбаевым долгой традиции политической системы Кыргызстана: будучи представителями

Севера республики, они использовали для достижения своих политических целей Юг страны. Другим последствием этих событий стало приобретение всем регионом Центральной Азии перед внешним миром репутации «пороховой бочки» (*tinderbox*). Другим следствием (внешнеполитическим) свержения режима Бакиева стало доминирование промосковской части политической элиты над прозападной (Акинер называет ее «провашингтонской»).

Но главной цели, отмечает автор, достичь не удалось: какой путь должен выбрать Кыргызстан — переход к парламентской республике или к президентской. Эту проблему не удалось решить окончательно ни одному из четырех президентов страны. Следовательно, можно заключить, продолжает мысль Ш. Акинер, впереди республику ждут новые потрясения, связанные с хронической разбалансированностью политической системы и постоянной борьбой двух начал — парламентского и президентского, которые используются сторонниками обеих систем в конкурентной борьбе за власть и ресурсы.

Новая работа наших российских коллег «*Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии*», выпущенная под эгидой Российского совета по международным делам, уводит нас в сферу международной политики⁴. Цель издания, как отмечают сами авторы, — обозначить возможности сотрудничества России и Китая в регионе Центральная Азия, проанализировав интересы двух государств в их соотношении с интересами самих центральноазиатских государств, а также риски

и вызовы безопасности, нарастающие в регионе и способные воспрепятствовать реализации проектов экономического развития — Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭПШП).

В работе также освещаются вопросы экономических интересов и экономического присутствия России и Китая в регионе, сопоставляются их возможности в сфере обеспечения безопасности. Особое внимание уделяется возможностям сотрудничества двух держав по реализации сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Кроме того, авторы предлагают ряд перспективных форматов и областей сотрудничества, отвечающих интересам как России и Китая, так и в первую очередь интересам самих центральноазиатских государств. Конкретные стратегии разных стран Центральной Азии по отношению к различным интеграционным проектам (ЕАЭС), международным организациям (ШОС, ОДКБ) и инициативам, направленным на усиление международного сотрудничества (китайская инициатива «Экономический пояс Шёлкового пути»), существенно отличаются.

Так, Казахстан и Кыргызстан максимально открыты для международного сотрудничества со всеми великими державами, в том числе с Россией и Китаем, которые официально отнесены к числу наиболее важных внешних партнеров. Узбекистан и, особенно, Туркменистан, относятся к противоположной группе. Они предпочитают интеграционным международным структурам и в целом многостороннему сотрудничеству в рамках международных организаций взаимодействие на двусторонней основе. Таджикистан занимает промежуточное положение между этими двумя группами. Он не

⁴ Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. А.А. Казанцев, И.Д. Звягельская, Е.М. Кузьмина, С.Г. Лузянин. Гл. ред. И.С. Иванов. Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2016. 52 с.

входит в ЕАЭС, но входит в ОДКБ и ШОС. Таким образом, сложность внутрирегиональных проблем отражается на многослойной и фрагментированной структуре взаимодействия государств Центральной Азии как между собой, так и с внешними партнерами. В настоящее время сотрудничество России и Китая в Центральной Азии приобрело особую актуальность в связи с ростом обозначенных угроз и вызовов безопасности. Подходы России и Китая к ситуации в Центральной Азии весьма сходны: оба государства рассматривают имеющиеся возможности исключительно в прагматических категориях, не затрагивая вопросов внутренней политики государств региона и особенностей их политических режимов.

Авторы исходят из того, что для сотрудничества России и Китая в Центральной Азии чрезвычайно важно, что обе страны имеют во многом совпадающие и гармонично согласующиеся стратегические и геополитические интересы. Во-первых, обе стороны заинтересованы в противодействии росту нетрадиционных угроз безопасности. Для России это особенно важно, поскольку эти угрозы носят трансграничный характер. Во-вторых, Россия и Китай не заинтересованы в усилении влияния в регионе потенциально враждебной им третьей силы. Пекин в стратегическом плане считает Центральную Азию и постсоветское пространство в целом достаточно надежным тылом для реализации своей политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Москва же воспринимает страны региона как союзников по ОДКБ или как нейтральные государства в плане обеспечения баланса сил с НАТО на европейском театре. Экономические интересы России и Китая в Центральной Азии традиционно носят более конкурентный характер, чем

отношения в области политики и стратегии. Россия заинтересована в реинтеграции постсоветского пространства на новой экономической основе. С момента распада СССР Китай проявил заинтересованность в доступе к центрально-азиатским ресурсам, налаживании эффективного торгово-инвестиционного взаимодействия со странами региона, формировании мощной транспортной и трубопроводной инфраструктуры, как транзитной, так и соединяющей регион с КНР.

Авторы проекта предлагают ряд принципов, на которых должно базироваться сотрудничество РФ и КНР в регионе. Важным принципом сотрудничества должно быть комплексное понимание взаимосвязи проблем безопасности и политической стабильности с проблемами социально-экономического и культурного развития. Основным критерием эффективности сотрудничества Москвы и Пекина в Центральной Азии может быть только содействие странам региона в обеспечении экономического развития и социально-политической стабильности.

По мнению авторов, сегодня исламы угрожают государствам Центральной Азии сразу с двух направлений — афганского и ближневосточного. Именно в этом заключается принципиальная новизна ситуации для региона. Очевидно, что правящим элитам стран Центральной Азии придется искать формулу сосуществования с политическим исламом. Основными составляющими такой формулы должны быть пресечение влияния внешних экстремистских структур, «национализация» местного ислама, создание условий для легальной (и контролируемой) политической деятельности исламских партий и организаций. Вызов с Ближнего Востока представляется преимущественно иде-

ологическим. Это во многом затрудняет выбор средств реагирования на него.

Авторы отмечают, что у России и Китая есть конкурирующие интересы в экономике региона. Но если в нефтегазовой сфере (порядка 58—62 млрд долл. к 12 млрд долл.) и горнодобыче китайские компании представлены значительно шире, чем российские, то в гидроэнергетике и нефте- и газопереработке их участие сопоставимо. В торговле с регионом Китай существенно опережает Россию: 32,6 млрд долл. против 20,8 млрд долл. в 2015 г. Китай стал крупнейшим инвестором в регионе. Китайцы не только приобретают товары и сырье, традиционно вывозившиеся в Россию, но и конкурируют за рынки сбыта с российскими предприятиями. Однако производственное сотрудничество со странами региона пока незначительно.

По мнению исследователей, к областям, в которых интересы России и КНР не пересекаются, относится в первую очередь трудовая миграция. Вторая сфера, в которой интересы двух стран не пересекаются, — поставки вооружений. Здесь Россия играет доминирующую роль. Третья — региональная транспортная инфраструктура, в которую Китай вкладывает значительные средства. Россия предпочитает модернизировать и строить новые дороги на своей стороне границы с Казахстаном. Четвертая сфера — машиностроение. Китай стал крупнейшим инвестором в регионе. Китайцы не только приобретают товары и сырье, традиционно вывозившиеся в Россию, но и конкурируют за рынки сбыта с российскими предприятиями.

Приток в Центральную Азию финансовых ресурсов из Китая, с одной стороны, способствует развитию инфраструктуры, поддержанию социально-экономической стабильности, но с

другой — ставит страны региона перед целым рядом вызовов, таких как консервация ресурсной структуры экономики, снижение стимулов к экономической модернизации и т.д. За последнее десятилетие Россия ослабила свои экономические позиции в Центральной Азии. В настоящее время Россия и Китай имеют в Центральной Азии сопоставимые позиции в экономическом плане. Это еще больше повышает ответственность двух держав за укрепление экономики и социальной сферы стран региона, стимулирует их сотрудничество в обеспечении развития.

В работе делается вывод, что в рамках инициативы «Шёлкового пути» китайское руководство попытается создать в Евразии большую международно-экономическую «нишу», куда можно будет «вкладывать» практически все проекты, планируемые во внешнеполитической и внешнеэкономической сферах КНР, — от транспортных до гуманитарных и туристических. Без взаимодействия ЕС и ЕАЭС велика вероятность того, что многие ключевые китайские проекты сопряжения ЭПШП и ЕС, включая транспортные, будут реализованы в обход территории Российской Федерации, которая упустит возможность получения экономической выгоды и утратит шанс реализации своего транзитного потенциала.

Россия особенно нуждается в преодолении пространственных дисбалансов экономического развития. Началом российско-китайского сотрудничества в этой сфере стали совместный проект строительства скоростной железной дороги Москва — Казань и планируемая модернизация Транссибирской магистрали, включая казахстанский и китайский участки. Ключевой элемент взаимного интереса России, Китая и центральноазиатских государств в плане

совершенствования транспортной инфраструктуры заключается в развитии северной ветки Северного маршрута, который должен соединить Китай и ЕС через территорию России и Центральной Азии.

Ухудшение ситуации в области безопасности может поставить под удар стратегические планы Китая по осуществлению проекта ЭПШП. В этой связи авторы предлагают целый комплекс из 12 шагов в направлении развития сотрудничества России и Китая. Эти шаги следующие:

1. Сформировать институты сотрудничества, направленные на преодоление асимметрии ЕАЭС и ЭПШП. ЕАЭС как международная организация мог бы взять на себя координацию двустороннего партнерства входящих в него государств с КНР через механизмы согласования промышленной и транспортной политики, политики в сфере регулирования рынков труда и т.п.

2. Расширить сотрудничество ЕАЭС и Китая в сферах науки, образования и высоких технологий. Поэтому необходимо расширять взаимодействие в образовании на базе крупнейших вузов России и Китая с участием партнеров из государств — членов ЕАЭС и ШОС.

3. России и ЕАЭС необходимо широко подключать свои финансовые институты к финансированию совместных проектов.

4. Поддерживать российский экспорт в страны Центральной Азии. В этой связи целесообразна разработка механизмов предоставления государственных гарантий российскому бизнесу и страхования его политических и экономических рисков в Центральной Азии.

5. Ускорить реализацию совместных российско-китайских транспортных проектов. Исходя из этого, необходимо

проработать вопрос создания не только широтных, но и меридиональных транспортных коммуникаций (железные дороги и речной флот), которые позволят более эффективно использовать возможности Северного морского пути.

6. Координация политики в сфере трудовой миграции и реализации совместных инвестиционных проектов. Предлагается создать в рамках ШОС консультативную многостороннюю структуру с участием России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана по комплексному решению проблем трудовой миграции. Совместные транспортные, промышленные и иные проекты ЭПШП и ЕАЭС должны быть нацелены и на создание новых рабочих мест в странах региона.

7. Наладить прагматичный диалог в треугольнике ЕС — ЕАЭС — Китай по вопросам формирования общеевразийской инфраструктуры и транспорта, свободы передвижения товаров, капиталов, людей и услуг. Тем самым целесообразно проработать возможность подписания трехстороннего документа о сотрудничестве между ЕС, ЕАЭС и ШОС.

8. Согласовать стратегии России и Китая в сфере безопасности в Центральной Азии. В сфере поддержания безопасности в Центральной Азии роль России существенно превосходит роль Китая. Согласование общего списка террористических организаций, обмен информацией по линии спецслужб о вербовании, переправке боевиков в Афганистан и на Ближний Восток, об их финансировании относятся к комплексу неотложных антитеррористических мер. Основным форматом для активизации сотрудничества на этом направлении должна стать ШОС.

9. Усилить совместную борьбу с угрозой распространения нестабиль-

ности с территории Афганистана. В этом контексте необходимо расширить взаимодействие ШОС и ОДКБ в противодействии взаимосвязанным вызовам безопасности.

10. Противодействие распространению идеологии радикального ислама. Противодействие экстремизму возможно, отмечается в докладе, во-первых, через исламское образование, во-вторых, через светское образование, просвещение местных обществ, их ознакомление с мировой культурой.

11. Координация работы с гражданским обществом в Центральной Азии. Цели такого сотрудничества — преодоление рисков социальной дестабилизации и вызовов безопасности, исходящих от международного терроризма, профилактика этнических конфликтов, формирование общего и целостного представления о регионе Центральной Евразии и возможностях, возникающих в результате регионального сотрудничества.

12. Активизировать сотрудничество экспертов России, Китая и государств Центральной Азии. РФ и КНР целесообразно создать постоянную экспертную площадку для диалога по вопросам сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, где эксперты могли бы обсуждать текущие задачи в разных сферах — от инфраструктурных проектов до гуманитарного сотрудничества.

Таким образом, заключают авторы, если сторонам удастся правильно ими воспользоваться, появится возможность нейтрализовать рост трансграничных угроз безопасности в регионе, что является необходимым условием для обеспечения поступательного экономического развития всех участников сопряжения евразийской интеграции и Экономического пояса Шёлкового пути.

Наиболее фундаментальной по объему работой из числа рассматриваемых в данном обзоре является книга Д. Попова «Центральная Азия во внешней политике США», охватывающая период с 1991-го по 2016 г. (автор — руководитель Уральского регионального информационно-аналитического центра Российского института стратегических исследований в г. Екатеринбург)⁵.

Автор ставит во главу угла своего исследования тезис о том, что Центральная Азия не относится к числу международных приоритетов Белого дома первого порядка, но Америка проводит здесь энергичный и акцентированный курс. Более того, район имеет высокую, может быть даже недооцененную стратегическую ценность для Соединенных Штатов, что объясняется его объективными характеристиками. ЦА расположена практически в географическом центре Евразийского материка. Протекающие здесь процессы затрагивают интересы основных международных конкурентов США и многих крупных региональных держав. Воздействие на болевые точки региона открывает самые разнообразные возможности для влияния на положение дел в соседних странах. Отсюда с высокой долей вероятности можно заключить, что Центральная Азия если временно и выпадет из фокуса американской внешней политики, то в будущем будет неизбежно вновь и вновь в него возвращаться, а Вашингтон (хотя это официально и отрицается) будет играть здесь роль оппонента континентальным державам, аналогичную той, что ранее имела Британская империя.

Книга состоит из шести частей. Первая глава «Демонтаж наследия холодной войны: подходы США к демилитаризации региона» посвящена в основном

⁵ Попов Д. С. Центральная Азия во внешней политике США. 1991—2016 гг. М.: РИСИ, 2016. 247 с.

Казахстану — выводу ядерного оружия и уничтожению инфраструктуры ОМУ. Автор подчеркивает, что лояльность Казахстана в вопросах разоружения стала фундаментом отношений с США на годы вперед, способствовала международному признанию республики и позволила заручиться поддержкой Вашингтона в части привлечения западных инвестиций в нефтяной сектор страны. Глава содержит немало новой, ранее неизвестной информации о попытках американской стороны проникнуть в советские ядерные секреты.

Как вполне справедливо отмечает автор, после распада СССР Америка инициировала здесь крупные программы по ликвидации советского ОМУ. Несмотря на то, что в целом их задачи были выполнены, программы до сих пор не свернуты и при администрации Б. Обамы, получив дальнейшее развитие, скорректированы в текущих интересах американской военной науки и промышленности. Более того, ряд инициатив Вашингтона в области нераспространения, предположительно, имеет двойное назначение, представляя определенную угрозу национальной безопасности России и странам ОДКБ. Все без исключения инициативы США сопровождались и сопровождаются внешней риторикой о важности глобального разоружения, хотя в действительности Вашингтон подходит к ним избирательно, с учетом собственных национальных интересов.

Следуя этой логике, Соединенные Штаты поддержали расширение на центральноазиатские государства норм ДНЯО, но выдвинули возражения против создания зоны, свободной от ядерного оружия. Они содействовали утилизации инфраструктуры БО и ХО, но блокируют создание верификационного механизма к КБТО. Негативным

итогом стало то, что в ходе настойчивых американских усилий по демонтажу советского «наследия» были безвозвратно утрачены многие передовые для своего времени производства, доставшиеся региону от ВПК СССР. Последние могли бы обеспечить развитие местной фармацевтической, химической и другой гражданской промышленности, если бы их конверсия проходила постепенно, под контролем и при большей материальной и организационной поддержке государства.

Внедрение поставленного из США оборудования и компьютерной техники создало риски того, что сейчас в критической промышленной и военной инфраструктуре некоторых республик ЦА может функционировать иностранная аппаратура с замаскированными математическими кодами и техническими средствами для дистанционного снятия информации или вывода из строя материальной базы. Другой аспект — беспрецедентное раскрытие данных о военных возможностях стран ОДКБ. Под прикрытием грантов Международного научно-технического центра, инспекционных поездок в рамках СУУ и других подобных механизмов представители Соединенных Штатов получили легальную возможность для развития контактов в военных и научных кругах ЦА и сбора обширной информации об оборонном потенциале государств региона. В руки американских военно-технических специалистов попали сведения и образцы, чувствительные для российского оборонно-промышленного комплекса.

Д. Попов заключает, что сегодня «совместное сокращение угрозы» — это программа, принципиально отличная от той, что была инициирована в начале 1990-х гг. Ее продолжение в модифицированном виде порождает комплекс потенциальных вызовов национальной

безопасности России, ее союзников, а также Китая и Ирана.

Вторая глава «Американская военная политика в Центральной Азии» посвящена военно-стратегическим аспектам сотрудничества США со странами региона. В Центральную Азию США совершили прорыв в качестве глобальной военной силы после открытия в 2001 г. «афганского фронта». Афганская кампания задавала направления военного сотрудничества США с Центральной Азией на последующие более чем полтора десятка лет. В бывших азиатских республиках СССР были созданы военные базы Соединенных Штатов и их союзников, открыто воздушное пространство для боевой и транспортной авиации, развернута инфраструктура тылового обеспечения, на новый уровень выведено военно-техническое сотрудничество (ВТС) и военно-политические контакты сторон. Однако, как показала дальнейшая практика, размещение американских военных объектов в Центральной Азии породило целый комплекс угроз безопасности принимающих государств, а стремление Вашингтона сохранить их спровоцировало откровенное вмешательство во внутренние дела.

Автор проливает свет на позицию Туркменистана, который фактически предоставил Америке мини-базу вопреки провозглашенному нейтралитету. Ашхабад все же дал согласие на воздушные перевозки через свою территорию и разрешил дозаправку самолетов, следующих с «гуманитарными целями», но публично старался этот факт не афишировать, а полеты, несовместимые с классическим нейтральным статусом, представил как выполнение гуманитарной миссии. Некоторые подробности взаимоотношений Вашингтона и Ашхабада раскрывает «туркменское досье» *WikiLeaks*, на которые ссылается автор.

Отдельным вопросом исследователь рассматривает планы Пентагона по применению на территории региона беспилотных аппаратов. Технически американцы уже сегодня в состоянии проводить со своих баз в Афганистане тайные операции с применением БПЛА на территории стран Центральной Азии без согласования с их руководством. Причем перечень возможностей беспилотников довольно обширен и включает разведку, анализ радиационной, биологической и химической обстановки, нанесение ракетно-бомбовых ударов по наземным целям, в том числе с целью ликвидации неугодных лидеров.

Много внимания автор уделяет проблеме аэропорта «Манас». По его мнению, режимные строения без окон и с большим количеством кондиционеров, замеченные на базе, могли свидетельствовать о работе здесь компонентов американской глобальной системы «Эшелон», позволяющей перехватывать телефонные переговоры, электронную переписку, выполнять большой спектр иных задач по всему региону. Если так, то Манас для США мог представлять нечто большее, чем просто аэродром подскока. В свою очередь, отсутствие внешнего контроля содержимого грузов создавало благоприятные условия для перевалки через ЦТП крупных партий наркотиков из Афганистана в Европу. Замечено, что европейские эпицентры распространения героина совпадают с дислокацией американских военных объектов в ФРГ, Косово и Испании, связанных авиатранспортным сообщением с Манасом. Зафиксированы факты (в начале августа 2008 г.) нелегальной переброски в Кыргызстан оружия, которое в условиях этнических конфликтов и политической нестабильности в этой стране могло быть использовано для поддержки лояльных групп.

Таким образом, заключает исследователь, Соединенные Штаты сформировали в Кыргызстане разветвленную агентурную сеть и свою службу наружного наблюдения, осуществляющую слежку за политическими деятелями, а также контрнаблюдение за сотрудниками ЦРУ. Прекращение работы ЦТП совпало по времени со строительством нового многоэтажного здания посольства США в Бишкеке, что породило в местной прессе предположение (официально Госдепартаментом опровергаемое) о перемещении в возводимый комплекс оборудования и персонала, прежде задействованных в радиоэлектронной разведке в Манасе. Слухи подогревались сообщениями о получаемой представительством США крупнотоннажной дипломатической почте, среди которой выделялся груз, датированный концом марта 2015 г. и весом более 150 т.

В целом за 12,5 лет существования базы через нее прошло около 5,5 миллионов военнослужащих, или 98% всего личного состава Международных сил содействия безопасности (МССБ), и было совершено 33 тысячи воздушных дозаправок. Однако в течение всего этого времени Манас оставался одновременно фактором внутренней нестабильности Кыргызстана и камнем преткновения в ее взаимоотношениях с соседями.

Автор считает, что оправданно говорить, скорее, не о выводе, а о перегруппировке американских войск в ИРА путем сосредоточения компактных сил на защищенных базах, поддержания контроля коммуникаций и переложения бремени боевых действий на афганские силовые структуры. В этой ситуации для Вашингтона оказались бы востребованными и базы ВВС в Центрально-азиатском регионе, но они к настоящему времени утрачены. Перспективы откры-

тия новых американских баз в регионе выглядят маловероятными без прихода к власти в центральноазиатских республиках лояльных США политических сил.

По мнению Д. Попова, усилия американской стороны в ЦА сосредоточены на нескольких направлениях. Они включают: военное проникновение в Каспийский регион, где корпорации из США ведут разработку нефтяных месторождений; создание в Центральной Азии профессиональных подразделений по стандартам НАТО, способных участвовать в совместных операциях с Альянсом за рубежом; стимулирование реформы местных ВС по западному образцу, внедрение американской военной техники и доктрины, предусматривающей переход к созданию высококомбинированных частей оперативного реагирования. Повышенное внимание Вашингтон уделяет каспийскому направлению, мотивируя это необходимостью защиты нефтяных промыслов от терроризма. Позиция Казахстана относительно программы «Каспийский страж» заключалась в том, что ее реализация возможна, но для этого необходимо согласие России. Это отдалило перспективу старта масштабного проекта Пентагона в районе Каспийского моря.

Применительно к Кыргызстану, отмечает исследователь, многолетняя работа с личным составом ВС и правоохранительных органов позволила американцам полностью раскрыть их структуру и организовать сбор информации о положении дел в республике. Были созданы благоприятные условия для изучения и вербовки американскими спецслужбами представителей силовых ведомств Кыргызстана. Атмосфера полной лояльности Вашингтону, сложившаяся среди многих высших офицеров, сделала возможным выдвижение на

руководящие посты людей, ориентированных на интересы США. Еще одним следствием действий американцев стала деморализация сотрудников правоохранительных и специальных органов, в результате чего во время «цветной революции» милиция переходила на сторону восставших, а армия и национальная гвардия заявили о нейтралитете.

По схожей схеме Пентагон действует и в Таджикистане, где *SOCCENT* осуществляло обучение Национальной гвардии РТ. По местным законам, данное подразделение является воинским резервом быстрого реагирования главы государства, а американские дипломаты в своей переписке образно называют его «преторианской гвардией» президента Эмомали Рахмона.

С начала 2000-х гг. в мире сложилась уникальная геополитическая ситуация: Соединенные Штаты через свои военные контингенты, инструкторов и частные военные компании закрепились сразу в двух ключевых центрах мирового наркопроизводства — Афганистане и Колумбии. В обоих случаях (в рамках операции «Несокрушимая свобода» и «плана Колумбия») Белый дом объявил войну терроризму и наркопреступности, но на практике стал действовать избирательно и в духе двойных стандартов. В масштабах Афганистана американцы отказались от наиболее действенного способа борьбы с наркотиками — уничтожения посевов опиумного мака, в частности, путем распыления дефолиантов, гербицидов и других химикатов.

Автор констатирует, что к 2014 г. на Афганистан пришлось более 80% мирового опиумного производства, что эквивалентно примерно 5,5 тысяч тонн сырца. С 2002-го по 2013 г., то есть уже в период оккупации ИРА американскими войсками, площади посевов опиумного мака здесь выросли с 74-х до 209 тысяч

гектаров, охватив ранее свободные от них провинции. К 2010 г. страна также вышла в мировые лидеры по производству гашиша, опередив Марокко. Основные центры наркопроизводства расположились в районах наибольшей концентрации вооруженных сил стран НАТО на юге и юго-востоке Исламской республики. Благодаря освоению современных сельскохозяйственных и оросительных технологий, почти в полтора раза возросла урожайность опиумных полей (с 23 до 30 кг с га). Если раньше Афганистан поставлял опий-сырец, то теперь здесь созданы заводы для его переработки в героин почти в промышленных масштабах, повысилась оснащенность и производительность нарколабораторий. Логика находящих за океаном политиков объяснима: для них афганский героин серьезной угрозы не представляет.

Автор так объясняет сложившуюся ситуацию: в Соединенных Штатах остро стоит проблема кокаина, 40% мирового потребления которого приходится на Северную Америку. Практически весь кокаин поступает в США из Колумбии. Главным же рынком сбыта афганских опиатов (опия, морфина и героина) стала Россия. От них страдают Иран и Китай, а также некоторые европейские страны и государства Юго-Восточной Азии. С конца 1980-х гг. по 2015 г. число наркозависимых в России выросло с 50 тысяч до 7—8 миллионов человек. С 2010-го по 2015 г. от наркотиков умерло свыше 350 тысяч молодых людей, что более чем в десять раз превышает потери СССР за время войны в Афганистане. Наркомания стимулировала взрывной рост преступности и распространение опасных болезней, а в российский политологический лексикон прочно вошло понятие афганской «наркоагрессии». Другими словами, не препятствуя куль-

тивированию опиатов в районах своего военного присутствия, Вашингтон способствует ослаблению России и ряда других геополитических конкурентов: подрывает их демографический потенциал и оттягивает ресурсы на противодействие наркопреступности, в том числе связанному с ней исламистскому бандподполью.

В этих процессах страны Центральной Азии изначально оказались в роли наиболее удобной территории для транзита запрещенных веществ. Через них прошел один из трех главных международных каналов поставок героина — так называемый северный маршрут, связавший Афганистан с рынком России и частично Европы. Экспертные оценки его значения разнятся. По данным российских наркополицейских, в разные годы по каналу переправлялось от 25 до 40% и выше всех афганских опиатов. В обратном направлении из Центральной Азии в исламскую республику налажена контрабанда части химических прекурсоров (ангидрида уксусной кислоты), необходимых для переработки опиума в героин. Многолетний бесперебойный наркотрафик через центральноазиатские страны привел к стремительному увеличению здесь собственного потребления тяжелых наркотиков, сопутствующего росту заболеваемости ВИЧ/СПИД и криминализации общества.

В этих условиях Соединенные Штаты предложили свой подход к проблеме наркотиков в регионе Центральной Азии. Усилия, как ни странно, были фактически сосредоточены на дальнейшем снятии барьеров между Афганистаном и сопредельными странами ЦА, с одной стороны, и на установлении патронажа над создаваемыми здесь антинаркотическими структурами — с другой. В основе позиции Вашингтона, как представляется, лежали мотивы глобального

противостояния с Россией и стремление ослабить ее влияние. После вывода погранвойск РФ с территории Таджикистана объем ежегодно изымаемого в республике героина в среднем упал с 5 т до 200 кг. Параллельно Соединенные Штаты предпринимают попытки усилить на центральноазиатском антинаркотическом фронте свою наднациональную координирующую роль. Но на местах инициатива не нашла поддержки, поскольку допускала элементы внешнего контроля над силовым блоком. Вопрос о результативности американских программ остается открытым. Значительная часть денег выделяется не на нужды центральноазиатских силовых ведомств, а на финансирование текущей деятельности размещенного в регионе западного персонала и решение дипломатических задач США.

В 2005 г. Белый дом поддержал приход к власти в Кыргызстане представителя южных кланов Курманбека Бакиева. Американские кураторы не могли не знать, что его семья непосредственно втянута в торговлю наркотиками. За годы президентства К. Бакиева объемы наркотрафика, проходящего через Кыргызстан, достигли беспрецедентных масштабов. К лету 2009 г. Соединенные Штаты свернули программу помощи Агентству по контролю наркотиков Кыргызстана, что некоторые наблюдатели оценили как элемент сделки с режимом по сохранению базы американских ВВС в Бишкеке.

Автор приходит к следующему заключению. Существуют две главные причины роста наркотрафика в ЦА, равно как и потребления здесь запрещенных наркотических веществ: стремительное увеличение предложения опиатов в Афганистане за годы оккупации этой страны американскими войсками и ослабление контроля над

границей с ИРА после распада СССР. Отказавшись поддержать уничтожение маковых полей на афганской территории и выступив против сохранения российского пограничного присутствия в Центральной Азии, Белый дом, так или иначе, способствовал усугублению причин и остроты проблемы наркотиков в регионе.

На этапе сближения после 11 сентября отношения Ташкента и Вашингтона не были абсолютно безоблачными и омрачались стремлением Белого дома реформировать режим в республике путем вмешательства во внутренние дела через сеть НПО, СМИ и контакты со светской и религиозной оппозицией. Для поддержки лояльных политиков в Узбекистане были организованы ресурсные центры, предоставляющие различную техническую помощь. 13 мая 2005 г. боевики радикальной исламистской организации «Акромийя» совершили нападение на крупный узбекский город Андижан в Ферганской долине, где захватили большое число заложников и ряд административных зданий. В результате спецоперации узбекских силовиков город был освобожден, но погибло, по независимым подсчетам, около 500 человек, в том числе большое количество мирных жителей. Несмотря на очевидные связи «Акромийи» с экстремистским подпольем Афганистана и ЦА, западная дипломатия и экспертное сообщество в целом интерпретировали произошедшее как подавление народных волнений против режима и в резкой форме осудили действия Ташкента.

Ведущие средства массовой информации Европы и США откровенно симпатизировали террористам (более того, было установлено, что журналисты британской медиакорпорации Би-Би-Си в ходе акции непосредственно присутствовали в расположении боевиков). Как

показало последующее расследование, оружие «Акромийя» получала из Кыргызстана. Произшедшая в соседней республике двумя месяцами ранее «тюльпановая революция» по сценарию США заметно вдохновила противников И. Каримова. Туда же, в Кыргызстан, после майских событий в Андижане через подготовленные «окна» на границе бежали десятки лиц, преследуемые правоохранительными органами Узбекистана за причастность к террористической деятельности. В июле 2005 г. под давлением Вашингтона и его европейских союзников президент Кыргызстана К. Бакиев, проигнорировав требования узбекских властей, разрешил их вылет в Румынию. В итоге, как отмечает эксперт американского Брукингского института Фióна Хилл, узбекский лидер Ислам Каримов был абсолютно уверен, что нападение на Андижан было подготовлено с международной помощью, включая спонсируемые американцами НКО.

Автор отмечает, что сегодня по-прежнему до конца не ясно, чем была вызвана грубая непоследовательность американского курса в отношении Узбекистана, до того демонстрировавшего наибольшую в ЦА готовность к сотрудничеству с Америкой. Вовлеченность спецслужб Соединенных Штатов в инспирирование самого нападения боевиков на Андижан (а такие предположения широко муссировались в узбекской прессе) открытыми данными подтвердить трудно, но последующая линия Вашингтона выглядит авантюрой, идущей вразрез с политикой борьбы с террором. Судя по всему, американской стороной не были адекватно оценены решительность И. Каримова, степень оппозиционности настроений в узбекском обществе и окружении президента, эффективность государственного аппарата. Было заметно и то, что в действи-

ях американцев возобладали эмоции, по-видимому, еще не успевшие остыть после эйфории «цветной революции» марта 2005 г. в Кыргызстане. Наконец, известно о разногласиях по вопросу о «реформировании» узбекского режима, существующих во внешнеполитических кругах США среди различных групп влияния в Госдепартаменте, Пентагоне, Конгрессе. Со стороны ситуация во многом и выглядела так, как если бы желание части американской элиты вмешаться во внутренние дела республики возобладало над интересами совместной борьбы с терроризмом, наложив отпечаток на итоговую официальную позицию Белого дома. Из андижанского конфликта следует важный вывод в отношении американской стратегии в ЦА. Состоит он в том, что для достижения целей в регионе Соединенные Штаты считают приемлемым использовать здесь исламистский фактор, интерпретируя его в угоду своим интересам и в зависимости от конкретных обстоятельств. По крайней мере, в 2005 г. США оказали как минимум политическую, дипломатическую и информационную поддержку группе, которую действующая власть Узбекистана квалифицировала как террористическую организацию.

В пятой главе автор затрагивает экономические интересы США в Центральной Азии. С обретением странами ЦА независимости вопрос о каналах транспортировки добываемых углеводородов на внешние рынки оказался выведенным за рамки чисто коммерческих интересов американского бизнеса и стал рассматриваться в Соединенных Штатах как инструмент геополитической борьбы. В результате внешняя политика США была сориентирована на создание так называемого южного энергетического коридора, который в будущем должен был позволить экспор-

тировать каспийскую нефть и газ в обход территории России и Ирана по маршруту «Центральная Азия — Каспийское море — Кавказ — Турция». Такая схема в случае ее успешной реализации открывала Вашингтону возможности для решения сразу ряда задач, отмечает исследователь.

Экономические интересы США в Центральной Азии лежат в сырьевой сфере, но не ограничиваются ею. Равно не ограничиваются трубопроводами каналы экономического влияния Вашингтона на страны региона. С обретением ими независимости Белый дом оказывает давление на ход хозяйственных преобразований в этих государствах и стремится активно воздействовать на выбор ими пути экономического развития, в том числе направлений интеграции. Инструменты, находящиеся в распоряжении Соединенных Штатов, весьма разнообразны.

Для самих постсоветских республик последствия навязанных реформ во многих случаях оказались более чем сомнительными. Наибольший вес в процессе принятия хозяйственных решений среди государств Центральной Азии международные финансовые институты обрели в Кыргызстане и Таджикистане — странах с самой слабой в регионе экономикой, не располагающих крупными запасами углеводородов.

В отношении Кыргызстана автор пишет, что после прихода в 2005 г. к власти под демократическими лозунгами и при прямой поддержке США нового правительства КР во главе с Курманбеком Бакиевым деградация экономической системы этой страны не только не была остановлена, но набрала исключительно высокие темпы. Ожидаемым результатом его политики стал подрыв российских экономических интересов, включая заморозку инвестпроектов в

сфере гидроэнергетики и военно-технического сотрудничества. Используя административный ресурс и незаконные рейдерские схемы, коммерческие структуры, аффилированные с сыном президента Максимом Бакиевым, взяли под контроль большинство наиболее прибыльных активов, наладив вывод из страны денег и их легализацию на иностранных счетах. Важнейшую роль в этих процессах играли люди из ближайшего окружения М. Бакиева — финансисты и юристы из США и Европы.

В ограниченном масштабе, утверждает Д. Попов, но все же применяют Соединенные Штаты и традиционные для себя санкционные меры. Это можно проследить на примере среднеазиатского рынка хлопка. Шестое место в мире по производству хлопка и третье по объему его экспорта занимает Узбекистан. Вывоз сырья здесь монополизирован государством. Власти США (а эта страна сама относится к крупнейшим мировым производителям хлопка и текстиля) систематически призывают ограничить доступ узбекского сырья на западные рынки, на дипломатическом уровне обвиняя Ташкент в использовании детского труда на полях.

Как уверен исследователь, ключевым вектором экономической стратегии США в ЦА стала борьба с российским интеграционным проектом. Белому дому не удалось предупредить создание в 2010 г. Таможенного союза России, Казахстана и Беларуси, но в декабре 2012 г. госсекретарь США Хиллари Клинтон публично раскритиковала планы по дальнейшей экономической интеграции трех стран, назвав это попыткой воссоздать Советский Союз и заявив о поиске эффективных способов их замедления или предотвращения. Создание Евразийского союза замкнет торговлю в Центральной Азии на Рос-

сию, способствуя ее доминированию, что для Вашингтона неприемлемо.

При ограниченном уровне торговых связей такое навязчивое стремление Вашингтона вмешиваться в процессы региональной экономической интеграции в ЦА может объясняться только одним — интересами геополитического сдерживания России. Называя учреждение ТС и ЕЭП попыткой «ресоветизации», под сомнение ставится само право РФ и ее партнеров на создание региональных торговых соглашений, которое закреплено в том числе в правилах ВТО и которым сами американцы пользуются повсеместно.

Руководствуясь, по всей видимости, этой же логикой, экспертные и внешнеполитические структуры США сгенерировали и выдвинули ряд альтернативных интеграционных проектов, рассчитанных на среднеазиатские элиты, государства-доноры и международные финансовые институты.

В середине 2000-х гг. основателем американского Института Центральной Азии и Кавказа при университете Дж. Хопкинса Фредериком Старром была сформулирована концепция Большой Центральной Азии (*Greater Central Asia*), с критикой которой выступил Попов. Основываясь на том факте, что в период своего средневекового культурно-исторического расцвета цивилизационные границы Средней Азии простирались далеко за пределы нынешних рубежей пяти постсоветских республик, Ф. Старр предложил рассматривать регион шире, включив в него также Афганистан, северо-западные области Индии, часть Пакистана, Ирана и китайский Синьцзян. По мысли автора, реализации американских интересов здесь будет способствовать совершенствование инфраструктуры и минимизация торговых барьеров,

а также поощрение многосторонних форумов. Тезисы Ф. Старра, по распространённому мнению, оказали влияние на внешнеполитическую линию США на среднеазиатском направлении.

За его публикациями последовали изменения в структуре Госдепартамента, где было образовано единое Бюро по делам Южной и Центральной Азии, к компетенции которого одновременно с центральноазиатской пятеркой отнесены Афганистан, Пакистан, Индия и ряд других стран. Риски для Москвы порождает совсем другое обстоятельство, а именно возможное требование о разрыве устоявшихся кооперационных связей стран ЦА с российским государством. В будущем нельзя исключать появления подобного призыва в ЦА как условия для присоединения к предлагаемому США южному интеграционному проекту. Вашингтон продемонстрировал, что не намерен нести большие финансовые издержки на НШП, рассчитывая в основном на возможности союзных государств (Германии, Японии) международных финансовых институтов.

Центральная Азия находится на периферии экономических интересов США. С регионом поддерживаются ограниченные торгово-инвестиционные отношения, сконцентрированные в основном вокруг добычи нефти в Казахстане. Каспийская нефть играет роль привлекательного сырьевого бонуса для американских корпораций, но ее запасы не являются для США стратегически важными в глобальном масштабе, а доля американских компаний в местной нефтедобыче постепенно падает. Тем не менее Вашингтон проводит в регионе энергичную экономическую политику, непропорциональную уровню достигнутых в этой сфере отношений, активно вмешивается в ход хозяйственных преобразований в странах ЦА и воздейству-

ет на выбор ими интеграционных предпочтений. Главными инструментами американской экономической политики выступают инфраструктурное (прежде всего, трубопроводное) планирование, программы МФИ, гранты для осуществления либеральных реформ, санкции.

Основной вывод автора состоит в том, что стратегия Соединенных Штатов при этом сосредоточена не столько на расширении собственных экономических связей, сколько на задачах геополитического сдерживания России и Китая. Белый дом продвигает транзитные коридоры и интеграционные планы, альтернативные предложениям Москвы и Пекина и призванные снизить их влияние на экономику ЦА. В целом в последние годы Соединенные Штаты Америки шаг за шагом теряют позиции в региональной интеграционной «гонке». Резко изменить эту неприятную для них тенденцию способно, по-видимому, только приведение к власти в нефтегазодобывающих и транзитных странах ЦА лояльных правительств, которые по типу «бакиевской Киргизии» станут проводниками враждебной России экономической политики.

В шестой главе исследователь изучает применение американской дипломатией политтехнологий. Он исходит из того факта, что убежденность в своей уникальной цивилизационной роли привела к тому, что во внешнеполитической практике Вашингтона вторжение во внутренние дела других государств де-факто было признано допустимым, а во многих случаях и необходимым условием на пути к глобальному лидерству. С подачи США по постсоветскому пространству прокатилась волна «цветных революций»: «революция роз» в Грузии (2003 г.), «оранжевая революция» (2004 г.) и «евромайдан» (2014 г.) на Украине,

а также первый увенчанный успехом переворот в ЦА — так называемая «тюльпановая революция» в Кыргызстане в 2005 г.

Имея в основе идеологические мотивы, действия американского правительства преследуют все же и вполне прагматичные цели. Они позволяют насытить ключевые регионы мира марионеточными режимами, закрепляя в них влияние Вашингтона; окружить очагами напряженности границы внешнеполитических соперников США, тормозящими их нормальное развитие; расширить поле деятельности американских бизнес-империй; нарушить в свою пользу стратегический ядерный паритет и т.д.

Под принудительную экспансию выстроен сам внешнеполитический аппарат США, отработаны алгоритмы насаждения своей воли. К числу «тайных операций» отнесены пропаганда, экономическая война, саботаж, анти-саботаж, диверсии и эвакуации, подрывная деятельность, помощь подпольным движениям и др. Попав в орбиту внешнеполитических интересов США, Центральная Азия также была вынуждена испытать на себе эту неприятную специфику американской внешнеполитической доктрины.

Автор посвятил целый раздел событиям в Кыргызстане в марте 2005 г., который он открыто называет государственным переворотом. За ширмой гуманитарных и просветительских программ через систему некоммерческих организаций постепенно усиливалось вмешательство во внутривластный процесс. Мотивацию Вашингтона в этом случае сложно объяснить иначе, чем стремлением привести к власти более управляемое правительство, лучше гарантирующее реализацию американских интересов, в частности сохранение на долгую перспективу базы ВВС США

в Манасе. Дальнейшие события показали также, что за океаном мало беспокоились по поводу того, что насильственная смена власти в республике угрожает труднопрогнозируемыми последствиями для безопасности всего региона. Эти риски лежали, прежде всего, на России и соседних странах.

Содействие революционным силам было сопряжено с усилением политического давления на законное руководство страны, которое привело его к фактическому параличу. В нарушение всех дипломатических норм посол США С. Янг лично курировал работу с оппозицией, публично встречался с противниками режима и допускал бесцеремонные высказывания в адрес действующей власти. В ходе событий весны 2005 г. широко привлекались грузинские, украинские и восточноевропейские инструкторы, имевшие опыт успешной реализации «цветных революций» в своих странах. События в Грузии, на Украине и в Кыргызстане сближает также использование внешними силами этнорегионального фактора.

За фасадом номинального многообразия политических партий в Кыргызстане скрывается традиционное противостояние между мощными кланами, представляющими Юг и Север республики. В 2005 г. Вашингтон сделал ставку на рвущуюся к власти южную элиту несмотря на то, что для нее были характерны более радикальные взгляды, а также связи с криминальным и исламистским миром. Вооруженный захват оппозицией коммуникаций и стратегических объектов в марте 2005 г. начался с южных областей Кыргызстана, где после второго тура парламентских выборов были блокированы аэропорты и дороги, захвачены областные администрации Оша, Джалал-Абада и Баткена, сформированы передовые отряды (в т.ч.

конные и женские) для продвижения в Бишкек. По стране прокатилась волна политических убийств, мародерства, самозахватов земель, усилился массовый отток русскоязычного населения.

Правоохранительные и специальные службы Кыргызстана, в течение многих лет спонсируемые из-за рубежа, оказались не способны адекватно ответить на происходящее. Их руководство пошло на закулисные сделки с лидерами оппозиции. «Вторая киргизская революция» апреля 2010 г. носила принципиально иной характер: она, насколько можно судить, не была инициирована Вашингтоном и, вероятно, даже оказалась неожиданной для американской стороны. Консультации глав России, США и Казахстана и последовавшая эвакуация К. Бакиева в Беларусь, где ему было предоставлено политическое убежище, не остановили кровавых межэтнических киргизско-узбекских столкновений на юге республики в июне 2010 г. Они стали прямым следствием втягивания узбекской диаспоры в межклановую политическую борьбу. Государственный департамент США не только не осудил бездействие временного правительства во время узбекских погромов и перекладывание вины на пострадавшую, по большей части узбекскую сторону, но год спустя даже присудил Р. Отунбаевой премию. Узбекская молодежь после «ошской резни» стала мощным источником пополнения отрядов Исламского движения Узбекистана и других радикальных вооруженных группировок.

Спустя несколько лет после «второй революции» и последовавшей переориентации кабинета А. Атамбаева на партнерство с Россией Кыргызстан по-прежнему остается в Центральной Азии той республикой, где американские политтехнологи располагают самым разнообразным набором инструментов

для манипуляции общественно-политическими процессами, включая разветвленные институты «мягкой силы». Свои представительства разместили формально негосударственные, но на деле тесно связанные с правительством США и софинансируемые из госбюджета распорядители американских грантовых средств: Национальный фонд в поддержку демократии (*NED*) и два аффилированных с ним учреждения — Международный республиканский институт (*IRI*) и Национальный демократический институт (*NDI*). Перечисленные объединения, если говорить образно, составили верхний этаж инфраструктуры «мягкой силы», откуда на нижние ярусы спускаются денежные ресурсы и проектные задания.

Второй эшелон системы, отмечает автор, образуют транснациональные западные НПО. Они устроены на сетевых принципах. На этом уровне оседает основная часть средств, выделяемых на программы «демократизации», и ведется работа по поиску, привлечению к сотрудничеству и руководству местными гражданскими активистами. Как правило, каждая из них придерживается определенной специализации. Наиболее же привлекательными городами для размещения их представителей оказались Бишкек и Алматы. Примечательно, что власти Казахстана с неохотой идут на предоставление НПО «столичной прописки», возможно, стремясь обезопасить Астану от сопутствующих рисков и допуская сюда в основном только организации системы ООН. В 2010 г. в Казахстане ожидаемо отказали в открытии астанинского филиала американскому Фонду Карнеги.

На нижней ступени описываемого механизма расположились местные некоммерческие организации, которые учреждаются гражданами

государств ЦА и занимаются исполнением проектов «на земле». Это наиболее многочисленная прослойка, хотя средства до нее доходят лишь частично. По числу НКО на душу населения лидирует Кыргызстан. В 2015 г. в шестимиллионном государстве было зарегистрировано 14 тысяч некоммерческих организаций, а, по неофициальным данным, озвученным в парламенте страны, их количество перевалило за 19 тысяч.

Страны различаются и по степени влияния западных зонтичных структур из первого и второго эшелонов на национальные НКО. Если из Узбекистана представительства наиболее одиозных иностранных организаций были выдвинуты после андижанских событий 2005 г., а в Казахстане конкуренцию зарубежным грантам составили программы государственного социального заказа и единый государственный оператор по финансированию НКО, то «третий сектор» в Кыргызстане и Таджикистане с момента возникновения почти полностью ориентирован на получение западного финансирования. Определить масштабы финансовых вливаний Вашингтона в инфраструктуру «мягкой силы» в регионе можно лишь приблизительно, поскольку она абсорбирует средства сразу из нескольких источников. Пентагон, ЦРУ и иные военизированные и специальные службы США публично не афишируют детали своих бюджетов, но тоже традиционно спонсируют некоммерческий сектор.

Наконец, американские усилия дополняются и дублируются разнообразными инициативами стран Евросоюза и межгосударственных организаций. Приоритетными реципиентами американской «помощи» с 2010—2011 гг. считаются Кыргызстан и Таджикистан. Продолжение проектов содействия в Ка-

захстане и Узбекистане Конгресс США еще в 2003 г. обусловил требованием проведения ежегодного контроля прогресса в области защиты прав человека в этих странах.

По неофициальным свидетельствам лиц, непосредственно вовлеченных в работу НПО, она поражена сильнейшей коррупцией и превратилась в своего рода доходный бизнес, в котором участвуют как общественники, так и государственные служащие. Формируются комплементарные Соединенным Штатам политические силы. Примеры их участия в борьбе за власть многочисленны и разнообразны. Усилиями НКО и СМИ корректируется общественное мнение. Разъясняется важность американских инициатив и дискредитируются действия геополитических конкурентов США. Ведется сбор данных о чувствительных сферах жизни иностранных государств. Бросается в глаза, что в последние годы Соединенные Штаты буквально навязывают центральноазиатским республикам разнообразные форматы раскрытия информации. В завершение с помощью неправительственных кругов тиражируется предпочтительная для США точка зрения на вопросы внутреннего и внешнего развития, внедряются западные ценностные установки.

В общем и целом выстроенная за два с лишним десятилетия система охватывает самые разнообразные сферы общественной и государственной жизни Центральной Азии. Правозащитные объединения служат элементом протекции деятелей оппозиции и постоянного давления на национальные правительства. Соединенным Штатам удалось создать крепкие позиции в центральноазиатском информационном поле. Помимо этого, США финансируют, а следовательно, влияют на редакци-

онную политику множества местных «независимых» СМИ. Другой вектор — образование. Начиная с 1990-х гг., в ЦА развернута сеть высших учебных заведений, оказывающих образовательные услуги по западным стандартам. В Центральной Азии действует 13 центров, имеющих такой официальный статус (больше всего в Казахстане). Всего через образовательные проекты США пропущены десятки тысяч граждан ЦА. Как показывает более подробное знакомство с ними, нередко именно здесь происходит первичная идеологическая обработка, прививаются ультралиберальные идеалы и закладывается основа негативно-критического отношения к собственной власти, традиции и истории. Здесь же воспитываются будущие внешнеполитические клиенты США по типу выпускника Колумбийского университета экс-президента Грузии М. Саакашвили.

Завершая обзор многоступенчатой системы «мягкой силы», автор отмечает, что, хотя ее общий потенциал ориентирован на общественно-политическое переустройство государств ЦА, частично американская помощь все же поступает на благотворительные и гуманитарные цели (ликвидацию последствий стихийных бедствий, борьбу с инфекционными заболеваниями, микрокредитование малого бизнеса и др.). Однако и здесь западные начинания несут идеологический заряд и решают порой сугубо прагматические задачи.

Касаясь обратного процесса — лоббирования своих интересов в Вашингтоне правительствами ЦА, автор подчеркивает, что наиболее активно среди республик региона лоббирует национальные интересы в американских инстанциях Казахстан. Но в целом же последствия деятельности американских лоббистских групп в интересах

среднеазиатских стран не сопоставимы со встречным влиянием институтов «мягкой силы», развернутых в регионе правительством США.

Таким образом, заключает исследователь, американский истеблишмент не скрывает свою цель — глобальное доминирование США. Для ее достижения он считает допустимым вмешиваться во внутренние дела других государств вплоть до принудительной смены национальных правительств. Среди инструментов укрепления американского господства фигурирует «мягкая сила», которая в теории описывается как культурная экспансия, но на практике применяется как отлаженный механизм манипуляции массовым общественным сознанием зарубежных стран.

Свою дееспособность система доказала в ходе «тюльпановой революции» в Кыргызстане 2005 г., но постепенно ее возможности ослабевают под давлением ряда объективных факторов. К ним можно отнести смещение международных приоритетов кабинета Б. Обамы на другие районы мира и сопряженное с этим урезание грантов на ЦА; удаленность региона от европейских союзников США и по совместительству соинвесторов в гражданское общество; возросшее недоверие к Белому дому со стороны среднеазиатских режимов и их меры по контролю над «третьим сектором»; наконец, укрепление на общественно-политической сцене региона позиций России и Китая, включая адаптацию ими американского опыта.

Кроме того, подчеркивает Попов, американцы слабо учитывают традиции и особенности менталитета чужих народов, считая свою идеологию универсальной. Но, несмотря на это, списывать со счетов целый социальный класс, возникший при поддержке Америки и объединяющий десятки

тысяч граждан Центральной Азии, пока преждевременно. У него еще будет возможность проявить себя в моменты политической турбулентности, которая почти неизбежно возникнет в ходе предстоящего транзита власти в Казахстане и Узбекистане. К тому же неизвестно, как поведет себя следующая американская администрация.

Как считает автор, на среднеазиатском направлении американской дипломатией пройдены три этапа, примерно совпадающие по времени со сроками президентских администраций Б. Клинтона, Дж. Буша-мл. и Б. Обамы. Каждая из них по-своему расставляла акценты во внешней политике, но действовала при этом в рамках общего стратегического курса на удержание глобальной гегемонии США, задачу сохранения которой они и не скрывали. На первом этапе Пентагон не свернул свою программу демилитаризации, а изменил ее содержание так, что она сама превратилась в потенциальный источник угроз для соседних стран.

В 2000-е гг. (второй этап), приняв в политический обиход лозунг борьбы с международным терроризмом в Афганистане, США совместно с союзниками по НАТО развернули в ЦА сеть военных и логистических объектов, наладили воздушные и наземные каналы снабжения, достигнув, как казалось, беспрецедентного уровня военно-политических контактов с бывшими азиатскими республиками СССР. Но удержаться на этих позициях американцы не смогли. Было приостановлено их военное проникновение на Каспий и выдворены базы ВВС США из Узбекистана и Кыргызстана. Последнее обстоятельство — уже само по себе редкость в международной практике и говорит о сложности рассматриваемого региона для американской внешней политики.

Автор задается вопросом: не состоялась ли реальная миссия Вашингтона в исламской республике именно в оборудовании своего военного форпоста, а не в утверждении демократического «свободного и мирного Афганистана»? Что же касается избранной Белым домом линии борьбы с наркотиками и терроризмом, то и она привела в ЦА к обратным результатам.

Исследователь приходит к выводу, что последовательность и результаты действий американской стороны наталкивают на мысль о том, что разрастание очага нестабильности в срединной Евразии рассматривается ею как вполне приемлемый вариант развития событий хотя бы на случай, если политический протекторат и долгосрочное военное присутствие США в этом районе не будут гарантированы. Если исключить запасы каспийской нефти, завышенные оценки которых на начальном этапе привлекли сюда иностранный капитал, то регион был и остается для США глубокой экономической периферией. Периодические всплески активности американской экономической политики, как бы они не подавались общественности, обусловлены, главным образом, стремлением замедлить или подорвать складывающуюся хозяйственную кооперацию ЦА с Россией и Китаем.

Наконец, заключает автор, действуя в традиционном для себя стиле, американская сторона накрыла регион разветвленной сетью НПО, СМИ, образовательных учреждений и интернет-групп, вовлеченных в манипуляции общественно-политическими процессами. Несмотря на то, что пока Соединенным Штатам не удалось развить свой успех и поставить Кыргызстан или другое центральноазиатское государство под внешний контроль на длительный срок, как это происходит на других постсоветских

окраинах, Белый дом вряд ли откажется от новых попыток обзавестись клиентом в регионе. К этому его подталкивает традиция ведения «организованной политической войны» и те «выгоды», которые сулит окружение России буфером враждебных государств. Удушающая «петля анаконды» вокруг нее будет оставаться незамкнутой без южного звена.

В целом, наблюдая за «походом» Соединенных Штатов в ЦА, автор замечает, как их достижения разбивались о неспособность удержать результат, а успешные ходы сменялись откровенными провалами, ярким примером которых стал узбекский Андижан.

В такие переломные моменты хорошо различимы сильные и слабые стороны американской внешней политики. Ее безусловными преимуществами остаются четкий приоритет собственных национальных интересов; умение мобилизовать для решения своих задач союзников; адаптация к дипломатической работе современных социальных, коммуникационных и цифровых технологий; и, конечно, ясный идеологический посыл, привлекательный для многих иностранных граждан, несмотря на разительное расхождение либеральной риторики с реальными делами, которые она маскирует.

К числу слабых мест американского курса ученый относит межпартийную и межведомственную конкуренцию в США, накладывающую отпечаток на международные отношения; расточительное обращение с материальными ресурсами, которые даже для первой в мире экономики не являются безграничными; игнорирование, порой демонстративное, азиатских культурных и политических традиций, хотя многим американским специалистам известно, что, например, проекты популяризации гомосексуальных отношений плохо

воспринимаются в патриархальном восточном обществе. Но, возможно, наиболее очевидная уязвимость, к которой склонен американский истеблишмент, состоит в преобладающем чувстве собственного превосходства и исключительности, что не только порождает стремление к мировой гегемонии, но и притупляет восприятие действительности.

Однако, делает окончательный вывод Д. Попов, с определенной долей уверенности можно ожидать одно: Вашингтон сохранит общий стратегический замысел в отношении Центральной Азии. По крайней мере, его вектор был устойчивым при трех подряд американских администрациях, поочередно сменявших друг друга с начала 1990-х гг. После первых негласных консультаций со среднеазиатскими лидерами еще до распада СССР действия всех хозяев Белого дома, так или иначе, подчинялись логике сдерживания геополитических конкурентов США. Прежде всего, они были нацелены на разрыв региона с Россией, а впоследствии также на купирование растущего влияния Китая и изоляцию Ирана. К императивам американской стратегии исторически относятся и обеспечение доступа к сырьевым богатствам, включая создание маршрутов их транспортировки на Запад. Эти базовые принципы американской политики останутся неизменными и в обозримой перспективе, пока политический класс в Вашингтоне воспринимает свою страну как сверхдержаву, имеющую интересы во всех, даже самых удаленных, уголках мира. Неизменными, по всей видимости, останутся и жесткие предельно циничные методы ведения геополитической борьбы в духе большой «грязной» игры.

Таким образом, перед нами глубокое, интересное и актуальное исследование, разработанное относительно молодым

ученым. Но, несмотря на это обстоятельство, Д. Попову удалось вскрыть явные и скрытые механизмы реализации американской стратегии в Центральной Азии. Возможно, кому-то выводы и оценки американской политики автора книги покажутся чрезмерно резкими, однако по ходу текста исследователь не ограничивается только Центральной Азией, а использует примеры, подтверждающие суть деструктивной и опасной по своей природе глобальной стратегии США из практики в других регионах мира. Тем

самым картина происходящего приобретает целостность.

Подробное знакомство с данным исследованием, которое мы охотно рекомендуем специалистам по Центральной Азии, американистам и в целом всем политологам-международникам, будет, безусловно, чрезвычайно полезным. И, наконец, следуя древней пословице «Praemonitus, praemunitus» (предупрежден — значит вооружен), данное исследование необходимо прочесть, прежде всего, политикам.

КИСИ ВОШЕЛ В ТОП-ЛИСТ МИРОВЫХ «МОЗГОВЫХ ЦЕНТРОВ»

По итогам Всемирного индекс-рейтинга аналитических центров за 2016 г., Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК впервые вошел в топ-150 лучших «мозговых центров» в мире среди 6 тысяч аналитических институтов и центров. Ранее институт входил в глобальный рейтинг только в рамках отдельных категорий и направлений.

Рейтинг составляется в рамках Исследовательской программы Университета Пенсильвании «Аналитические центры и гражданское общество» по признанию достижений аналитических структур и выявлению тенденций их развития по всему миру с 1989 г. на основе анализа деятельности более 6 тысяч «мозговых центров» в мире.

КИСИ также был отмечен еще в четырех отдельных номинациях. По итогам нового рейтинга в категории топ-100 исследовательских центров в сфере безопасности, обороны и внешней политики КИСИ улучшил свою позицию, поднявшись на 95-е место, а в списке лучших государственных «мозговых центров» поднялся на 56-е место в мире.

В рейтинге лучших аналитических структур в Центральной Азии КИСИ сохранил свое положение, войдя в тройку лидеров.

Во Всемирном рейтинге были отмечены и другие казахстанские аналитические структуры. В частности, Институт мировой политики и экономики, Центр анализа общественной политики, Информационно-аналитический центр МОН РК, Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Национальный аналитический центр, Институт экономических исследований и Университет КИМЭП. Данные показатели говорят о возрастающей роли аналитических центров в Казахстане. Научно-экспертные материалы казахстанских «мозговых центров» все чаще цитируются за рубежом.

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК был создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 г. в г. Алматы. В апреле 2014 г. Указом Президента РК КИСИ был передислоцирован в г. Астану.

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан

КИСИ был создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 г.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КИСИ

1. Стратегические аспекты внешней политики:

- ♦ мониторинг внутривнутриполитического и социально-экономического развития сопредельных стран;
- ♦ анализ двусторонних отношений Казахстана с Россией, Китаем, США, Турцией, странами ЕС и СНГ;
- ♦ исследование проблем интеграции на постсоветском пространстве;
- ♦ изучение вопросов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

2. Общественно-политические и социальные процессы в современном Казахстане:

- ♦ мониторинг общественно-политической ситуации в Республике Казахстан;
- ♦ анализ этнодемографической ситуации и миграционных процессов в Казахстане;
- ♦ исследование процессов демократизации и становления политических институтов в стране.

3. Экономическая безопасность:

- ♦ исследование проблем экономической безопасности;
- ♦ изучение тенденций развития мировой экономики и анализа их влияния на экономику Казахстана;
- ♦ исследование проблем участия Казахстана в международном экономическом сотрудничестве;
- ♦ социально-экономический мониторинг Республики Казахстан.

ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИСИ

Институт проводит фундаментальные исследования по стратегическим проблемам внешней и внутренней политики, социально-экономического развития Казахстана, готовит материалы прогнозно-аналитического характера для руководства страны.

Институт выпускает три периодических издания: ежеквартальный научно-аналитический журнал «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), ежеквартальный научный журнал «Казахстан-Спектр» (на русском языке), ежеквартальный аналитический журнал «Central Asia's Affairs» (на английском языке), в которых освещаются проблемы внешней и внутренней политики, международных отношений, национальной безопасности, социальной и экономической политики Республики Казахстан, а также размещает материалы на собственном сайте.

Институт проводит семинары, конференции, круглые столы, международные форумы по основным направлениям своих исследований.

КИСИ сотрудничает с зарубежными научными и аналитическими структурами, осуществляет международные исследовательские проекты по различным проблемам развития Казахстана и Центральной Азии.

Требования к рукописям, публикуемым в журнале

Журнал «Казахстан-Спектр»

Текст статьи должен быть распечатан на принтере в двух экземплярах (кегель 14, шрифт «Таймс», одинарный интервал, поля — 2 см со всех сторон) и заверен личной подписью автора (авторов). Объем должен быть не менее 8 и не более 14 страниц. К распечатке должны прилагаться файлы с текстом и графическими материалами.

Список литературы должен располагаться в конце статьи на языке оригинала в следующем виде: порядковый номер, автор, название работы, источник, месяц и/или год издания. В тексте ссылки на источники указываются в квадратных скобках. В список литературы не включаются: нормативные документы, статистические сборники, газетно-журнальная периодика, художественная литература, разнообразные интернет-источники, материалы с изменчивым контентом, блоги, форумы и т.д. Рекомендуется описывать их во внутритекстовых ссылках (в круглых скобках), не включая в пристатейный список литературы.

К материалу необходимо приложить авторский лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью; место работы и должность; служебный адрес; номера служебного и мобильного телефонов.

Рукописи статей не возвращаются и не рецензируются. Ответственность за содержание статей несет автор (авторы). Редакция оставляет за собой право публикации или отклонения рукописи.